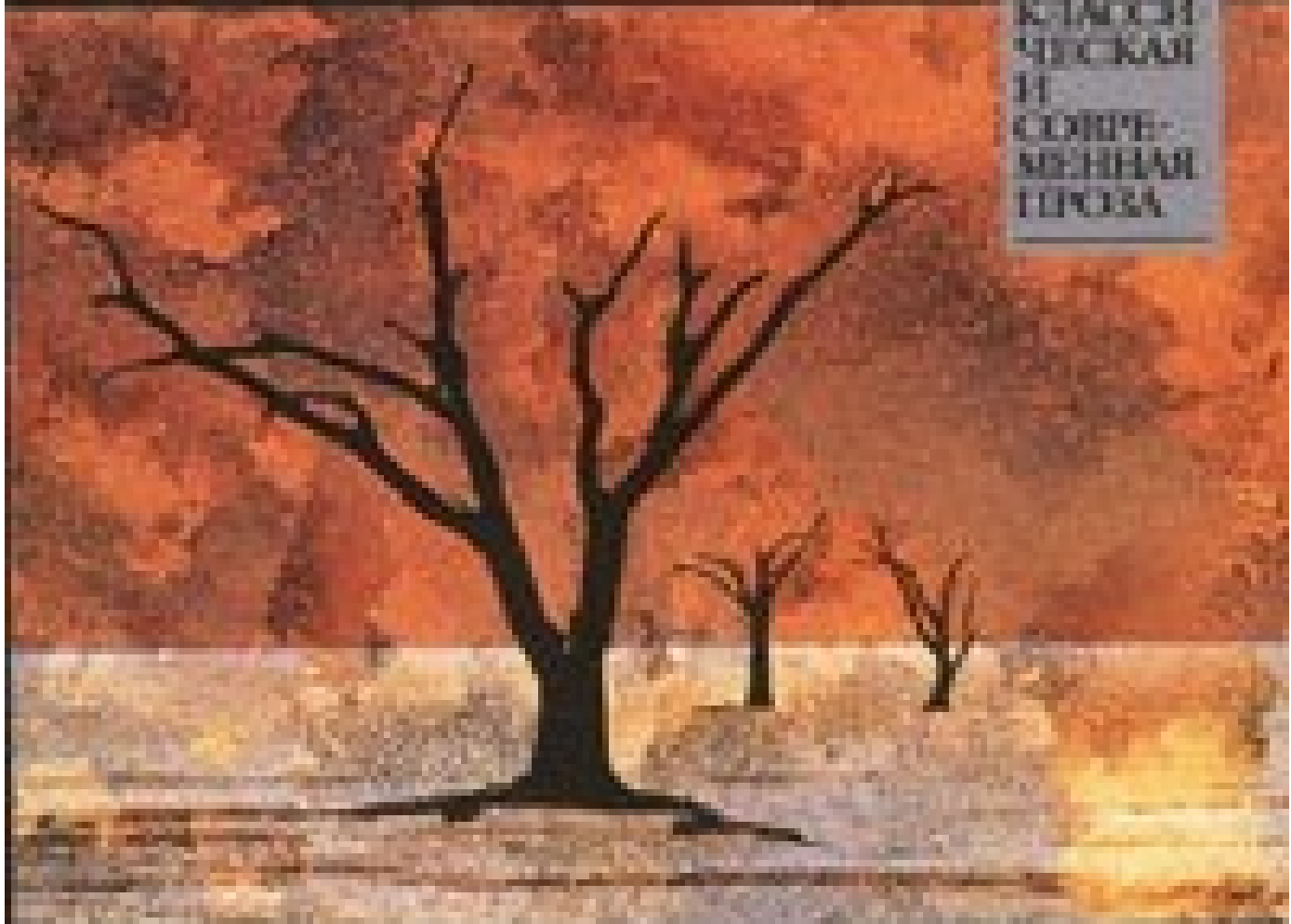

КЛАССИЧЕСКАЯ
И
СОВРЕМЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА

Джеймс

РЕДФИЛД

Десятое
пророчество

перевод

А. С. Сидорова

LITRU.RU

Джеймс Редфилд

Десятое Пророчество

*Моей жене и вдохновительнице —
Сэл Меррил Редфилд*

Эта книга, — являясь продолжением «Селестинских пророчеств», — своего рода приключенческая притча, попытка проиллюстрировать духовное преобразование, происходящее в наши дни.

Надеюсь, в обеих этих книгах мне удалось обрисовать то новое восприятие, те чувства и явления, которые, всё в большей степени, определяют нашу жизнь на пороге третьего тысячелетия.

По-моему, мы совершаем величайшую ошибку, полагая, что досконально выяснили и поняли всё, касающееся духовной стороны человеческой жизни.

Если история учит нас чему-нибудь, то лишь тому, что культура и знание — постоянно эволюционируют. Устоявшимися и догматичными бывают только индивидуальные представления.

Истина же, гораздо более динамична, и великая радость жизни состоит как раз в том, чтобы самому открыть её для себя, донести эту свою собственную, особую истину до других и затем, наблюдать, как она эволюционирует и обретает более четкую форму именно тогда, когда становится необходимой, чтобы оказать важное влияние на чью-либо жизнь.

Все мы вместе идём куда-то, и каждое поколение продолжает строить здание, опираясь на то, что создано предыдущим, хотя, мы лишь смутно помним о цели, во имя которой это здание возводится.

Все мы переживаем непростой процесс пробуждения, постепенного открытия для себя того, кто же мы такие на самом деле и чего ради мы пришли в этот мир.

И всё же, я твёрдо уверен, что если мы всегда будем следовать лучшим из созданных до нас традиций, не забывая об упомянутом процессе, то любая проблема, с которой нам придётся столкнуться на нашем пути, любой межличностный конфликт могут быть преодолены, и в этом преодолении, будет что-то от неизбежности и что-то от чуда.

Вовсе не собираясь преуменьшать важности проблем, по сей день стоящих перед человечеством, я хочу только пояснить, что решение их зависит от каждого из нас и что каждый участвует в их решении по-своему.

Осознав и признав, что жизнь — величайшее таинство, мы поймём, что оказались именно там, где надо, именно в том пространстве и времени, благодаря чему, мы сможем изменить этот мир.

Дж. Р.

Весна 1996 года

Десятое пророчество

...Я взглянул, и вот, дверь отверста на небе, и прежний голос, который я слышал как бы звук трубы, говоривший со мною, сказал: взойди сюда, и покажу тебе, чему надлежит быть после сего.

И тотчас я был в духе, и вот престол стоял на небе... и радуга вокруг престола, видом подобная смарагду.

И вокруг престола двадцать четыре престола; а на престолах видел я сидевших двадцать четыре старца, которые облечены были в белые одежды...

И увидел я новое небо и новую землю; ибо прежнее небо и прежняя земля миновали...

Откровение

В поисках тропы

Я подошёл к самому краю гранитного выступа и взглянул на север. Там, внизу, простиралась одна из аппалачских долин, изумительно красивая и довольно обширная: миль шести-семи в длину и миль пяти в ширину. Я видел её сбоку.

Вдоль долины вилась река, прокладывая себе путь среди лугов и густого, переливающегося всеми оттенками зелени леса. Лес был старый — деревья достигали нескольких сот футов в высоту.

Я перевёл взгляд на наспех набросанный план, который держал в руке. Всё в долине точно соответствовало рисунку: обрывистый выступ, на котором я стоял, дорога, ведущая вниз, ландшафт, река, плавные очертания склонов вздымающихся за нею гор.

Это наверняка то самое место, которое попыталась изобразить Чарлин в записке, найденной в её офисе. Почему она сделала это? И почему исчезла?

Уже более месяца минуло с тех пор, как Чарлин в последний раз связывалась со своими коллегами по исследовательской фирме, в которой работала, и к тому моменту, когда одному из них — Фрэнку Симсу пришло в голову позвонить мне, он уже был явно встревожен.

— Вообще-то, она часто уезжает вот так, по своим делам, — сказал он. — Но ещё не бывало, чтобы она отсутствовала так долго, да ещё когда назначены встречи с давними и постоянными клиентами. Тут что-то не так.

— Почему вы решили позвонить именно мне? — спросил я.

В ответ, он процитировал часть письма, которое я написал Чарлин несколькими месяцами раньше и в котором говорилось о моих приключениях в Перу.

Письмо, пояснил он, было обнаружено в её офисе, а при нём записка, с моим именем и телефоном.

— Я обзваниваю всех известных мне знакомых Чарлин, — добавил Фрэнк. — Пока что, похоже, никто ничего не знает. Судя по записке, вы — один из её друзей. Я надеялся, что у вас есть какая-нибудь информация.

— К сожалению, нет, — ответил я. — Мы не общались уже несколько месяцев.

Однако, даже после того, как я произнёс эти слова, мне всё ещё не верилось, что, на самом деле, прошло столько времени.

Получив моё письмо, Чарлин вскоре позвонила мне и наговорила «на автоответчик длинное послание. Её взволновало то, что я писал ей об Откровениях; а ещё она заметила, что информация о них, похоже, распространяется очень быстро.

Я вспомнил, что прослушал сообщение Чарлин несколько раз, но ответный звонок отложил, сказав себе, что позвоню завтра или через пару дней.

Я знал, что в разговоре с Чарлин мне придётся вспоминать и объяснять ей подробности, связанные с Манускриптом, и решил, что мне нужно ещё раз обдумать всё: так сказать, переварить то, что произошло.

На самом деле, проблема заключалась в том, что мне всё ещё не удавалось в полной мере постичь Пророчество.

Конечно, я не утерял способности пополнять свою внутреннюю духовную энергию, и это спасало, поскольку с Марджори у меня всё разладилось и я много времени проводил в одиночестве.

Кроме того, мое интуитивное восприятие мыслей и снов, а также яркости окружающей меня обстановки было остро, как никогда.

А вот со случайно-неслучайными совпадениями дело обстояло значительно хуже.

Например, я буквально переполнялся энергией, чувствуя, что речь идёт о главнейшем вопросе моей жизни, и, обычно, отчётливо ощущал, как мне надлежит поступить или куда направиться, чтобы отыскать ответ.

Я следовал этому внутреннему голосу, однако, слишком уж часто не происходило ничего важного. Я не обнаруживал никакого послания, никаких совпадений.

Так бывало особенно тогда, когда интуиция толкала меня на контакт с более или менее знакомым мне человеком — с каким-нибудь старым приятелем или кем-то связанным со мной по работе.

Случалось, что мы находили, так сказать, новую точку соприкосновения, но, несмотря на все мои усилия, направленные на передачу своей энергии собеседнику, моя инициатива либо встречала полное неприятие, либо вызывала неожиданно резкие отрицательные эмоции.

Хотя, все эти неудачи и не привели меня к разочарованию, я понял, что, когда речь идёт о том, чтобы жить, следуя Откровениям, мне чего-то не хватает.

В Перу я действовал под влиянием момента, зачастую спонтанно; мною руководило нечто вроде веры, порождённой отчаянием.

Вернувшись же домой, в своё обычное окружение, и нередко сталкиваясь с откровенными скептиками, я, похоже, утратил твёрдую веру в то, что интуиция действительно способна привести меня куда-то.

Видимо, какая-то жизненно важная часть Знания стёрлась из моей памяти... а может быть, я ещё не открыл её для себя.

— Я просто ума не приложу, что делать дальше, — продолжал коллега Чарлин. — У неё есть сестра, по-моему, в Нью-Йорке. Вы не знаете, как связаться с ней? Или с кем-нибудь ещё, кто может знать, где она живёт?

— К сожалению, нет, — повторил я. — Мы с Чарлин действительно старые друзья, но только недавно начали общаться снова после долгого перерыва. Я не помню никого из её родственников и не знаю, кто её нынешние друзья.

— Что ж, пожалуй, мне придётся обратиться в полицию, если только у вас нет никакой идеи получше.

— Я думаю, это разумно. А никаких других ниточек нет?

— Только какой-то рисунок — может быть, план местности. Трудно сказать.

Позже он переслал мне по факсу всю записку, найденную в офисе Чарлин, включая и кое-как нацарапанный план — множество пересекающихся линий, цифры и неразборчивые пометки на полях.

Я засел за свой письменный стол, вооружившись «Атласом Юга», и попытался сопоставить данные наброска с цифровыми обозначениями дорог, в результате чего и обнаружил место, весьма похожее на изображённое.

Вслед за этим, перед моим внутренним взором возник яркий, живой образ Чарлин, точно такой же, какой представился мне в Перу, когда мне сообщили о существовании Десятого откровения.

Означало ли это, что исчезновение Чарлин каким-то образом связано с Манускриптом?

Дуновение ветра, коснувшееся лица, пробудило меня от размышлений. Я снова взгляделся в раскинувшуюся подо мной долину.

Далеко слева, в её западной оконечности, я различил ряд полускрытых зелёною крыш. По-видимому, это был тот самый городок, что Чарлин изобразила на своём плане. Сунув листок бумаги в нагрудный карман жилета, я вернулся к дороге и сел в свой «пасфайндер».

Городок был невелик, население всего две тысячи человек, как было указано на щите возле первого — и единственного — светофора. Большинство магазинов и учреждений

сосредоточились на одной улице, вытянувшейся вдоль берега реки.

Проехав светофор, я заметил неподалёку от входа в Национальный лесной заповедник небольшой мотельчик и направился на его автостоянку, рядом с которой располагались ресторан и паб.

Пока я ставил машину, в ресторан вошли несколько человек, среди них высокий, смуглый, черноволосый мужчина с объёмистым рюкзаком. В дверях он обернулся, наши взгляды встретились, и мгновенно возникло ощущение контакта.

Я выбрался из машины и запер её. Что-то подсказывало мне, что, прежде, чем искать его в мотеле, следует заглянуть в ресторан.

За столиками было мало народу — лишь те несколько человек, что вошли до меня, да кучка молодых ребят — по всей видимости, туристов — возле, стойки бара.

Моё появление почти не привлекло внимания, однако, оглядывая зал, я снова встретился глазами с тем же смуглым черноволосым человеком: он шёл через ресторан, направляясь к задней двери. Он слегка улыбнулся мне, потом, помедлив секунду, отвёл взгляд и вышел.

Я последовал за ним. Он остановился футах в двадцати от двери и, опустив свой рюкзак на землю, склонился над ним.

Ковбойка, джинсы и высокие ботинки; на вид я дал бы ему лет пятьдесят. Позади него солнце, начинавшее клониться к закату, вычерчивало на траве длинные тени от высоких деревьев, а в стороне, в полусотне ярдов, струилась река, готовясь начать свой путь через долину.

Смуглый человек поднял взгляд на меня и неуверенно улыбнулся:

— Тоже приехали посмотреть на заповедник?

— Ищу одну приятельницу, — ответил я. — Мне показалось, что вы можете помочь мне.

Он кивнул, внимательно оглядывая меня с головы до ног, потом подошёл и назвал себя: Дэвид Одинокый Орёл, пояснив, как будто мне было важно знать это, что является прямым потомком индейцев, некогда населявших эту долину.

Только теперь я заметил тонкий шрам, пересекавший левую сторону его лица от брови до подбородка, минуя лишь глазную впадину.

— Хотите кофе? — спросил Дэвид. — У них там, в салуне, неплохой «Перрье», но кофе паршивый. — Он кивнул в сторону небольшой палатки, стоявшей на берегу реки в тени трёх больших тополей.

Я увидел вокруг неё множество людей, сновавших туда-сюда; несколько человек направлялись по тропе к мостику, за которым находился вход в Национальный лесной заповедник. Что ж, кемпинг, как кемпинг.

— Да, — ответил я. — Это было бы кстати.

Мы добрались до кемпинга. Дэвид разжёг маленькую газовую плитку, налил воды в котелок и поставил его на конфорку.

— Как зовут вашу приятельницу? — поинтересовался он наконец.

— Чарлин Биллингс.

Ничего не ответив, Дэвид взглянул на меня, и, пока мы смотрели друг другу в глаза, я мысленным взором вдруг ясно увидел его — но в иные времена.

Он был моложе, чем теперь, всю одежду его составляли штаны из оленьей кожи, а лицо покрывала боевая раскраска.

Он сидел у большого костра, вокруг располагалось ещё несколько человек — в большинстве своём индейцев, но среди них было и двое белых: женщина и очень крупный мужчина.

Спор был в разгаре. Одни требовали войны, другие стояли за примирение. Дэвид вмешался в накалявшийся с каждой минутой разговор, насмехаясь над последними: нас уже столько раз

обманывали, сказал он, а вы по-прежнему остаётесь наивными, как дети.

Белая женщина, похоже, понимала его чувства, однако, попросила, всё же, выслушать её. Она утверждала, что войны можно избежать, а долину защитить, если духовное воздействие окажется достаточно сильным.

Он полностью отверг все её доводы, после чего, высказавшись не слишком лестно по адресу собравшихся, вскочил на своего коня и уехал. Большинство его соплеменников последовало за ним.

— Что ж, интуиция не подвела вас, — звук голоса Дэвида оторвал меня от моего видения. Расстелив на земле домотканое одеяло, индеец жестом пригласил меня сесть на него. — Я действительно кое-что знаю о ней. — Он взглянул на меня вопросительно.

— Я беспокоюсь, — объяснил я. — Никто не знает, куда, она делась. Я просто хочу убедиться, что с ней всё в порядке. И потом, нам нужно поговорить.

— О Десятом откровении? — улыбнулся Дэвид.

— Откуда вы знаете?

— Просто догадался. Многие из тех, кто приезжает в эту долину, рвутся сюда не просто ради того, чтобы полюбоваться красотами заповедника. Они жаждут поговорить об Откровениях. Они думают, что Десятое скрыто где-то здесь. И некоторые даже заявляют, что им известно, о чём оно.

Повернувшись к плитке, он заварил кофе. Что-то в тоне его голоса навело меня на мысль, что меня проверяют, пытаются выяснить, действительно ли я тот, за кого себя выдаю.

— Где Чарлин? — спросил я.

Он указал пальцем на восток.

— В лесу. Сам я не знаком с вашей приятельницей, но однажды вечером, в ресторане, слышал, как она назвала себя, знакомясь с кем-то, а с тех пор видел её ещё пару-тройку раз. В последний раз — несколько дней назад; она была одна и направлялась в долину. А, судя по экипировке, думаю, что она все ещё там.

Я взглянул в указанном направлении. С того места, где мы находились, долина выглядела огромной.

— Куда, по-вашему, она могла пойти? — спросил я. Несколько мгновений он смотрел на меня, потом ответил:

— Вероятно, в каньон Сипси. Как раз там обнаружено одно из окон. — Он явно наблюдал за моей реакцией.

— Одно из окон?

Он загадочно улыбнулся.

— Да. Одно из окон в другое измерение. В моей памяти отчётливо всплыло то, что произошло среди руин Селеетины. Я придвинулся поближе к Дэвиду:

— Кто знает обо всём этом?

— Очень немногие. Пока, в основном, всё на уровне слухов, интуиции, обрывков информации. Никаких рукописей никто не видел.

Большинство из тех, кто приезжает сюда в поисках Десятого откровения, ощущают, что их ведёт что-то, и они искренне стараются постичь Девять откровений, хотя и жалуются, что совпадения ведут их некоторое время, а потом всё обрывается. — Он усмехнулся. — Но ведь, это происходит со всеми нами, не так ли?

— Десятое откровение касается полного осознания и понимания всего — улавливания таинственных совпадений, растущего духовного сознания на Земле, исчезновений, связанных с Девятым откровением, — с более высокой перспективы другого измерения. Это поможет нам понять причины происходящих изменений и с большей отдачей участвовать в них.

— Откуда вы знаете?.. — спросил я. Бросив на меня пронзительный взгляд, он неожиданно зло отрезал:

— Знаю!

Ещё секунду-другую его лицо оставалось напряжённым, потом смягчилось. Потянувшись к котелку, Дэвид налил две чашки кофе и подал одну мне.

— Мои предки жили в окрестностях этой долины многие тысячи лет, — заговорил он. — Они верили, что этот лес — священное место на пути между верхним миром и средним миром, находящимся здесь, на Земле.

Наши люди приходили в долину, чтобы получить ответы на наиболее важные вопросы, обрести особый дар, излечиться от болезни или узнать, по какой тропе им следует идти в жизни.

— Мой дед, — продолжал индеец, — рассказывал мне о шамане, который пришёл из какого-то дальнего племени и научил наш народ искать то, что он называл состоянием очищения.

По его совету люди пускались в путь, прихватив в собой только нож, — а путь начинался как раз отсюда, — и шли до тех пор, пока животные не подавали им какого-нибудь знака, и они следовали этим знакам и, в конце концов, находили то, что они называли священным входом в верхний мир.

Если они оказывались достойными, если они очищались от низменных чувств, говорил шаман, им даже могло быть дозволено войти туда и пообщаться с предками, и там они могли вспомнить не только свои собственные видения, но и видение всего мира.

Разумеется, всё кончилось, когда пришёл белый человек, — после секундной паузы добавил он. — Уже мой дед не мог вспомнить, как это делается, а я — тем более не могу. В общем, нам, как и всем остальным, приходится только воображать себе, как что было.

— Значит, вы тоже приехали сюда в поисках Десятого откровения? — спросил я.

— Конечно... конечно! А для чего же ещё? Но, похоже, я только и делаю, что прощаю — как будто кто-то наложил на меня епитимью.

Его голос снова зазвучал холодно и резко, и мне вдруг показалось, что он говорит не столько со мной, сколько с самим собой.

— Всякий раз, как я пытаюсь сделать шаг вперёд, какая-то часть меня не может преодолеть злости и ярости, порождённых тем, что произошло с моим народом.

Время идёт, а ничего не меняется. Как могло случиться, что нашу землю украли, а нашу привычную жизнь разрушили? Как, почему это было допущено?

— Мне очень хотелось, чтобы этого никогда не было, — сказал я.

Он обвёл взглядом окрестности и едва заметно усмехнулся:

— Я верю вам. Но всё же, во мне так и поднимается ярость, при одной лишь мысли о том, что творят с этой долиной...

— Видите этот шрам? — вдруг спросил он, указывая на своё лицо. — В тот день я мог бы избежать драки. Это были накачавшиеся спиртным техасские ковбои. Я мог бы уйти, если бы не ярость, вспыхнувшая во мне.

— А разве большая часть долины не относится к заповеднику? — удивился я.

— Чуть меньше половины, к северу от реки, но политики постоянно грозятся продать её или разрешить её, так сказать, освоение.

— А другая половина? Кому она принадлежит?

— Долгое время ею владели частные лица. Теперь эти земли пытается скупить некая корпорация, зарегистрированная за пределами США. Мы не знаем, кто стоит за всем этим, но некоторым из нынешних хозяев земель в долине предлагают просто фантастические деньги.

Глянув по сторонам и, словно решившись, он произнес:

— Я хочу, чтобы в прошедших трёх столетиях все происходило иначе. Меня бесит, что европейцы обустроивались на этом континенте, презрев тех, кто уже жил здесь.

Я хочу, чтобы всё было иначе, как будто могу что-то изменить в прошлом. Наш образ жизни имел огромное значение.

Мы постигали ценность воспоминания. То было величайшее послание, которое европейцы могли бы воспринять от моего народа, если бы только удосужились остановиться и послушать.

Под звук его голоса я опять словно бы начал грезить наяву. Двое людей — индеец и та же белая женщина, которую я уже видел, — разговаривали на берегу небольшой, но бурной реки.

Позади них вздымался густой лес. Через некоторое время, стали подходить другие краснокожие; они кольцом окружили собеседников и внимательно слушали.

— Мы можем исцелить это! — говорила женщина.

— Боюсь, нам известно ещё слишком мало, — возразил индеец. На его лице читалось глубокое уважение к белой женщине. — Большинство других вождей уже уехали.

— Но почему нет? Вспомни, сколько мы спорили. Ты же сам сказал, что если вера достаточно велика, то мы можем исправить это.

— Да, — подтвердил он, — однако вера — это уверенность, порождённая знанием того, каким должен быть порядок вещей. Предки знали это, но среди нас слишком мало тех, кто достиг этого знания.

— Но, может быть, мы можем достичь этого знания теперь! — умоляюще воскликнула женщина. — Мы должны попытаться!

Мои мысли прервало оживление на мосту, где несколько мужчин в форме рейнджеров «Службы леса» вышли навстречу пожилому мужчине в отнюдь не походных брюках и накрахмаленной рубашке. Седые волосы незнакомца были аккуратно подстрижены. Я заметил, что он чуть прихрамывает.

— Видите этого человека — там, с рейнджерами? — спросил Дэвид.

— Вижу. А что?

— Я вижу его здесь уже в который раз за последние две недели. По-моему, его зовут Феймэн. Фамилии не знаю. — Дэвид наклонился ко мне, и в его голосе я впервые за все время услышал полное доверие:

— Послушайте, происходит нечто странное. Вот уже несколько недель Служба леса, похоже, считает, сколько туристов уходит в лес. Такого ещё никогда не было, а вчера один человек сказал мне, что Служба полностью перекрыла доступ в его самую дальнюю восточную часть.

Там есть места, от которых до ближайшего шоссе добрый десяток миль, так что рисковать забираться в эту чащобу охотников немного. Более того, оттуда стал доноситься какой-то странный звук.

— Что это за звук?

— Не знаю. Большинство людей воспринимает его, как нечто чуждое, диссонирующее. Внезапно он поднялся на ноги, и торопливо принялся снимать палатку.

— Что это вы делаете? — поинтересовался я.

— Я не могу оставаться здесь, — отозвался он, сворачивая тент. — Я должен идти в долину. Впрочем, мгновение спустя он прервал свое занятие и снова взглянул на меня:

— Послушайте... Вам следует знать кое-что. Этот Феймэн... Я несколько раз видел с ним вашу приятельницу.

— И..?

— Они просто разговаривали. Но, повторяю вам, здесь что-то не так.

Он продолжал укладывать палатку. Пару секунд я молча смотрел на него. Я не знал, что и

думать обо всём этом, но чувствовал, что Дэвид прав: Чарлин где-то в долине.

— Подождите минутку, — обратился я к Дэвиду, — я пойду с вами, вот только прихватчу своё имущество.

— Нет, — отрезал он. — Каждый должен ощутить долину сам. Сейчас я не могу взять вас с собой. Я должен найти своё собственное видение.

— Вы можете сказать мне, где точно находится каньон Сипси?

— Просто идите мили две вдоль реки до её северного притока. По нему пройдёте ещё с милю и окажитесь у самого входа в каньон Сипси.

Я кивнул и пошёл было прочь, но он остановил меня, положив руку на плечо.

— Слушайте, — быстро проговорил он, понизив голос. — Вы найдёте вашу приятельницу, если сумеете повысить свой энергетический уровень. Там, в долине, есть особые места, которые помогут вам сделать это.

— Окна в иное измерение?

— Да. Там вы можете открыть для себя перспективу Десятого откровения. Но для того чтобы отыскать эти места, вы должны понять истинную природу проявлений своей интуиции и научиться удерживать эти мысленные образы.

Кроме того, присматривайтесь к животным, и вы начнёте вспоминать, чего ради вы пришли в эту долину... почему все мы находимся здесь — вместе.

Но, будьте крайне осторожны. Постарайтесь, чтобы они не заметили, как вы входите в лес. — На мгновение он задумался, потом продолжал: — Там, в долине, находится ещё один человек — мой друг Кэртис Уэббер. Если увидите его, скажите, что мы с вами общались и что я его непременно разыщу.

Слегка улыбнувшись на прощание, он снова занялся палаткой.

Мне хотелось уточнить, что он имел в виду, говоря о проявлениях интуиции и о наблюдении за животными, однако, Дэвид, похоже, не хотел встречаться со мной глазами и не поднимал головы.

— Спасибо, — сказал я.

Не отрываясь от дела, он поднял одну руку и помахал мне.

Я тихо прикрыл за собой дверь мотеля и шагнул навстречу лунному свету. От прохладного воздуха и напряжения по всему телу волной пробежал озноб.

«Зачем я это делаю?» — подумал я. Ведь, нет никаких доказательств того, что Чарлин всё ещё находится в долине и что подозрения Дэвида обоснованны.

Но я, как говорится, нутром чуял, что действительно здесь что-то не так. На протяжении нескольких часов я обдумывал, не стоит ли связаться с местным шерифом.

Но, что я ему скажу? Что моя приятельница исчезла, что её видели входящей в лес, причём без всякого принуждения, по доброй воле, хотя, возможно, у неё и правда какие-то проблемы? И что весь сыр-бор загорелся из-за малопонятной записки?

Для того чтобы прочесать эти дебри, потребуется не одна сотня людей, и я знал, что никто не возьмётся за такое трудоёмкое дело без основательных причин.

Я приостановился и взглянул на почти полную луну, поднимавшуюся из-за деревьев. Мой план заключался в том, чтобы перебраться через реку гораздо восточнее поста рейнджеров, а затем пробраться в долину по главной тропе.

Я рассчитывал, что луна будет освещать мне путь, но никак не думал, что она будет светить так ярко. Видимость была прекрасная — по меньшей, мере ярдов^[1] на сто.

Обогнув угол паба, я направился туда, где стояла палатка Дэвида. Теперь там не было ничего. Индеец даже рассыпал на этом месте листья и сосновые иголки, чтобы не осталось и следа после него.

Чтобы перейти реку там, где я планировал, мне предстояло преодолеть около сорока ярдов в пределах прямой видимости рейнджеров.

Отсюда их пост был, как на ладони, а через его боковое окно хорошо просматривалось то, что происходило внутри помещения, где находились двое рейнджеров. Один из них, поднявшись из-за стола, взялся за телефон.

Пригнувшись как можно ниже, я взвалил на плечи рюкзак и осторожно ступил сначала на прибрежный песок; а потом и в воду. Ноги скользили на гладких речных камешках, порой я едва не падал, споткнувшись о топляк.

Целый хор древесных лягушек и сверчков сопровождал меня. Я снова глянул на домик рейнджеров: они были заняты разговором, не подозревая о моем побеге.

В самых глубоких местах вода доходила мне лишь до бёдер, и, чтобы пересечь реку, достигавшую футов тридцати в ширину; мне понадобилось всего пара минут.

Я нырнул в небольшой соснячок на берегу и осторожно двинулся вперёд, пока не вышел на ведущую в долину туристскую тропу.

Она терялась в темноте, и когда я глянул туда, на восток, в голове моей зашевелилось ещё больше сомнений. Что это за Таинственный звук, так тревожащий Дэвида? На что я могу наткнуться во мраке этой чащобы? Но я отогнал страх. Я знал, что должен идти вперёд.

В качестве своеобразного компромисса, я прошёл по тропе с полмили, потом, свернув с неё, углубился в лес, поставил палатку и провёл в ней оставшуюся часть ночи, несказанно довольный, что могу, наконец, снять и просушить свои мокрые ботинки. Продолжить путь было разумнее днём.

Проснувшись на рассвете, я задумался о загадочных словах Дэвида относительно удержания интуитивных ощущений; лёжа в спальном мешке, я пытался проанализировать своё собственное понимание Седьмого откровения.

Согласно ему, каждый из нас, досконально разобравшись в своём прошлом, может найти в нём моменты и детали, определившие его жизнь, карьеру, отношения с другими людьми, места жительства, поведение в той или иной ситуации.

И тогда, если это понимание пришло, интуиция, или «внутренний голос», будет подсказывать, куда следует направиться, что сделать или с кем поговорить, чтобы найти ответ на тот или иной вопрос.

Вслед за этим, разумеется, должно произойти какое-либо совпадение, объясняющее, почему следует поступить именно так, а не иначе, дающее новую информацию, как-то связанную с данным вопросом, и, таким образом, помогающее сделать очередной шаг в жизни.

Значит, нужно постоянно прислушиваться к «внутреннему голосу»?

Выбравшись из спального мешка, я откинул полог палатки и выглянул наружу. Ничего необычного, вроде бы, не происходило. Тогда, я вылез из палатки на ядрёный осенний воздух, вернулся к реке и умылся её прохладной водой.

Потом, собрав свои пожитки, вскинул на спину рюкзак и двинулся на восток, жуя плитку сухого завтрака и стараясь держаться, как можно ближе к окаймлявшим реку высоким деревьям.

Я прошёл около трех миль, когда вдруг отчётливо ощутил всем своим существом тревогу и страх, а вслед за ними — усталость.

Я сел, прислонившись к дереву, и постарался сосредоточиться на том, что меня окружало, чтобы пополнить свою внутреннюю энергию.

Небо было безоблачно, утреннее солнце так и играло в ветвях деревьев и на траве. Футах в десяти от себя я заметил маленький кустик, усыпанный жёлтыми цветами, и сосредоточился на его красоте.

Уже целиком залитый солнечным светом, кустик был зелен и свеж; и вдруг он показался

мне ещё ярче, а его листья стали, прямо-таки, изумрудными. Меня обдало волной аромата, смешанного с запахом прелых листьев и чернозёма.

В тот же момент лес наполнился утренними звуками.

Сосредоточившись на слушании, я вдруг стал ясно различать в утреннем лесном хоре десятки отдельных звуков: птичьи голоса в кронах деревьев надо мной, жужжание шмеля в диких маргаритках, растущих у самой реки, журчание воды вокруг камней и шорох упавших веток... и потом что-то ещё, едва уловимое.

Это был странный низкий звук, напоминавший отдалённое гудение. Я поднялся на ноги и огляделся по сторонам. Что бы это могло быть?

Подхватив рюкзак, я снова зашагал на восток. Опавшие листья шуршали под ногами, так что мне приходилось останавливаться и прислушиваться. Но звук не исчезал.

Лес кончился; я вышел на обширный, должно быть около полумили в длину, луг, густо заросший высокой, по колено, травой и усыпанный яркими цветами.

Лёгкий ветерок расчёсывал траву, как пряди волос. Пройдя почти весь луг, я обратил внимание на островок ежевичных кустов, разросшихся вокруг рухнувшего дерева.

Они вдруг показались мне необычайно красивыми, и я двинулся к ним, в надежде набрать ягод.

И тут меня буквально захлестнуло отчётливое ощущение дежа-вю: это место показалось мне хорошо знакомым, словно я уже бывал прежде в этой долине, ел эти ягоды. Как такое было возможно?

Я сел на ствол упавшего дерева. Вскоре в глубине моего сознания вырисовалась другая картина: кристально прозрачный водоём, а за ним — водопад в несколько ярусов. Это место также показалось мне знакомым. Меня снова охватила тревога.

Неожиданно какое-то животное с шумом выскочило из зарослей ежевики, заставив меня вздрогнуть, и опрометью ринулось в северном направлении. Пробежав футов двадцать, оно резко остановилось.

Животное было скрыто высокой травой, так что я не видел его, но мог следить за его передвижениями по колыханию стеблей.

Несколько минут спустя оно снова побежало, на сей раз к югу, но почти тут же остановилось на секунду-другую, затем опять рванулось на север, но лишь для того, чтобы футов через десять — двадцать замереть вновь.

Скорее всего, это был кролик, хотя его передвижения выглядели довольно странно.

В течение нескольких минут я не отрывал глаз от того места, где в последний раз заметил след зверька, затем медленно двинулся в его сторону.

Когда расстояние между нами сократилось до пяти футов, зверёк внезапно бросился бежать, и опять на север... В какой-то момент я различил белый хвост и задние лапы крупного кролика.

Улыбнувшись, я пошёл, придерживаясь прежнего курса — на восток. Сразу же за лугом снова начинался густой лес. Там я обнаружил ручей футов четырех шириной, впадавший в реку слева, — очевидно, тот самый, о котором упоминал Дэвид. Следовательно, мне нужно было повернуть на север.

К несчастью, в этом направлении не было даже намека на тропу, а что ещё хуже — берега ручья сплошь заросли хотя и молодыми, но уже довольно толстыми деревьями и колючим шиповником, продраться через который было просто невозможно.

Мне пришлось вернуться на луг и поискать круглой путь.

Я пошел по самой границе между травой и деревьями, высматривая хоть какой-нибудь проход в густом подлеске. К своему удивлению, я вдруг заметил след, оставленный в траве

кроликом, и двинулся по нему.

Через некоторое время я снова вышел к ручью. Здесь непроходимый подлесок немного отступал от воды, так что, в конце концов, мне удалось добраться до участка, где росли старые, более крупные деревья, и я смог идти на север, следуя руслу.

Пройдя ещё, примерно, с миллю, я различил вдали склоны холмов, поднимавшихся по обоим берегам ручья. Приблизившись к ним, я понял, что на самом деле это почти отвесные стены каньона и что впереди находится единственный, судя по всему, вход в него.

Я сел под большим ореховым деревом и огляделся. По обе стороны ручья вздымались на добрых полсотни футов известняковые стены. Дальше, впереди, они отклонялись от вертикали, образуя огромный чашеобразный каньон мили две в ширину и, как минимум, четыре в длину.

Ближайшие полмили представляли собой заросли высокой травы, над которой тут и там поднимались деревья. Вспомнив о давешнем гудении, я пять-десять минут прислушивался, но оно, похоже, прекратилось.

В конце концов, я достал из рюкзака небольшую газовую плитку, зажег её, потом, налив в кастрюльку воды из фляги и высыпав туда же пакетик концентрата овощного супа, поставил её на огонь.

В продолжение нескольких минут я смотрел, как струйки пара, извиваясь, поднимаются в воздух и затем, тают под дуновением ветерка.

Перед моим мысленным взором опять встало видение водоёма и водопада, однако, на сей раз я сам как бы находился там — шёл на встречу с кем-то.

Тряхнув головой, я прогнал видение. Что происходит? Эти образы обретали всё большую живость и яркость. Сначала Дэвид в иные времена, теперь вот ещё и водопад.

Боковым зрением я уловил какое-то движение в каньоне. Я посмотрел на ручей, потом перевёл взгляд на одинокое дерево в паре сотен ярдов за ним, уже потерявшее большую часть листьев.

Всё оно было буквально усеяно птицами, похожими на крупных ворон, некоторые из них слетели вниз, на землю.

Пока я смотрел на них, они вдруг все разом взмыли в воздух и как-то мрачно закружились над деревом. Я услышал их карканье, хотя громкость этих звуков совершенно не соответствовала расстоянию, на котором птицы находились от меня: было ощущение, что они гораздо ближе.

Бульканье воды и шипение пара заставили меня перевести взгляд на кастрюльку. Мой обед убежал. Прихватив кастрюльку полотенцем, я другой рукой убавил газ. Когда кипение утихло, я снова поставил кастрюльку на огонь и повернулся к одинокому дереву. Вороны исчезли.

Наскоро проглотив суп, я вымыл кастрюльку, упаковался и двинулся в каньон. Пробираясь меж каменных стен, я заметил, что все краски вокруг меня стали более яркими.

Трава приобрела удивительный золотистый оттенок, и я впервые обратил внимание на то, что она усыпана сотнями белых, жёлтых и оранжевых цветов. С холмов, расположенных на востоке, ветер доносил аромат сосны и кедра.

Продолжая идти вдоль ручья на север, я, однако, всё время смотрел на высокое дерево слева, на котором видел-ворон. Когда оно оказалось точно в западном направлении от меня, я заметил, что ручей резко расширяется.

Пробравшись сквозь заросли ив, я оказался у небольшого водоёма; из него вытекал не только тот ручей, по которому я шёл, но и ещё один, далее отклонявшийся в юго-восточном направлении. Вначале я подумал, что это тот самый водоем, пригрезившийся мне, но за ним не было никаких водопадов.

Далее меня ожидал ещё один сюрприз; к северу от водоёма ручей пропадал — как не было. Откуда же бралась вода? Потом я сообразил: и водоем и ручей, вдоль которого я шел, питал

мощный подземный родник, который здесь выходил на поверхность.

Слева от себя, футах в пятидесяти, я заметил пологий холм, на котором росли три сикоморы, каждая более двух футов в диаметре. Замечательное местечко, чтобы посидеть и поразмыслить.

Я удобно устроился, прислонившись спиной к одному из деревьев. Остальные два находились в шести-семи футах прямо передо мной; взглянув налево, я мог видеть воронье дерево, взглянув направо, — родник.

Вопрос заключался в том, куда далее направить свои стопы. Ведь так я мог пробродить много дней и не найти даже следов Чарлин. И потом, эти видения...

Прикрыв глаза, я попытался мысленно воскресить картину с водоёмом и водопадами, но, как ни старался, не сумел вспомнить её во всех подробностях.

В конце концов, пришлось отказаться от этого намерения. Я снова посмотрел на траву, усыпанную цветами, потом перевёл взгляд на поднимающиеся передо мной сикоморы.

Их кора играла оттенками от тёмно-серого до белого; кое-где по ним, словно кто-то прошёл кистью, обмакнутой в красновато-коричневую краску, а во многих местах виднелись янтарные тона.

Стоило мне сосредоточиться на красоте этой картины, как все цвета приобрели необычайную яркость, стали переливчатыми. Сделав ещё один глубокий вдох, я перевёл взгляд на усеянный цветами луг. Воронье дерево прямо-таки светилось.

Я подхватил рюкзак и двинулся к нему. Немедленно в моем мозгу вспыхнуло видение водоёма и водопадов. На этот раз я постарался хорошенько запомнить всё.

Водоём был большой — площадью около акра;^[2] за ним круто вздымались скалы, и оттуда, с одной плоской террасы на другую, каскадом низвергалась вода.

Два водопада поменьше падали всего лишь футов с пятнадцати, но последний обрушивался в чашу водоёма с длинной отвесной скалы высотой в добрых тридцать футов. И снова я увидел в этой картине себя — идущего навстречу кому-то.

Шум автомобиля слева заставил меня замереть на месте, затем тихонько опуститься на колени за невысокими кустами. Выехавший из леса серый джип пересекал луг в юго-восточном направлении.

Я знал, что Служба леса запрещает частным машинам углубляться так далеко в заповедник, поэтому ожидал увидеть на дверце джипа её эмблему. Однако, к моему удивлению, никаких эмблем на джипе не было.

Ярдах в пятидесяти прямо передо мной он остановился. Сквозь просветы в листве мне удалось разглядеть в нем одинокую фигуру мужчины, осматривавшего местность при помощи полевого бинокля. Я нырнул в глубокую траву. Кто бы это мог быть?

Машина снова тронулась и вскоре исчезла из виду, затерявшись среди деревьев. Я приподнялся и сел, прислушиваясь, не донесётся ли опять то странное гудение. Нет, ничего. Я подумал: а может, лучше вернуться в город и искать Чарлин как-нибудь иначе?

Но где-то глубоко внутри я знал, что выбора нет. Закрыв глаза, я постарался сделать то, что советовал Дэвид: восстановить и удержать видение водоёма и водопадов. Потом, я встал и зашагал к вороньему дереву, но продолжал видеть внутренним взором эту картину во всех деталях.

Внезапно раздался резкий крик другой птицы — на сей раз ястреба. Мне едва удалось разглядеть в небе, левее дерева и далеко позади него, тёмный силуэт птицы. Ястреб летел на север. Я ускорил шаг, стараясь как можно дольше не выпускать его из виду.

Появление птицы словно придало мне сил, и даже после того, как она скрылась за горизонтом, я продолжал идти в том же направлении.

Преодолев мили полторы и перевалив через пару скалистых холмов, на вершине третьего я снова замер, различив другой доносящийся издали звук, очень похожий на шум струящейся воды. Нет, не струящейся — падающей.

Осторожно спустившись с холма, я вступил в глубокое узкое ущелье, где снова испытал ощущение дежа-вю.

Вот следующий холм, вот его гребень, а за ним — да, водоём и водопады, точно такие, какими они рисовались мне, только значительно больше.

Чашу водоёма, площадью не менее двух акров, обрамляли скалы и громадные валуны; его кристально чистая вода искрилась голубизной под ясным осенним небом.

Справа и слева виднелось несколько мощных дубов, окружённых играющей зеленью, багрянцем и золотом, порослью более мелких ив, клёнов и камедных деревьев.

Над дальним концом водоёма поднималось целое облако брызг и тумана. Вода, обрушиваясь с высоты, взбивала белую пену. Я заметил, что из водоёма не вытекало ни речки, ни даже ручья.

Значит, вода уходила куда-то вглубь и, пробежав тайными подземными путями, выходила на поверхность в виде мощного родника неподалеку от вороньего дерева.

Чем дальше я вглядывался в эту прекрасную картину, тем более нарастало ощущение дежа-вю. Все эти звуки, краски, само это место казались мне поразительно знакомыми. Я уже был здесь. Но когда?

Я обошёл всё. Я спускался к самому водоёму, чтобы зачерпнуть пригоршню и выпить кристально чистой и холодной воды. Я стоял у каждого из водопадов, чтобы меня обдало брызгами, карабкался по валунам, чтобы прикоснуться рукой к деревьям.

Мне хотелось прочувствовать «особый мир этого места, целиком погрузиться в него. Наконец, я растянулся на плоском выступе скалы футах в двадцати над водоёмом и, закрыв глаза, подставил лицо осеннему солнцу, уже начинавшему клониться к закату.

И в этот момент меня охватило ещё одно знакомое ощущение, которого я не испытывал вот уже несколько месяцев и оттого почти забыл, но сейчас тут же узнал: это было, как тёплая волна симпатии и уважения. Я открыл глйза и быстро обернулся, уже точно зная, кого я сейчас увижу.

Оглядывая пройденный путь

На скале надо мной, наполовину скрытый тенью от нависавшего выше карниза, стоял Уил, уперев руки в бока и широко улыбаясь.

Я увидел его, как бы, не в фокусе, так что пришлось как следует поморгать и сосредоточиться, но, в конце концов, черты его лица обрели отчётливость.

— Я знал, что ты придёшь. — Он ловко спустился со своей скалы ко мне вниз. — Я ждал тебя.

Я ошарашенно уставился на него. Уил крепко обнял меня; его лицо и руки словно бы слегка светились, но, в остальном, он выглядел вполне нормально.

— Ты... здесь... но, как..? — заикаясь, пробормотал я. — Что произошло тогда, в Перу, когда ты исчез? Где ты был?

Он жестом пригласил меня сесть на камень напротив него.

— Я всё тебе расскажу, — сказал он, — но прежде, мне нужно знать всё о тебе. Что привело тебя в эту долину?

Я подробно поведал ему об исчезновении Чарлин, об оставленном ею плане, о встрече с Дэвидом. Уил попросил уточнить, что именно сказал индеец, и я рассказал всё, что сумел вспомнить.

Уил наклонился ко мне:

— Значит, он сказал тебе, что Десятое откровение касается понимания духовного возрождения человечества в свете иного измерения? А также познания истинной природы интуитивных проявлений?

— Да, — подтвердил я. — Это действительно так? Он задумался на мгновение, потом спросил:

— А что ты испытал, начиная с того момента, как вошёл в долину?

— У меня тут же начались видения, — принялся объяснять я. — Некоторые из них относились к прошлому, но потом мне несколько раз пригрезилось это место. Я видел всё: скалы, водопады, даже то, что кто-то ждёт меня здесь, хотя, я и не знал, что речь идёт о тебе.

— Где ты находился в этой картине?

— Я как будто поднимался по холму и видел её.

— Значит, это было видение твоего потенциального будущего.

Я наморщил лоб:

— Я что-то не понял.

— Первая часть Десятого откровения, по словам Дэвида, касается более полного понимания наших интуитивных проявлений.

В первых девяти Откровениях человек ощущает такие проявления, как нечто мимолётное, как оклик «внутреннего голоса». Но, по мере того, как мы ближе знакомимся с этим явлением, нам удаётся яснее представить себе природу этих окликов.

Вспомни, как было в Перу. Твоя интуиция проявлялась в виде картин того, что должно было случиться, образов тебя самого и других людей, находящихся в определённом месте и делающих определённые вещи. Так она вела тебя. Ведь, именно так ты оказался в Селестине, верно?

И здесь, в долине, всё время происходит то же самое, — продолжал Уил. — Ты воспринял мысленный образ потенциального события — твоего прихода к этим водопадам и встречи с кем-то — и сумел реализовать его: ты нашёл это место и встретил меня.

Если бы ты просто игнорировал этот образ или не поверил в то, что тебе удастся отыскать водопады, твоя жизнь так и оставалась бы не слишком-то интересной. Но ты принял образ

всерьёз, ты удержал его.

— Дэвид говорил что-то насчёт того, что нужно учиться «удерживать» или «поддерживать» интуицию, — сказал я.

Уил кивнул.

— А другие образы? — спросил я. — Те сцены из прошлого, что они означают? И эти животные... В Десятом откровении говорится что-нибудь обо всём этом? Ты-то сам видел Манускрипт?

Движением руки Уил, словно бы, отмёл мои вопросы.

— Прежде, я расскажу тебе о моём пребывании в ином измерении, которое я называю Афтерлайф.^[3]

Тогда, в Перу, мне удалось удержаться на высоком энергетическом уровне даже тогда, когда все вы испугались и утратили его. И я оказался в невероятном мире красоты и чётких форм.

Я находился там же, где и прежде, но всё изменилось. Трудно найти слова, чтобы описать это: мир был светел и прекрасен до того, что я преисполнился благоговения, граничащего со страхом.

Долгое время я просто бродил по этому немислимому миру, причём уровень моей вибрации даже повысился. И тут я сделал потрясающее открытие: я мог оказаться в любой точке Земли — достаточно было просто представить себе какое-то место.

Я побывал везде, где только мог вообразить, пытаюсь разыскать тебя, Джулию и остальных, но так и не нашёл никого из вас.

В конце концов, — продолжал он, — я почувствовал, что обладаю ещё одной способностью. Освободив свой мозг от каких бы то ни было зрительных образов, я смог покинуть нашу планету и переноситься в мир чистых идей.

А потом я смог сам создавать всё что угодно — стоило только представить себе это. Силой воображения я творил океаны и горы, сцены с участием людей, ведущих себя в соответствии с моими желаниями, — одним словом, всё, что бы мне ни захотелось увидеть.

И всё это, до последней детали, было не менее реально, чем то, что действительно существует на Земле.

Однако, в конце концов, я отдал себе отчёт, что подобное произвольное творение мира не приносит мне внутреннего удовлетворения.

Я вернулся домой и крепко задумался — чего же я, всё-таки, хочу? К тому времени, я уже достиг довольно высокого уровня — например, мог обходиться без еды и сна.

В итоге, открывшиеся передо мною новые возможности породили во мне определенную эйфорию. Я понял, что забыл о том захватывающем ощущении, которое переживаешь, эволюционируя и сталкиваясь с совпадениями.

Я полагал, что по-прежнему, так сказать, подключён к Божественной энергии, а на самом деле, увлечшись возможностью распоряжаться вещами по своей воле, потерял свою тропу.

На этом уровне вибрации, очень легко сойти с пути, потому что так легко становится творить и разрушать одним лишь усилием воли.

— А что потом? — спросил я.

— Я сосредоточился на том, что внутри меня, пытаюсь достигнуть более высокого уровня контакта с Божественной энергией, — точно так же, как мы обычно делали это.

Вот и всё: уровень моей вибрации повысился, и я вновь открылся для «окликов внутреннего голоса». И тогда я мысленно увидел тебя.

— Что я делал?

— Не могу сказать точно: картина была не слишком чёткой. Но, сосредоточившись на удержании интуитивных ощущений, я начал перемещаться в какую-то новую часть

послежизненного измерения, где мог видеть души — точнее, сонмы душ. Но пока ещё я не мог говорить с ними; поэтому, лишь едва-едва улавливал их мысли и знания.

— Они показали тебе Десятое откровение? — в сильнейшем волнении спросил я.

Он сглотнул и посмотрел на меня так, словно держал в руках бомбу и собирался взорвать её.

— Нет. Никто никогда не писал Десятого откровения.

— Что?! Так оно не является частью Манускрипта?

— Нет.

— А оно вообще существует?

— О да, существует. Но не в земном измерении. Физического воплощения это Откровение ещё не имеет. Это знание существует только в Афтерлайфе.

И лишь тогда, когда достаточное число людей на Земле интуитивно воспримет эту информацию, когда он обретёт достаточную реальность в сознании всех и каждого, тогда кто-то сформулирует её в словах.

То же самое происходило и с первыми девятью Откровениями. Да, в общем-то и со всеми духовными текстами — вспомни Священное писание.

Такая информация всегда существует сначала лишь в послежизненном измерении, и только по прошествии определённого времени, живущие в физическом измерении начинают воспринимать её достаточно отчетливо, чтобы кто-то, предназначенный для этого, сформулировал и записал её.

Потому и говорится, что подобные писания создаются по вдохновению свыше.

— Почему же никто ещё до сих пор не записал Десятое откровение?

Мой вопрос привел Уила в некоторое замешательство.

— Не знаю, — проговорил он. — Тот сонм душ, с которым я общался, похоже, знал, но я не слишком-то понял. Мой энергетический уровень не был достаточно высок.

Это как-то связано со страхом, зарождающимся в культуре, которая движется от материальной реальности к иному, духовному восприятию мира.

— Значит, ты думаешь, что Десятое откровение вот-вот придёт к нам?

— Да. Этот сонм душ видел, что оно уже проникает в наш мир, но понемногу, крупными, разбросанными по всему свету, и, воспринимая их, мы достигаем более высокой перспективы, идущей от знания, которое существует в послежизненном измерении.

Но его должно воспринять достаточное число людей — так же, как это произошло с первыми девятью Откровениями. Только так возможно преодолеть страх.

— А тебе известно, чего касается остальная часть Десятого?

— Да. Судя по всему, просто знать первые девять — недостаточно. Мы должны понять, как воплощать их в жизнь. А это знание придёт тогда, когда мы осознаем особые отношения, которые существуют между физическим и послежизненным измерениями.

Мы должны понять процесс рождения, понять, откуда мы. Собственно, вся человеческая история, как бы, увеличенное отображение этого процесса.

— Погоди-ка, — перебил я, поражённый внезапно пришедшей мне мыслью. — Ты ведь, видел копию Девятого откровения! Что там говорилось о Десятом?

Уил наклонился поближе ко мне.

— Там говорилось, что в первых девяти Откровениях описана реальность духовной эволюции — личной и общей, но что воплощение их в жизнь, следование им и выполнение предназначения требуют более полного понимания процесса, через постижение Десятого откровения.

Оно должно показать нам реальность духовного преобразования Земли в перспективе не только земного измерения, но и в перспективе Афтерлайфа.

Там говорилось, что в нём полнее откроется, почему мы соединяем в себе оба эти измерения, почему людям надлежит выполнить своё историческое предназначение и что именно это понимание, проникнув и интегрировавшись в культуру, создаст условия для такого преобразования.

Там упоминалось также о Страхе: говорилось, что, пока в одних будет прорасти новое духовное знание, в других зародится Страх, и эти другие будут стремиться распоряжаться будущим, подчинить его своей воле при помощи новых технологий, заключающих в себе опасность ещё большую, чем ядерная, которые уже создаются в наши дни.

Десятое откровение включает в себе решение проблем, связанных о подобной поляризацией.

Внезапно Уил прервал сам себя и прислушался, затем кивнул головой в сторону запада:

— Ты слышишь?

Я напряг слух, но всё заглушал шум водопадов.

— Ты о чём?

— Об этом гудении.

— Я слышал его раньше. Что это такое?

— Честно говоря, не знаю. Но оно слышно и в другом измерении. И похоже, души, которые я видел, сильно обеспокоены.

Слушая Уила, мысленным взором я вдруг ясно увидел лицо Чарлин:

— По-твоему, это гудение как-то связано с этими новыми технологиями? — спросил я, думая не столько о технологиях, сколько о Чарлин.

Уил не отвечал, и я заметил на его лице отсутствующее выражение.

— Эта приятельница, которую ты разыскиваешь... — отозвался он наконец, — она блондинка? С большими глазами... такая, энергичная и напористая?

— Да.

— Я только что видел её лицо.

Я вытаращился на него:

— И я тоже.

Повернувшись к водопадам, он пару секунд смотрел на них. Я последовал его примеру. Белая пена и туман создавали величественный фон для нашего разговора. Я почувствовал, как моё тело наполняется энергией.

— У тебя ещё недостаточно энергии, — заметил Уил, — Но это место — мощный её источник, так что, думаю, если я немного помогу тебе и мы оба сосредоточимся на образе твоей приятельницы, то сумеем перейти в духовное пространство, а там, может быть, узнаем, где она сейчас и что происходит в этой долине.

— А ты уверен, что я справлюсь? — усомнился я. — Может, ты пойдёшь один, а я подожду тебя здесь?

Его лицо начало расплываться перед моими глазами. Уил положил ладонь мне на поясницу, передавая энергию, и снова улыбнулся:

— Ты что, не видишь, что мы оба оказались здесь не просто так? Человеческая культура начинает понимать Афтерлайф и воспринимать Десятое откровение.

Думаю, нам предоставляется случай вместе познакомиться поближе с другим измерением. Знаешь, похоже, это судьба.

В этот момент я услышал доносящееся издали гудение. Я услышал его даже сквозь шум водопадов. Я даже ощущал его где-то в солнечном сплетении.

— Оно всё усиливается, — заметил Уил. — Надо идти. Может быть, Чарлин в беде!

— Что нужно делать?

Уил придвинулся ближе, не снимая ладони с моей поясницы.

— Мы оба должны мысленно воссоздать её образ.

— То есть, удерживать?

— Да. Я же говорил, мы учимся распознавать свою интуицию и верить ей на более высоком уровне.

Всем нам хочется, чтобы совпадения оказывались более существенными, бросались в глаза, но, для большинства из нас, всё это внове, да к тому же, нас окружает культура, все ещё слишком проникнутая прежним скептицизмом. Поэтому, мы теряем настрой на ожидание, теряем веру.

Но всё же, мы начинаем понимать, что когда мы не игнорируем «оклики внутреннего голоса» — интуиции, а относимся к ним с полным вниманием, изучаем детали показанного нам потенциального будущего, преднамеренно удерживаем его образ и так же преднамеренно верим в него, — тогда всё, что мы мысленно видим, легче сбывается.

— Так, значит, мы, как бы, своей волей заставляем это сбыться?

— Нет. Вспомни, что произошло со мной в Афтерлайфе. Там ты можешь сделать так, чтобы произошло что угодно, — тебе достаточно просто пожелать этого, однако, такое «творчество» — это ещё далеко не реализация себя.

То же самое происходит и в этом измерении, только медленнее.

Здесь, на Земле, мы можем желать и создавать почти всё, что нам заблагорассудится, но полная реализация себя и полное удовлетворение происходят лишь тогда, когда выбранный нами для себя путь совпадает с тем, по которому нас ведёт Божественная рука.

Ты понимаешь? Ведь, со знания этого, начинается Десятое откровение. Мы учимся использовать получаемые нами мысленные образы так же, как это делается в послезиженном измерении, и, участь этому, мы входим во всё более тесную связь с ним, а это помогает объединению Неба и Земли.

Я кивнул в знак того, что всё понял. Сделав несколько глубоких вдохов, Уил ещё плотнее прижал ладонь к моей пояснице и велел мне, как можно отчётливее представить себе лицо Чарлин.

Какое-то мгновение не происходило ничего, затем, я ощутил резкий прилив энергии — настолько мощный, что меня буквально согнуло пополам и швырнуло куда-то с немыслимой скоростью.

Меня, словно несло по какому-то туннелю, сверкавшему всеми цветами радуги. Будучи в полном сознании, я удивился, что не испытываю ни малейшего страха: напротив, мне было спокойно, я, вроде бы, даже узнавал это место, словно, бывал здесь раньше.

Потом движение прекратилось, и я окунулся в тёплый белый свет. Уил стоял слева от меня, чуть позади.

— Ну вот, — произнес он, улыбаясь. Его губы не шевелились, но голос я слышал отчётливо. И тут я заметил, что он выглядит как-то необычно: как будто бы светится изнутри.

Протянув руку, чтобы дотронуться до Уила, я увидел, что она, как и всё моё тело, выглядит так же, а прикоснувшись, ощутил поле, окружавшее его, как бы, слоем толщиной в несколько дюймов.

Я не мог пробиться через эту энергию: приложив большее усилие, я добился лишь того, что отодвинул его от себя.

Сам же Уил, тем временем, искренне веселился, глядя на мою озадаченную физиономию. Кончилось тем, что рассмеялся и я.

— Впечатляет, правда? — спросил он.

— Это более высокий уровень вибрации, чем в Селестине, — со знанием дела ответил я. — Ты знаешь, где мы находимся?

Уил не ответил, оглядываясь по сторонам. Нас окружало нечто похожее на космическое пространство; мы не утратили ощущения верха и низа, но, как бы, висели неподвижно в этой среде, а ей не было видно ни конца ни краю: только этот льющийся отовсюду белый свет.

Наконец, Уил произнес:

— Это — наблюдательный пункт. Я уже был здесь, правда, очень недолго, — когда мне в первый раз представилось твоё лицо. Но тогда тут были и другие души.

— Что они делали?

— Наблюдали за людьми, пришедшими сюда после смерти.

— Что?! Ты хочешь сказать, что это как раз то место, куда люди попадают после смерти?

— Да.

— А мы-то какого чёрта оказались тут? Что-нибудь случилось с Чарлин?

Он повернулся лицом ко мне.

— Нет, не думаю. Помнишь, что произошло со мной, когда я начал мысленно видеть тебя? Мне пришлось побывать во многих местах, прежде чем мы встретились у водопадов.

Вероятно, нам необходимо было оказаться здесь и увидеть нечто, прежде чем найти Чарлин. Давай подождём и посмотрим, что там происходит с этими душами.

Кивком головы он указал налево, где прямо на наших глазах, футах в тридцати от нас, материализовалось несколько существ, сильно напоминавших людей.

Мне стало не по себе.

— Послушай, Уил, — настороженно следя за ними, шепнул я. — Откуда мы знаем, что у них на уме? А вдруг им взбредёт в голову захватить нас или что-нибудь ещё в этом роде?

Лицо Уила было серьёзно.

— А как на Земле ты можешь узнать, что кто-то пытается манипулировать тобой?

— Ну, это, обычно, видно из поступков человека.

— А ещё?

— Ну, думаю, такой человек отбирает у меня энергию. Я чувствую, что теряю способность здраво мыслить, владеть собой.

— Совершенно верно. Такой человек не руководствуется Откровениями. Так вот, все эти принципы действуют в обоих измерениях.

Пока существа ещё не вполне материализовались, я продолжал чувствовать себя неуютно. Но затем, я ощутил направленный на меня поток энергии — словно бы тёплой, придающей мне сил, — исходящий из их тел, состоявших, казалось, из бело-золотистого света.

Они колыхались и мерцали, то расплываясь, то обретая более чёткие очертания. Лица их имели человеческие черты, но виделись как-то неясно. Я даже не мог бы сказать точно, сколько там было душ.

В какой-то момент казалось, что их трое или четверо, потом, сморгнув, я видел шесть фигур, потом снова три — колеблющихся, неопределённых.

Все вместе они выглядели, как янтарное облако, которое то таяло, то вновь становилось видимым на фоне окружавшей нас белизны.

Несколькими минутами позже возле них начала материализоваться ещё одна фигура, на сей раз более определённых очертаний. Это оказался мужчина средних лет; его тело светилось, подобно нашим.

Окончательно материализовавшись, он огляделся вокруг с выражением ужаса в глазах, потом, заметив сонм душ, казалось, немного успокоился.

Присмотревшись к нему поближе, я, к своему удивлению, обнаружил, что ощущаю его мысли и чувства. Я взглянул на Уила, он кивнул в ответ, давая понять, что с ним происходит то же самое.

Я снова сосредоточился на вновь прибывшем. Он уже успел ощутить излучаемый душами поток энергии, заряженный теплом и любовью, но, всё ещё, пребывал в состоянии шока: он только что умер.

Всего несколько минут назад он бодро бежал трусцой по своему обычному маршруту, и, при подъёме на довольно высокий холм, у него случился обширный инфаркт.

Боль длилась всего несколько секунд, после чего он воспарил над собственным телом, видя, как находившиеся поблизости люди бросились на помощь. Вскоре прибыла команда парамедиков и лихорадочно принялась возиться с ним, чтобы вернуть к жизни.

Сидя в машине Службы спасения рядом со своим телом, он с ужасом услышал, как руководитель команды объявил его мёртвым. Он заметался, закричал, взывая к этим людям, но его никто не слышал.

В больнице врач подтвердил, что его сердце буквально взорвалось и что никто и ничто не могло спасти ему жизнь.

Какая-то часть его попыталась принять этот факт, однако, другая отчаянно сопротивлялась. Как мог он умереть? Он кричал, умолял о помощи и — вдруг оказался в многоцветном туннеле, который и привёл его туда, где он, в данный момент, находился.

Мы продолжали наблюдать. Вновь прибывший, судя по всему, проникся доверием к душам и двинулся к ним, теряя чёткость очертаний и всё более становясь похожим на них.

Потом он вдруг резко рванулся назад, к нам, и, в следующий момент, оказался в окружении компьютеров и работающих людей. То был какой-то офис, со схемами и диаграммами, развешенными по стенам.

Всё выглядело абсолютно реальным, за исключением того, что стены были полупрозрачны, так что нам было видно всё, что происходит внутри, да ещё небо над офисом было не голубое, а какого-то странного оливкового цвета.

— Он обманывает сам себя, — заметил Уил. — Он воссоздает контору, в которой работал на Земле, стараясь доказать, что не умер.

Души придвинулись ближе к человеку; к ним присоединились другие, и, в конце концов, их собралось великое множество. Все они мерцали, как янтарные облака, и колыхались, то принимая, более или менее, чёткие очертания, то тая и расплываясь.

Похоже, они посылали вновь прибывшему поток любви, а также какую-то информацию, недоступную моему пониманию. Мало-помалу, воссозданный офис стал растворяться в пространстве, пока не исчез совсем.

На лице человека появилось выражение смирения; он снова приблизился к душам.

— Пошли с ними, — услышал я голос Уила. Одновременно с этим я почувствовал, как его рука, а точнее — энергия его руки, касается моей поясницы.

Как только я мысленно согласился с его предложением, возникло лёгкое ощущение движения, а души и присоединившийся к ним человек стали видеться отчётливо.

Лица душ теперь ничем не отличались от обычных человеческих лиц, но чётко оформленных рук и ног у них не было: был просто свет.

Теперь я мог созерцать эти существа в течение четырёх-пяти секунд подряд, хотя, потом терял их из виду и вынужден был моргать, чтобы найти их снова.

Постепенно я стал замечать, что, как души, так и только что присоединившийся к ним человек, наблюдают за какой-то точкой яркого света, движущейся по направлению к нам.

И вдруг, она превратилась в мощный луч, озаривший всё вокруг. Свет был так ярок, что я не мог смотреть прямо и потому отвернулся так, чтобы видеть только силуэт мужчины; а он смотрел на луч широко открытыми глазами, похоже, без особых проблем.

И снова я воспринял его мысли и эмоции. Свет наполнял его непередаваемым ощущением

любви и покоя, и от этого его восприятие мира, его знание всё ширились и росли, пока он не смог охватить мысленным взором всю жизнь, которую прожил и только что завершил, во всех её мельчайших подробностях.

Он увидел, как родился и прожил первые дни и годы. Его звали Джон Дональд Уильямс. Отец его был туп и недалёк, а мать, целиком погружённая в светскую, жизнь, едва уделяла ему хоть какое-то внимание.

Он рос озлобленным, вызывающе непослушным, стремясь доказать всему свету, что с его блестящим умом и целеустремлённостью, для него нет тайн в точных науках.

В двадцать три года он защитил докторскую диссертацию по физике, преподавал в четырёх престижных университетах, затем, был приглашён на работу в департамент обороны, а позже — в одну частную корпорацию, занимавшуюся вопросами энергетики.

Он добился многого, но при этом, разумеется, совершенно не заботился о своём здоровье. Перекусывал на ходу в кафе и ресторанчиках, много сидел, мало двигался.

В результате, возникли серьёзные проблемы с сердцем. Он начал бегать трусцой, но, в один прекрасный день, перестарался и умер в пятьдесят восемь, в расцвете интеллектуальных и творческих сил.

Дойдя до этого момента своей биографии, Уильямс горько пожалел о том, как прошла его жизнь.

Он понял, что его детство и юность, лишённые внимания и тепла, способствовали тому, что он обратил природную мощь своего интеллекта и склонность бросать вызов всему и вся, на достижение лишь одной цели: чувствовать себя значительным.

Он буквально уничтожал других, подвергая критике и осмеянию их профессиональные и личные качества. И лишь теперь ему открылось, что всегда были наставники, готовые помочь ему преодолеть внутреннюю неуверенность в себе.

Все они оказывались рядом в нужный момент, чтобы указать ему иной путь, но он полностью игнорировал их.

Он шагал по жизни, как по туннелю, устремляясь только вперёд и не глядя по сторонам. А ведь, было немало знаков, указывающих, что ему следует приостановиться, подумать, стоит ли жить так, как он живёт, и заниматься тем, чем он занимается.

А занимался он созданием новых технологий. Это было чревато многими проблемами и опасностями, однако, он не принимал их в расчёт.

Он позволял своим работодателям подбрасывать ему новые теории и даже непривычные физические принципы, даже не спрашивая, откуда они взялись.

Они работали, и только это имело значение для него, потому что они приносили ему успех, признательность, признание.

Он всё приносил в жертву своей потребности быть признанным... и сам стал такой жертвой. О Господи, подумал он, мне так и не удалось. Мне никогда не удавалось.

Тут перед его внутренним взором возникла новая сцена, на сей раз — из его предыдущего существования. Он увидел себя в Южных Аппалачах, в девятнадцатом веке.

В большой палатке несколько человек склонились над картой. Фонари бросали блики на брезентовые стенки.

Все присутствующие офицеры сходились во мнении: надежды на мирный исход больше нет. Война неизбежна, а потому, здравый смысл диктует: нападать, и нападать немедленно.

Будучи одним из двух заместителей главнокомандующего, Уильямс вынужден был согласиться с общим мнением.

Выбора нет, понял он: выразить несогласие означало бы своими руками положить конец собственной карьере. Кроме того, даже попытайся он разубедить остальных, у него ничего бы не

вышло.

Наступление всё равно состоялось бы, и, похоже, этому наступлению суждено было стать последним крупным сражением войны с туземцами на востоке страны.

В палатку вошёл часовой с сообщением для генерала: кто-то из поселенцев просил о немедленной встрече с ним.

Глянув наружу из-под откинутого полога палатки, Уильямс увидел белую женщину, хрупкую, на вид лет тридцати; в глазах у неё стояло отчаяние.

Позже он узнал, что она — дочь миссионера и явилась от имени индейцев с предложением мира, причём, сама подвергалась большому риску, склоняя их к выработке этого предложения.

Однако, генерал отказался принять её. Она кричала, умоляла его выйти из палатки, но он приказал вывести её из лагеря и не подпускать на ружейный выстрел.

Он даже не знал, с чем она приходила, — не знал и не хотел знать. И снова Уильямс промолчал. Ему было известно, что шеф находится под сильным давлением: он уже обещал, что этот регион будет открыт для экономической экспансии.

Война была необходима сильным мира сего и их политическим союзникам. Что такого особенного выиграли бы они, предоставив поселенцам и индейцам возможность создать свою собственную пограничную культуру?

Нет, им нужно было будущее, подчинённое интересам тех, кто нёс в этот мир надёжность и изобилие. Слишком страшно да и безответственно было позволять решать маленьким людям.

Уильямс знал, что война весьма обрадует железнодорожных и угольных магнатов, а также представителей нарождающегося нефтяного капитала и уж конечно обеспечит его собственное будущее.

Всё, что ему нужно было делать, — это помалкивать и шагать в ногу с остальными. Именно так он и собирался поступить, хотя и протестуя в душе, в отличие от второго заместителя генерала.

Уильямс вспомнил, что тогда, в палатке, бросил издали взгляд на своего коллегу, маленького, слегка прихрамывающего. Никто не знал, почему он хромает. С его ногой было всё в порядке.

Вот уж кто был законченным подпевалой, так это он. Он знал, какие цели преследуют тайные картели, и то, что они делали, было ему по душе, вызывало у него энтузиазм и желание самому стать частью этого.

Но было и кое-что ещё. Так-же, как генерал и другие могущественные люди, этот человек боялся индейцев и желал их изгнания не только потому, что они являлись помехой на пути развития экономики и промышленности, приводившего к опустошению их исконных земель.

Корни этого страха лежали гораздо глубже: исконные обитатели страны являлись носителями некой пугающей идеи, связанной с преобразованием, во всей полноте владели ею лишь немногие из старейшин, но вся индейская культура была насквозь пропитана этой идеей, властно призывавшей власть имущих измениться, вспомнить иное видение будущего.

Уильямс узнал, что дочери миссионера удалось собрать вместе величайших врачей, владевших этим знанием, с тем чтобы они предприняли последнюю попытку объединить его, найти нужные слова, чтобы поделиться им, вновь попробовать объяснить стремительно становящемуся всё более враждебным их народу миру, кто же такие коренные американцы и какие ценности они несут с собой.

В глубине души Уильямс сознавал, что следовало выслушать эту женщину, но, в конце концов, всё-таки промолчал, и генерал одним быстрым движением головы отмел возможность примирения. Приказ о начале битвы был отдан.

Далее Уильямс мысленно увидел ущелье, окружённое густым лесом: место предстоящего

сражения.

Кавалерия, перемахнув через гребень холма, неожиданно обрушилась на индейцев. Индейцы отчаянно защищались, обстреливая солдат со скал.

Неподалеку съёжились среди валунов крупный мужчина и белая женщина. Мужчина, совсем ещё молодой, был выпускником университета, служил в Конгрессе и прибыл в эти края только в качестве наблюдателя; близость битвы повергала его в глубокий ужас.

Всё было не так, как он себе представлял. Он занимался экономикой и ничего не знал о насилии.

Он приехал сюда, искренне убеждённый, что белым и индейцам совершенно необязательно враждовать и что экономическое развитие региона вполне может происходить в соответствии с интересами обеих культур.

Вместе с ним в скалах пряталась молодая женщина — та самая, что приходила к палатке генерала. В этот момент она чувствовала себя покинутой, преданной.

Она, знала, что её усилия дали бы результат, если бы только те, кто имел власть, выслушали то, что она могла сказать им об открывающихся возможностях. Но она не собиралась сдаваться, пока с насилием не будет покончено. Она повторяла:

— Это можно исцелить! Это можно исцелить!

Вдруг на склоне, расположенном позади них, двое кавалеристов, пришпорив коней, бросились в погоню за одиноким индейцем.

Присмотревшись, я узнал в нём того сердитого вождя, который присутствовал в моих видениях, порождённых разговором с Дэвидом: того самого, который так яростно высказывался против идей белой женщины.

Я продолжал наблюдать. Индеец на бегу обернулся к своим преследователям и пустил стрелу в грудь одного из них. Второй, спрыгнув с коня, набросился на него. Оба дрались отчаянно, но, в конце концов, нож солдата глубоко вонзился в горло индейца, и алая кровь хлынула на землю.

Видевший всё это белый мужчина в полном отчаянии принялся умолять женщину бежать прочь вместе с ним, однако, она знаком велела ему оставаться на месте и взять себя в руки.

В этот момент Уильямс впервые увидел возле ближайшего к ним дерева фигуру старого врачавателя: она словно бы колебалась в воздухе, временами становясь расплывчатой.

И тут другой отряд кавалерии выскочил из-за гребня, беспорядочно паля во всё, что попадалось на глаза. Пули поразили и мужчину, и женщину, и индейца, который стоял, вызывая улыбку и даже не пытаясь пригнуться.

Затем, Уильямс увидел мысленным взором вершину одного из холмов, возвышавшихся над полем боя. Какой-то человек наблюдал оттуда за сражением. Он был в одежде из оленьей шкуры, какую носили жители гор, и вёл в поводу вьючного мула.

Посмотрев некоторое время, человек отвернулся и начал спускаться с холма с противоположной стороны — там, где находился водоём с водопадами.

Вскоре он исчез из виду. Я был поражён: значит, битва происходила прямо здесь, в долине, чуть южнее водопадов.

Когда моё внимание вновь обратилось на Уильямса, он заново переживал весь ужас этого кровопролития, этой ненависти.

Он знал, что его пассивность во время войн с индейцами определила условия и надежды его последней, недавно завершившейся жизни, но, как и прежде, не очнулся тогда.

Он снова был вместе со служащим Конгресса и с той женщиной, погибшими рядом, но так и не вспомнил, какова была их миссия.

Уильямс намеревался встретить другого, более молодого человека на вершине холма, в

кругу больших деревьев; там его друг должен был очнуться и отправиться в долину на поиски других шестерых, вместе с которыми должен был составить семёрку.

Ей-то и предстояло объединёнными усилиями способствовать избавлению от Страха.

Эта идея, похоже, заставила его обратиться мыслью к более отдалённым временам. Страх был величайшим врагом человечества на всём протяжении его долгой и бурной истории.

Уильямсу, по-видимому, было известно, что нынешняя человеческая культура поляризуется, в этот исторический момент, предоставляя тем, кто стремится к власти, последнюю возможность завладеть ею, использовать новые технологии в собственных целях.

Он метался и корчился, словно в агонии. Он знал, до какой степени важно, чтобы семёрка собралась вместе. Вся история держалась на таких группах.

Только если их образуется достаточно, и только если достаточное число их поймёт Страх, — только тогда поляризация прекратится, а экспериментам, проводимым в долине, будет положен конец.

Медленно, медленно я осознал, что снова нахожусь там, где царил мягкий белый свет. Видения Уильямса закончились, и он быстро растворился в пространстве вместе с другими существами.

Вслед за этим, я ощутил быстрое движение назад, от которого у меня немного закружилась голова, а мысли спутались.

Рядом с собой, справа, я заметил Уила.

— Что случилось? — спросил я. — Куда он делся?

— Не знаю точно, — ответил он.

— А что это с Ним происходило?

Он созерцал свою жизнь в ретроспективе.

Я кивнул.

— Ты знаешь, что это такое? — спросил он.

— Да. Я знаю, что люди, оказавшиеся на краю смерти, впоследствии часто говорят, что в тот момент вся жизнь промелькнула перед ними. Ты это имеешь в виду?

Уил выглядел задумчивым.

— Да, но возросшая глубина этого ретроспективного обзора оказывает огромное влияние на человеческую культуру. Это ещё одна часть той более высокой перспективы, которую даёт знание Афтерлайфа.

Тысячи людей, по той или иной причине, оказываются на краю смерти, и, когда они делятся пережитым, рассказывают о нём другим, реальность такого обзора жизни становится частью нашего ежедневного понимания.

Мы знаем, что после смерти нам придётся снова обозреть всю свою жизнь и что мы будем страдать и мучиться, сокрушаясь о каждой упущенной возможности, о каждом случае, когда мы могли сделать что-то, но не сделали.

Знание этого заставляет нас более внимательно прислушиваться к «окликам внутреннего голоса» и следовать его подсказкам. С этим знанием мы живём более осознанно.

Мы не хотим упускать ни единого важного события. Мы не хотим страдать, оглядываясь назад и понимая, что упустили ту или иную возможность, что не приняли верного решения.

Вдруг Уил остановился и, склонив голову набок, прислушался. Тут же я испытал уже знакомое ощущение — нечто вроде толчка — в области солнечного сплетения и снова уловил низкий отдалённый гул. Через несколько секунд он стал ослабевать.

Уил оглядывался по сторонам. Белый свет, окружавший нас, словно бы, треснул и покрылся тусклыми серыми прожилками.

— Что бы там ни происходило, оно затрагиваете это измерение! — воскликнул Уил. — Не

знаю, сумеем ли мы поддерживать уровень своей вибрации.

Мы ждали, что будет дальше. Серые прожилки мало-помалу исчезли, и нас снова окружал плотный белый свет.

— Помнишь, в Девятом откровении содержится предупреждение, касающееся новых технологий? — спросил Уил. — И вспомни ещё, что сказал Уильямс: — одержимые Страхом пытаются взять эти технологии под свой контроль.

— А что там было насчёт возвращения семёрки? — поинтересовался я. — И насчёт его видений того, что происходило в этой долине в девятнадцатом веке? Уил, я ведь, тоже видел всё это. Что, по-твоему, могут означать эти видения?

Уил посерьёзnel.

— Думаю, мы увидели то, что должны были увидеть. А ещё я думаю, что ты являешься частью этой семёрки. Внезапно, гудение стало заметно усиливаться.

— Уильямс сказал, что мы прежде должны понять этот Страх, — подчеркнул Уил, — чтобы помочь людям избавиться от него. Именно это нам и следует сделать в первую очередь: найти способ понять этот Страх.

Уил едва успел закончить, как вдруг всё моё существо пронизал раздирающий уши звук. Он даже, как бы, толкнул меня назад. Уил протянул мне руку; лицо его исказилось, стало нечётким.

Я попытался схватить его за руку, но он внезапно исчез. Я же, падал куда-то, не контролируя себя, а вокруг кружились и сверкали все цвета радуги.

Преодоление страха

Справившись с головокружением, я обнаружил, что вновь очутился у водопада. Напротив того места, где я находился, под выступом скалы, лежал мой рюкзак — да, именно там я его и оставил. Я огляделся: никаких следов Уила. Что случилось? Куда он делся?

Если верить моим часам, меньше часа прошло с тех пор, как мы с Уилом попали в другое измерение. Вспомнив об этом, я был поражён тем, какое ощущение любви и покоя испытал тогда, почти забыв о своих тревогах и опасениях. Но теперь, тревога вернулась, и всё вокруг казалось потускневшим и немым.

Устало передвигая ноги и чувствуя, как откуда-то из желудка поднимается страх, я добрался до своего рюкзака и поднял его.

Здесь, на скалах, я был слишком на виду, поэтому, решил укрыться среди холмов, находившихся к югу отсюда, пока в голове не созреет план дальнейших действий.

Перевалив через вершину первого холма и начав спускаться вниз по противоположному склону, я вдруг заметил впереди невысокого мужчину лет пятидесяти, поднимавшегося мне навстречу.

Рыжие волосы, жидкая козлиная бородка; одет, как обычно одеваются туристы. Прежде чем я успел спрятаться, он заметил меня и направился прямо ко мне.

Подойдя, он осторожно улыбнулся и заговорил:

— Боюсь, я немного сбился с пути. Не подскажете, как мне вернуться в город?

Я велел ему идти на юг до родника, а далее до реки. Следуя вдоль неё в западном направлении, он должен был выйти к посту рейнджеров.

Мужчина вздохнул с облегчением.

— А я тут недавно встретил одного человека, — он махнул рукой куда-то на восток. — Так вот, этот человек объяснил мне, как добраться до города, но, видимо, я не там свернул. А вы тоже направляетесь в город?

— Да нет. Я ищу одну приятельницу, которая, должно быть, бродит где-то здесь. А кого вы встретили?

— Это была женщина — большеглазая блондинка. Имени я не разобрал — она говорила очень быстро. Это её вы ищете?

— Мою приятельницу зовут Чарлин Биллингс. А эта женщина — может, вы вспомните что-нибудь ещё?

— Она говорила что-то о Национальном лесном заповеднике. Я подумал, что она одна из этих исследователей, которые вечно болтаются здесь. Хотя, точно не скажу.

Она предупредила, что лучше бы мне поскорее убраться из долины. Сказала, что должна забрать своё снаряжение, а потом тоже уйдёт. Похоже, она думает, что здесь что-то неладно, что всем угрожает какая-то опасность.

Вообще-то, она мало что сказала, да, честно говоря, я и не слишком понял, о чём речь. — Его тон, видимо, должен был навести меня на мысль, что сам он привык говорить прямо и открыто.

— Похоже, эта женщина и есть моя приятельница, как можно дружелюбнее произнёс я. — Где точно вы её встретили?

Он указал на юг, пояснив, что встретил её примерно в полумиле отсюда. Женщина была одна и потом пошла в юго-восточном направлении.

— Я дойду с вами до родника, — сказал я, подхватывая рюкзак.

Пока мы спускались с холма, мой новый попутчик поинтересовался:

— Если это была ваша приятельница, то куда, по-вашему, она направлялась?

— Не знаю.

— Наверное, в какое-нибудь таинственное место. Искать страну Утопию. — Он цинично усмехнулся. Я понял, что это — крючок с наживкой.

— Возможно, — ответил я. — А вы разве не верите в возможность существования Утопии?

— Нет, разумеется, нет. Это — доисторическое мышление. Это же, просто наивно.

Меня одолевала усталость, и я решил закончить разговор:

— В конце концов, у каждого — своё мнение.

Он рассмеялся:

— Дело тут не в различии мнений, а в фактах. Никакой Утопии не будет. Всё только ухудшается, а не становится лучше. Экономика выходит из-под контроля, и, в конце концов, всё взлетит на воздух.

— Это почему же?

— Да, это элементарная демография. На протяжении большей части нашего века, в западных странах существовал многочисленный средний класс — класс, который возводил в культ порядок и смысл, и свято верил в то, что экономическая система равно хороша для всех.

Но теперь эта вера начинает рушиться. Куда ни глянь, это бросается в глаза. Теперь, с каждым днём всё меньше людей верит в систему или играет по правилам. А все потому, что средний класс сокращается.

Развитие технологии обесценивает труд и способствует расслоению общества на две группы — имущих и неимущих: тех, у кого в руках капиталы, приводящие в движение мировую экономику, и тех, кто обречён обслуживать их.

Прибавьте к этому деградацию образования, и вы увидите всю серьёзность проблемы.

— Это звучит весьма цинично, — заметил я.

— Зато, это — правда. Такова уж наша действительность. Там, за пределами этой долины, большинство людей вынуждено затрачивать всё больше усилий для того, чтобы просто выжить.

Куда ни глянь — везде сплошные стрессы. Нервы у всех на пределе. Никто не чувствует себя в безопасности, а ведь, самое худшее ещё не началось. Происходит демографический взрыв, а развитие технологии даже опережает прирост населения.

При таком положении вещей, дистанция между образованными и необразованными будет всё больше увеличиваться, и имущие будут контролировать всё большую часть мировой экономики, в то время как среди неимущих будут расти преступность и наркомания. А что, по-вашему, ожидает слаборазвитые страны? — продолжал он.

— Большая часть Ближнего Востока и Африки уже находится в руках религиозных фундаменталистов, цель которых уничтожение организованной цивилизации, которую они считают империей сатаны, и замена её некой извращённой теократией, где религиозные лидеры руководят всем и вполне законно могут приговаривать к смерти тех, кого считают еретиками, независимо от их гражданства, подданства и местонахождения.

Казалось бы, кем надо быть, чтобы согласиться с подобной бойней во имя духовности? А ведь, с каждым днём, всё больше народов делает это. В Китае, например, до сих пор практикуется умерщвление новорождённых девочек. Вы можете поверить в такое?

Говорю вам: закон, порядок и уважение к человеческой жизни доживают последние дни. Человечество вырождается, превращаясь в завистливую и мстительную толпу, которой правят злобные шарлатаны. И остановить это, по всей вероятности, уже нельзя.

Но, знаете что? На самом-то деле, на это всем наплевать. Всем! Политики ничего не хотят делать. Их волнует лишь собственная власть и то, как её удержать.

Мир меняется чересчур быстро. Никто не поспевает за ним, и именно это заставляет нас

искать лидера и как можно скорее хватать всё, что плохо лежит. Подобным мышлением заражена вся цивилизация, представители всех профессий.

Он перевёл дух и взглянул на меня. Я как раз остановился на вершине одного из холмов, чтобы полюбоваться предзакатным небом, и мы встретились с ним глазами.

Похоже, он вдруг понял, что чересчур увлёкся своей тирадой; и, в этот момент, он показался мне очень знакомым. Я представился, и в ответ он назвал свое имя: Джоэл Липском.

Ещё несколько долгих мгновений мы смотрели друг другу в глаза, но ничто не указывало, что этот человек знает меня. Почему мы встретились в этой долине?

Не успел этот вопрос сложиться у меня в голове, как я уже знал ответ. Он описал словами видение Страха, о котором упоминал Уильямс. У меня по спине пробежал холодок. Этому было предначертано случиться.

Я посмотрел на него по-новому, серьёзно:

— Вы действительно думаете, что всё так плохо?

— Да, абсолютно, — ответил он. — Я журналист, а вы сами можете видеть, что это отношение сделало с нашей профессией. В прошлом мы, по крайней мере, пытались делать свою работу честно.

А теперь что? Сплошная погоня за сенсациями. Никто более не ищет правды и не стремится донести её до читателя в первоизданном виде.

Журналисты заняты поиском жареных фактов; если только в воздухе запахло скандалом — они готовы зарыться в грязь по уши, лишь бы раздобыть что-нибудь эдакое.

Даже бездоказательные обвинения всё равно публикуют: газетам нужен рейтинг и тираж. В мире, где все либо онемели, либо посходили с ума, единственное, что можно продать, — это сенсация, и чем невероятнее, тем лучше.

И очень жаль, что этот вид журналистики всё больше укореняется. Молодой репортер, видя всё это, делает вывод: чтобы выжить в бизнесе, необходимо принять правила игры.

А если нет, думает он, его раздавят, отбросят на обочину. Вот что приводит к фабрикациям, так называемых, журналистских расследований. И это случается каждый день.

Мы продолжали двигаться на юг, спускаясь по скалистому склону.

— Да и в других профессиях та же беда, — снова заговорил Джоэл. — Господи, да взгляните хотя бы на адвокатов. Может, и были времена, когда работать в суде что-то да значило, ибо, обе стороны уважали правду и закон.

А что теперь? Вспомните эти на шумевшие процессы над известными людьми, которые в подробностях освещало телевидение.

Адвокаты теперь делают всё, что в их силах, для того, чтобы обойти правосудие, шельмуя его, — намеренно пытаясь убедить судей поверить в гипотезу, когда нет явных доказательств.

При этом, эти, с позволения сказать, адвокаты отлично понимают, насколько их гипотеза лжива. И всё это — лишь для того, чтобы избавить кого-то от заслуженного наказания.

А другие законники, комментируя их действия, утверждают, что это обычная практика, и притом, вполне оправданная, при нашей весьма далёкой от совершенства системе законов.

Она провозглашает право каждого на справедливый суд. Но где те адвокаты, которые действительно гарантируют справедливость и корректность, а не искажают правду и не подрывают закон, чтобы любой ценой освободить своего клиента от ответственности?

Спасибо телевизионщикам — хоть они показывают эту мерзость во всей красе. Хороши адвокаты — заботятся о своей репутации только ради того, чтобы иметь возможность требовать более высокие гонорары!

А причина подобной наглости проста: они думают, что всем на это плевать. И очевидно, так оно и есть. Так все поступают.

Мы срезаем углы, стремимся к увеличению краткосрочной прибыли вместо долгосрочной, а всё почему? Да потому, что в глубине души, может быть, даже не отдавая себе отчёта в этом, не верим, что наш успех будет длительным.

И мы делаем это, даже если приходится подводить тех, кто нам верит, и попирать интересы других.

В скором времени все тонкие условности и соглашения, на которых держится цивилизация, будут полностью растоптаны.

Подумайте, что произойдёт, когда безработица в городах достигнет определённого уровня. Преступность уже вышла из-под контроля.

Полицейские больше не хотят рисковать жизнью ради публики, которой всё равно наплевать на спектакль.

Кому охота дважды в неделю получать взбучку от какого-нибудь законника, которому нет дела до правды, или, хуже того, корчиться от боли, истекая кровью где-нибудь в тёмном переулке, когда это никого не волнует?

Уж лучше смотреть на всё сквозь пальцы и постараться прожить эти двадцать лет, как можно спокойнее, а может, даже урвать пару-тройку взяток на стороне. Вот так и вертится эта карусель. Что может её остановить?

Он умолк, и я на ходу оглянулся на него.

— Наверное, вы думаете, что этому положит конец некое духовное возрождение? — спросил он.

— Надеюсь, что да.

Он задержался, перелезая через поваленное дерево, потом догнал меня.

— Послушайте, — снова заговорил он, — я, одно время, интересовался всей этой чепухой, этой идеей насчет цели, судьбы и Откровений. Я даже заметил кое-какие интересные совпадения в собственной жизни.

Но я решил, что всё это — бред. Человеческий мозг способен вообразить любую глупость; мы даже не понимаем, что делаем это. А когда начинаешь заниматься этим вплотную, все эти разговоры о духовности выливаются просто в какую-то заумную риторику.

Я хотел было возразить, но потом передумал. Интуиция подсказала мне, что лучше дослушать его до конца.

— Да, — согласился я. — Пожалуй, временами это выглядит именно так.

— Взять, к примеру, то, что я слышал об этой долине, — продолжал он. — Раньше я прислушивался к этой чуши. А это — просто долина, заросшая деревьями и кустарником; таких, как она, тысячи.

Он похлопал рукой по стволу большого дерева, мимо которого мы проходили.

— Вы думаете, этот Национальный лесной заповедник выживет? Бросьте! Это при том-то, как люди загрязняют океаны и отравляют природу рукотворными канцерогенами? И изводят древесину на бумагу и другие вещи?

Это местечко тоже превратится в свалку, так же, как и вся остальная планета. На самом-то деле теперь никому нет дела до деревьев.

А иначе как, вы думаете, правительство строит здесь дороги на деньги налогоплательщиков, а потом продаёт древесину ниже рыночной стоимости? Или обменивает самые лучшие, самые красивые участки земли на бросовые где-нибудь в другом месте, лишь бы ублажить разработчиков?

Вы, вероятно, думаете, что в этой долине происходит нечто мистическое. Всем хотелось бы, чтобы происходило что-то эдакое, особенно если учесть снижающееся качество жизни. Но, на самом деле, не происходит ничего эзотерического.

Мы — просто животные, достаточно умные и достаточно невезучие, чтобы представить себе, что мы, якобы, живём; а потом мы умрём, даже не узнав, чего ради, собственно, жили.

Мы можем изображать из себя всё что угодно, желать чего угодно, но суть нашего существования в том, что мы не можем знать ничего.

Я снова взглянул на Джоэла:

— Вы что — вообще не верите ни в какую духовность?

Он рассмеялся:

— Если Бог существует, то это какой-то чудовищно жестокий Бог. Какая уж тут духовность! Откуда ей взяться? Вы только посмотрите на мир.

Какой Бог мог сотворить такое жуткое место, где дети умирают ужасной смертью от землетрясений, бессмысленных преступлений и от голода? И это при том, что рестораны каждый день выбрасывают на свалку тонны еды!

Хотя, — добавил он, подумав, — может, так и должно быть. Может, в этом и заключается Божий промысел. Может, и правы все эти умники, полагающие, что жизнь и история не более чем тест на наличие веры: вот ты спасёшься, а ты — нет.

Своего рода Божественный план уничтожения цивилизации, имеющий целью отделить истинно верующих от порочных. — Он попытался было изобразить улыбку, но она растаяла, как только он вновь погрузился в свои мысли.

В конце концов, он прибавил шагу, чтобы не отставать от меня. Мы вступили на луг, заросший высокой травой; в четверти мили от нас я увидел воронье дерево.

— А знаете, — снова заговорил Джоэл, — что, по мнению этих умников, происходит в мире? Несколько лет назад я занимался изучением этих вещей, и это было действительно впечатляюще.

— Нет, не знаю, — ответил я, знаком прося его продолжать.

— Они занимаются изучением пророчеств, скрытых в Библии, особенно в Книге откровений. Они считают, что нам довелось жить в последние дни (так они это называют), то есть, в то время, когда все пророчества сбудутся.

Суть их идеи в следующем: история, наконец-то, подготовила всё для возвращения Христа и установления Царствия Небесного на Земле. Но до этого, Земле надлежит пройти через ряд войн, природных катастроф и других апокалиптических ужасов, предсказанных в Священном писании.

А поскольку они знают все предсказания назубок, то только тем и занимаются, что пристально следят за происходящими в мире событиями: а сейчас у нас по расписанию то-то и то-то!

— И что же у нас стоит следующим по расписанию? — спросил я.

— Мирный договор на Среднем Востоке, который позволит воссоздать Иерусалимский храм. Через некоторое время после этого, начнётся массовое взятие живыми на небо истинных верующих, кто бы они ни были, и так все они исчезнут с лица Земли.

Я остановился и пристально взглянул на него:

— Они думают, что эти люди начнут исчезать?

— Да. Об этом говорится в Библии. Затем придёт великая беда — семилетний период, когда все врата и двери ада распахнутся для тех, кто остался на Земле.

Всё должно развалиться: колоссальные землетрясения разрушат экономику, повышение уровня океанов уничтожит города. Плюс беспорядки, преступность и всё прочее.

Потом, появится политик — возможно, в Европе, — который предложит план, как склеить разбитый горшок; но, чтобы сделать это, он, разумеется, должен обладать высшей властью.

Этот план будет включать в себя создание централизованной электронной экономики,

координирующей торговлю в большинстве районов мира.

Однако, для того чтобы участвовать в ней и иметь возможность пользоваться преимуществами автоматизации, каждому придётся принести этому лидеру клятву на верность и позволить вживить себе в руку чип, с помощью которого будут регистрироваться все его экономические действия.

Этот антихрист сначала защитит Израиль и будет способствовать заключению мирного договора, а потом перейдет в наступление, дав старт мировой войне, в которую окажутся вовлечены исламские страны, Россия и, наконец, Китай.

Согласно пророчествам, как раз в тот момент, когда Израиль будет находиться на грани падения, ангелы Господни снизойдут на Землю и выиграют войну, после чего установят духовную утопию, которая продлится тысячу лет.

Он прокашлялся и взглянул на меня:

— Вы зайдёте когда-нибудь в магазин религиозной литературы и посмотрите по сторонам. Там все книги сплошь посвящены этим пророчествам — даже романы, причём, их становится всё больше.

— Вы полагаете, эти специалисты по концу времён правы?

Он покачал головой:

— Не думаю. Единственное пророчество, которое действительно оправдывается в этом мире, — это человеческая жадность и коррупция. Может, и правда появится какой-нибудь диктатор и заберёт всё в свои руки, но только потому, что он придумает способ, как извлечь выгоду из хаоса.

— Думаете, это произойдёт?

— Не знаю. Но я скажу вам одну вещь.

Если по-прежнему будет продолжаться распад среднего класса, если бедные будут становиться ещё беднее, а преступность в городах внутри страны повысится и выплеснется за их пределы и если, в довершение всего, случится, скажем, ряд крупных природных катастроф и в целом, хотя бы на время прекратится экономический рост, появятся банды голодных мародёров, терроризирующих население и сеющих повсюду панику.

Перед лицом такого разгула насилия, если появится некто и предложит способ спасти нас, уладить всё, взамен прося лишь отказаться от некоторых гражданских свобод, я не сомневаюсь, что мы пойдём на это.

Мы остановились и попили воды из моей фляги. В полусотне ярдов впереди маячило воронье дерево.

Тут я насторожился, ощутив знакомый гул, идущий издалека. Джоэл, сощурившись, внимательно смотрел на меня:

— К чему это вы прислушиваетесь?

Обернувшись, я взглянул на него в упор:

— Это какой-то странный шум — гул, гудение. Может быть, здесь, в долине, проводятся какие-нибудь эксперименты?

— Какие эксперименты? Проводятся — кем? Почему я ничего не слышу?

Я собирался сказать ему больше, но тут раздались другие звуки. Мы оба прислушались.

— Это машина, — сказал я.

Два серых джипа, появившиеся с запада, катили прямо на нас. Неподалёку росло несколько высоких кустов шиповника, и мы укрылись за ними. Машины прошли в сотне ярдов, от нас и направились на юго-восток, по той же самой тропе, которой придерживался ранее виденный мною джип.

— Не нравится мне это, — заметил Джоэл. — Кто это был?

— Во всяком случае, не Служба леса, а всем остальным въезд сюда запрещён. Думаю, это люди, связанные с экспериментом.

На лице Джоэла отразился ужас.

— Если хотите, можете добраться до города более прямым путём, — предложил я. — Идите на юго-запад, ориентируясь вон на тот гребень. Примерно, через три четверти мили выйдете к небольшой реке, и тогда идите вдоль неё на запад до самого города. Думаю, успеете ещё до темноты.

— А вы не пойдёте?

— Пока нет. Мне нужно идти на юг, к реке, и там подождать моего друга.

Джоэл наморщил лоб:

— Они не могут проводить эксперимент без ведома Службы леса.

Знаю.

— Вы ведь, ничего не можете сделать, правда? Тут слишком серьезные дела.

Я не отвечал, охваченный внезапной тревогой.

Джоэл мгновение прислушивался, потом сорвался с места и быстро зашагал в направлении долины. Один раз он оглянулся и кивнул мне головой.

Я смотрел на него, пока он не пересёк луг и не исчез за деревьями леса, затем сам торопливо зашагал на юг, снова думая о Чарлин. Что она делала здесь, куда направлялась? Ответа я не знал.

Поднажав, я добрался до реки за полчаса. Теперь солнце скрывала гряда туч, висевших над горизонтом на западе, и в этом мрачном освещении лес выглядел серым и зловещим.

Я был потный, грязный, уставший, а разглагольствования Джоэла и появление джипов вовсе испортили мне настроение.

Может быть, сейчас у меня имелось уже достаточно доказательств, чтобы обратиться к властям; может быть, именно таким образом я сумел бы лучше всего помочь Чарлин.

У меня в голове вертелось несколько вариантов дальнейших действий, но все они требовали возвращения в город.

Лес по обоим берегам реки был негустой, поэтому я решил перейти её здесь, а потом пройти через более густой лес на другом берегу, хотя и знал, что эта территория является частной собственностью.

Едва успев перебраться через реку, я резко остановился и, вновь заслышав звук джипа, бросился бежать. Через полсотни футов земля вдруг резко вздыбилась валунами и скалами высотой футов в двадцать.

Быстро вскарабкавшись на них, я сделал несколько торопливых шагов и, увидев нагромождение крупных камней, решил побыстрее перемахнуть через них.

Когда моя нога задела верхний камень, он вдруг заскользил вниз, увлекая за собой меня и приведя в движение всю кучу.

Сильно ударившись бедром, я свалился в неглубокий овражек, а здоровенные валуны, по два-три фута в диаметре, продолжали нестись прямо на меня.

Я только успел перекатиться на левый бок и выставить вперед руки, но знал, что избежать столкновения не удастся.

И вдруг, уголком глаза я заметил что-то белое, полупрозрачное, колышющееся передо мной. Одновременно я испытал необычное ощущение: что-то сказало мне, что громадные камни каким-то образом минуют меня.

Закрыв глаза, я услышал, как они с грохотом обрушиваются по обе стороны от меня. Я медленно открыл глаза и всмотрелся сквозь ещё не осевшую пыль, отирая с лица грязь вместе с каменной крошкой. Валуны лежали совсем рядом со мной.

Как это случилось? Что было то белое, полупрозрачное?

Несколько секунд я тупо смотрел перед собой, потом заметил легкое движение за одним из камней. Молоденькая лесная кошка вышла из-за него и уставилась своими круглыми глазами прямо мне в глаза.

Я видел, что котёнок уже достаточно большой, чтобы убежать, но он не уходил, продолжая пристально смотреть на меня.

Неподалеку послышался шум приближающейся машины. Котёнок одним прыжком скрылся в лесу, а я, вскочив на ноги, пробежал несколько шагов и плюхнулся на другой камень.

Левая нога при этом подвернулась, и острая боль пронзила её до самого бедра. Преодолев ползком пару ярдов, я оказался среди деревьев и приник к земле за огромным дубом.

Машина доехала до реки, остановилась, а через несколько минут, снова рванула с места, направляясь на юго-восток.

С колотящимся сердцем я сел и с трудом стащил с ноги высокий ботинок, чтобы осмотреть лодыжку. Она уже начала распухать. Этого мне только и не хватало, подумал я.

Поворачиваясь, чтобы поудобнее вытянуть ногу, я вдруг заметил женщину, наблюдавшую за мной. Она была всего футах в тридцати от меня. Когда она начала приближаться ко мне, я похолодел.

— Вы в порядке? — спросила она. В голосе её звучало беспокойство. Это была высокая негритянка лет сорока.

Её одежду составляли свободная футболка, джинсы и кроссовки. Пряди тёмных волос, выбившиеся из «хвоста» на затылке, покачивались у висков. В руке она держала небольшой зелёный рюкзак.

— Я сидела там и видела, как вы свалились, продолжала она. — Я врач. Хотите, я взгляну на вашу ногу?

— Буду вам очень признателен, — пробормотал я, ещё не веря в возможность подобного совпадения.

Опустившись на колени рядом со мной, она осторожно ощупала мою ногу, одновременно оглядываясь по сторонам.

— Вы здесь один?

Я поведал ей лишь о поисках Чарлин. Женщина сказала, что не встречала никого, кто мог бы быть похож на неё, её манера говорить и то, что потом она назвала свое имя — Майя Пондер, убедили меня, что ей вполне можно доверять. Я тоже представился и сказал, где живу.

— А я из Эшвилла, — улыбнулась она. — Но у меня здесь — в нескольких милях к югу — центр здоровья. Мы создали его с одной коллегой совсем недавно.

А ещё нам принадлежит сорок акров земли в долине — как раз здесь они примыкают к заповеднику, — она обвела рукой то, что нас окружало. — И ещё сорок акров повыше — там, южнее.

Я, расстегнул «молнию» на кармане своего рюкзака и достал флягу с водой:

— Хотите?

— Нет, спасибо. У меня есть вода. — Порывшись в своём рюкзаке, она тоже извлекла флягу и отвинтила крышку. Но вместо того чтобы пить, смочила небольшое полотенце и обернула им мою ногу, заставив меня сморщиться от боли.

Подняв глаза и увидев мою гримасу, она заметила:

— У вас определённо растяжение.

— Это серьёзно?

Она чуть поколебалась, потом ответила вопросом на вопрос:

— А вы как думаете?

— Я не знаю. Надо попробовать походить. Я попытался встать, но Майя остановила меня:

— Подождите-ка минутку. Прежде чем пытаться ходить, проанализируйте своё отношение к этому. По-вашему, насколько серьёзно вы пострадали?

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду, что очень часто время выздоровления человека зависит от того, что думает по этому поводу он сам, а не я, врач.

Я окинул взглядом лодыжку.

— Думаю, это довольно серьёзно. А если так, мне придётся как-нибудь добраться до города.

— А что потом?

— Не знаю. Если я не смогу ходить, возможно, придётся найти кого-нибудь, кто бы согласился заняться поисками Чарлин.

— Вы хотя бы имеете представление о том, почему это произошло с вами?

— В общем-то нет. А разве это имеет значение?

— Да, потому что очень часто ваше отношение к причине несчастного случая или болезни влияет на ваше выздоровление.

Я взглянул на неё в упор, чувствуя, что внутренне сопротивляюсь. Какая-то часть меня ощущала, что сейчас эта дискуссия не ко времени. Ситуация не та.

Хотя, загадочный гул и прекратился, следовало предположить, что эксперимент продолжается. Во всём вокруг таилась непонятная тревога.

К тому же, уже почти стемнело... и Чарлин, насколько я представлял себе, могла находиться в большой опасности.

Я поймал себя на мысли о том, что испытываю чувство вины по отношению к Майе. Интересно почему? Я попытался освободиться от этой мысли.

— А какой вы врач? — поинтересовался я, отхлебнув глоток из фляжки.

Она улыбнулась, и впервые за всё время, я ощутил повышение уровня её энергии. Видимо, Майя тоже почувствовала ко мне доверие.

— Медицина меняется, и меняется быстро. Мы больше не смотрим на тело, как на машину, части которой, со временем, изнашиваются и требуют починки или замены.

Мы начинаем понимать, что здоровье тела, в огромной степени, зависит от мышления: от того, как мы относимся к жизни и особенно к самим себе — как на сознательном, так и на подсознательном уровне.

В этом и заключается основное различие между старой и новой медициной.

В прежней медицине, врач являлся знатоком и целителем, тогда как пациент — всего лишь пассивным получателем его указаний, надеющимся, что врач даст ответы на все вопросы.

Но теперь мы знаем, что отношение самого пациента к проблеме, его внутренняя позиция играют решающую роль.

Ключевым фактором является страх, стресс и то, как мы преодолеваем его. Иногда этот страх сознателен, но очень часто мы полностью подавляем его.

Вот такое отношение принято считать мужественным, едва ли не героическим: я отрицаю проблему, я отвергаю её и продолжаю гордо шагать по жизни.

Если мы займём такую позицию, страх всё равно будет грызть нас, разве что он станет подсознательным.

Для того чтобы оставаться здоровым, крайне важно самому настроиться на положительную перспективу, причём, сознательно, с полным пониманием и любовью к себе: лишь в этом случае эффект будет достигнут.

Я считаю, что наши скрытые, не высказываемые вслух страхи создают, своего рода, блоки

или преграды на пути потока энергии нашего тела, и, в итоге, именно из них вырастают все проблемы.

Страхи проявляются во всё большей степени, пока мы не начнём заниматься ими. Физические проблемы — это уже последний шаг.

В идеале этими блоками следует заниматься гораздо раньше — в качестве профилактики, прежде чем разовьётся болезнь.

— Значит, по-вашему, любую болезнь можно предотвратить или вылечить?

— Да, уверена. Отпущенный нам срок жизни может быть дольше или короче — это, вероятно, зависит от Создателя, однако, нам совершенно незачем болеть и становиться жертвами разных несчастных случаев.

— Значит, всё это применимо не только к болезням, но и к таким «мелочам», как, например, растяжение?

Она улыбнулась:

— Да, во многих случаях.

Я был в замешательстве.

— Послушайте, у меня сейчас нет времени на разговоры. Я действительно очень беспокоюсь за мою приятельницу. Я должен быть на ногах и что-то делать!

— Я знаю. Но у меня есть ощущение, что наша беседа не займёт много времени. Если вы сейчас не задумаетесь над тем, о чём я говорю, вам может не открыться значение данного совпадения.

Она прямо взглянула на меня, чтобы понять, уловил ли я её намёк на Манускрипт.

— Вы знаете об Откровениях? — спросил я.

Она кивнула.

— Что конкретно, по вашей теории, я должен делать?

— Вот техника, которая всегда даёт великолепные результаты: сначала нужно вспомнить, о чём вы думали непосредственно перед тем, как возникла проблема, в данном случае — это ваше растяжение. О чём вы думали? Проявлением какого страха стала эта проблема?

Я задумался.

— Мне было страшно, я колебался. Ситуация здесь, в долине, оказалась гораздо более сложной, чем я думал. Я чувствовал, что взялся за непосильное дело. А с другой стороны, я знал, что Чарлин, возможно, нуждается в помощи. В голове был полный сумбур, я не знал, как поступить, что предпринять.

— И вы повредили лодыжку?

Я подался вперёд.

— То есть... вы хотите сказать, что я сделал это, чтобы уйти от необходимости что-то предпринимать? А не слишком ли это просто?

— Это вам решать, а не мне. Но, на самом деле, очень часто всё сводится именно к совсем простым вещам. Кроме того, самое главное заключается не в том, чтобы тратить время на доказательства или оправдания.

Самое главное — действовать. Постарайтесь припомнить всё, что можете, о том, откуда могла возникнуть ваша физическая проблема. Исследуйте её происхождение сами.

— А как это сделать?

— Вы должны внутренне успокоиться и воспринять эту информацию.

— Интуитивно?

— На уровне интуиции, молитвы, либо как-нибудь ещё — всё зависит от того, как вы сами представляете себе этот процесс.

Я снова ощутил внутреннее сопротивление. Я не был уверен, что мне удастся расслабиться

и привести в порядок мои мысли.

Наконец, я закрыл глаза; на какое-то мгновение все мысли словно приостановились, затем потоком хлынули воспоминания об Уиле и о событиях уходящего дня.

Вслед за этим нахлынули другие воспоминания. Я увидел самого себя, десятилетнего, уходящим, хромая, с футбольного поля, причём, мне было отлично известно, что я притворяюсь.

Всё верно, подумал я. В детстве я частенько симулировал растяжение связок, чтобы избежать необходимости делать то, что меня заставляли. Я совсем забыл об этом!

Со временем у меня и на самом деле участились случаи растяжения — в самых разных ситуациях.

Я продолжал рыться в памяти, и вот — новая вспышка или, скорее, смутный проблеск: я, молодой, энергичный, самоуверенный, сижу и работаю в какой-то тёмной комнате, при свече; внезапно дверь распахивается, и меня, охваченного ужасом, волокут куда-то.

Я открыл глаза и взглянул на Майю:

— Может быть, я уловил кое-что. Я описал ей увиденную сцену из детства, но второе видение было настолько неясным, что я даже не упомянул о нём. Когда я закончил Майя спросила:

— Что вы думаете об этом?

— Не знаю. Вроде бы растяжение произошло по чистой случайности. Трудно представить себе, что этот несчастный случай порождён необходимостью избежать сложной ситуации.

Кроме того, мне не раз приходилось бывать и в худших переделках, и всё обходилось без растяжений. Почему же это произошло именно сейчас?

— Кто знает? — задумчиво отозвалась Майя. — Может быть, как раз сейчас настало время разобраться с этим. Несчастные случаи, болезни, выздоровление — во всём этом гораздо больше тайны, чем мы можем себе представить.

Думаю, мы обладаем ещё не открытой способностью влиять на то, что произойдёт с нами в будущем, включая даже состояние здоровья. Хотя, повторяю, всё будет зависеть от самого человека.

Помните, я не высказала никакого мнения относительно того, насколько серьёзно вы пострадали, и на то у меня были свои соображения.

Мы в своей клинике поняли, что врачи должны высказывать своё мнение крайне осторожно.

За долгие годы в людях выработалось к ним уважение, граничащее с поклонением; когда доктор говорит что-то, пациенты склонны доверять ему абсолютно.

Сельские врачи прошлого века отлично знали об этом принципе и использовали его: в любой ситуации говорили, что всё будет хорошо, даже прекрасно.

Если доктор сказал, что больной поправится, пациент проникается этим и действительно выздоравливает.

Некоторое время назад такие вещи перестали делать — из этических соображений, и с тех пор пациентам остаётся лишь выслушивать бесстрастные научные рекомендации по поводу своих проблем.

К сожалению, после того как было запрещено обнадёживать пациентов, многие из них стали погибать буквально у нас на глазах — просто потому, что им говорили, что их состояние — безнадежно.

Теперь мы знаем, насколько осторожными следует быть врачам с подобными высказываниями — именно из-за того, какое огромное влияние на человека оказывает его мышление.

Мы хотим направить это влияние в положительную сторону. Наше тело способно творить

чудеса. Части тела, которые прежде считались, как бы, застывшими, неизменными формами, на самом деле, являются энергосистемами, способными к внезапным преобразованиям.

Вы читали о самых последних исследованиях, касающихся молитвы? Тот простой факт, что этот вид духовной визуализации сейчас получает научное подтверждение, полностью подрывает нашу старую, сугубо физическую модель исцеления. Нам нужно выработать новую модель.

Еще раз полив водой полотенце, обмотанное вокруг моей лодыжки, она продолжала:

— По-моему, в качестве первого шага в этом процессе вы должны установить, с каким конкретным страхом связана данная медицинская проблема: это направит всю энергию вашего тела на сознательное исцеление.

Следующий шаг — собрать возможно большее количество энергии и сконцентрировать её точно там, где возникла преграда — блок.

Я хотел было спросить, как это делается, но Майя остановила меня:

— Постарайтесь максимально повысить свой энергетический уровень.

В ответ на её подсказку я сосредоточился на красоте того, что меня окружало, и на чувстве любви ко всему этому. Постепенно цвета вокруг стали ярче, а всё, что я видел, — как бы, отчётливее, рельефнее. Судя по всему, энергетический уровень Майи повышался одновременно с моим.

Почувствовав, что уровень моей вибрации достиг возможного максимума, я взглянул на неё.

Она улыбнулась в ответ:

— Хорошо. Теперь вы можете сосредоточить всю энергию на блоке.

— А как это сделать?

— Для этого нужно использовать боль. Для того она и существует — чтобы указать вам точное место.

— Что? А разве речь идёт не о том, чтобы избавиться от боли?

— К сожалению, именно так мы всегда и думали. Но, на самом деле, боль — это маяк.

— Маяк? Как это?

— Да, маяк — Она нажала пальцами на мою ногу в нескольких местах. — Насколько сильно сейчас у вас болит?

— Это пульсирующая боль, но не очень сильная. Она размотала полотенце.

— Сфокусируйте свое внимание на боли и постарайтесь ощутить её, как можно отчётливее. Определите её точное местонахождение.

— Я знаю, где болит: в лодыжке.

— Да, но лодыжка достаточно велика. Где точно?

Я вслушался в свою боль. Майя была права: я высказался чересчур обобщённо. Вытянув ногу носком кверху, я установил точное местонахождение очага боли: верхняя часть сустава, слева и примерно на дюйм в глубину.

— Так, нашёл, — сообщил я.

— Теперь сосредоточьте все свое внимание в этой области. Как бы проникнете туда всем своим существом.

В течение нескольких минут я не, произносил ни слова, полностью сконцентрировавшись на указанной точке. Я заметил, что все остальные ощущения моего тела — дыхание, положение рук и ног, липкий пот, выступивший на затылке и шее, — отошли куда-то на второй план, растаяли.

— Прочувствуйте боль в полной мере, — напомнила Майя.

— Уже.

— Как вы сейчас ощущаете её?

— Всё ещё ощущаю, но она как-то изменилась — я бы сказал, стала теплее. И меньше

беспокоит. Теперь, это скорее, не боль, а покалывание.

Пока я говорил, боль опять начала принимать свой обычный характер.

— Что происходит? — недоумевал я.

— Полагаю, кроме информации о том, что что-то не в порядке, боль выполняет ещё и другую функцию. Возможно, она также точно указывает, где находится проблемная область, чтобы мы, следуя за ней, могли сконцентрировать всё внимание и энергию именно в нужном месте.

Такое впечатление, что боль и наше сфокусированное внимание не могут одновременно занимать одно и то же пространство.

Конечно, при сильной боли, когда сосредоточение невозможно, мы можем использовать обезболивающее, чтобы уменьшить её остроту, хотя я думаю, что всё-таки не следует снимать боль полностью — для того, чтобы она могла выполнить свою роль.

Майя умолкла и посмотрела на меня.

— Что дальше? — спросил я.

— А дальше нужно сознательно направить высшую Божественную энергию точно в эпицентр боли, чтобы любовь, содержащаяся в этом заряде, заставила клетки функционировать нормально. Ну, давайте, — сказала она. — Я буду вести вас.

Я снова сосредоточился и, почувствовав, что готов, кивнул Майе.

— Ощутите боль всем своим существом, — заговорила она. — А теперь представьте, как энергия вашей любви направляется прямо в её очаг, поднимает эту точку вашего тела, сами её атомы на более высокий уровень вибрации.

Старайтесь увидеть, как частицы разгоняются и переходят в оптимальное для них состояние чистой энергии. Вы должны буквально ощутить покалывание в том месте, где вибрация нарастает.

Затем, выдержав минутную паузу, она продолжала:

— Теперь, не теряя концентрации на болевой точке, старайтесь ощутить, как ваша энергия — покалывание — поднимается вверх по обеим ногам... по бедрам... по животу и груди... и, наконец, достигает шеи и головы.

Прочувствуйте, как всё ваше тело покалывает от более высокой вибрации. Старайтесь, чтобы каждый орган действовал в оптимальном режиме.

Я точно следовал её указаниям, и через несколько секунд всё моё тело, словно бы, стало легче, зарядилось энергией. Я удерживал это состояние минут десять, потом открыл глаза и посмотрел на Майю.

При свете карманного фонаря она устанавливала мою палатку на ровном участке между двумя соснами. Заметив, что я смотрю на неё, она спросила:

— Ну как, вам лучше?

Я кивнул.

— Вы поняли процесс до конца?

— Думаю, да. Я направил энергию в болевую точку.

— Да, но то, что мы проделали до этого, не менее важно. Вы начали с того, что выяснили значение своей травмы: факт её получения указывал на то, что в вашей жизни присутствует какой-то страх, который связывает вас и сказывается на вашем физическом здоровье.

Эта процедура сняла блокировку страхом, дав визуализации возможность проникнуть туда, куда нужно.

После того как блок удалён, вы можете воспользоваться болью, как маяком, чтобы повысить уровень вибрации в данной области, а потом и во всём теле.

Однако, крайне важно выяснить происхождение страха. Когда корни болезни или

несчастливого случая лежат слишком глубоко, часто приходится прибегать к гипнозу либо интенсивному руководству.

Тут я поведал ей о своём средневековом видении: как дверь распахнулась и меня потащили куда-то.

Она задумалась.

— Иногда, чтобы выяснить истинное происхождение страха, приходится очень глубоко погружаться в прошлое. Но, делая это и стараясь преодолеть страх, человек, обычно, приходит к более полному пониманию того, кто же он, на самом деле, или ради чего проживает свою нынешнюю жизнь на Земле.

И это создаёт условия для последнего — и, по моему твёрдому убеждению, наиболее важного — шага в процессе исцеления.

Важнее всего для нас — заглянуть достаточно глубоко для того, чтобы вспомнить, чему мы собираемся посвятить свою жизнь.

Подлинное исцеление происходит тогда, когда нам удаётся увидеть мысленным взором своё новое, волнующее будущее.

Вдохновение — вот что нужно нам. Люди исцеляются не для того, чтобы проводить больше времени у телевизора.

Пару секунд я смотрел на неё, осмысливая услышанное, потом сказал:

— Вы упоминали об эффекте молитвы. Как лучше всего молиться за человека, с которым что-нибудь не так?

— Пока ещё мы не знаем точно. Это как-то связано с процессом, описанным в Восьмом откровении.

Мы, как бы, направляем на этого человека проходящий через нас поток энергии и любви из Божественного источника и одновременно стараемся мысленно увидеть, что он вспомнил, что хочет сделать со своей жизнью.

Конечно, иногда человек вспоминает, что ему пора осуществить переход в иное измерение. Если так, нам остаётся только смириться с этим.

Закончив возиться с палаткой, Майя прибавила:

— Прошу вас также иметь в виду, что рекомендованные мною приёмы следует сочетать с тем лучшим, что существует в традиционной медицине.

Будь мы ближе к моей клинике, я забрала бы вас туда на предмет полного обследования, но при данных обстоятельствах, если только вы сами не будете возражать, по-моему, лучше бы вам переночевать тут, в палатке. Сейчас вам не стоит много двигаться.

Говоря это, она установила мою плитку, включила её и поставила на огонь котелок с супом-«пятиминуткой».

— Я иду назад, в город. Мне нужно раздобыть шину для вашей ноги и, на всякий случай, кое-что ещё. Потом я вернусь и буду присматривать за вами. Радио тоже принесу — вдруг потребуется вызвать помощь.

Я кивнул.

Майя перелила часть воды из своей фляжки в мою и взглянула на меня. За её спиной, на западе, угасал последний проблеск света минувшего дня.

— Вы сказали, что ваша клиника находится где-то поблизости, — напомнил я.

— Да, всего около четырёх миль к югу отсюда, за хребтом. Но оттуда нельзя проникнуть в долину. Единственный путь — это дорога, входящая в неё южнее города.

— Как же вы тут оказались?

Она улыбнулась словно бы немного смущенно:

— Это довольно смешно. Прошлой ночью мне приснилось, что я снова иду в долину, и

утром я решила, что пойду. Всё последнее время было очень много работы, и, думаю, мне просто нужно было время, чтобы поразмыслить о том, чем я занимаюсь в клинике.

У нас с моей партнёршей накопился большой опыт применения различных методов китайской медицины, траволечения. К тому же, у нас есть доступ ко всем последним достижениям традиционной медицины — через компьютер. Я мечтала об этой клинике годами.

Чуть помолчав, она продолжала:

— Перед тем как заметить вас, я сидела вон там, и моя энергия прямо таки была струёй. Казалось, я видела всю свою жизнь до мельчайших подробностей — с раннего детства и до того самого момента. Никогда прежде я не ощущала так отчётливо смысла Шестого откровения.

Все события того времени стали подготовкой. Я выросла рядом с матерью, которая всю свою жизнь мучилась от хронической болезни, но никогда не принимала участия в собственном лечении.

В то время врачи не могли ей помочь; на протяжении всего моего детства, помню, меня злило, что она не желает даже попытаться исследовать собственные страхи, поэтому я собирала любую информацию о диете, витаминах, уровнях стресса, медитации и их роли в состоянии здоровья человека.

Я старалась убедить мать, что она сама должна исцелить себя. В юности я буквально разрывалась пополам, решая, посвятить ли себя церкви или стать врачом. Не знаю... это было так, словно что-то заставляло меня представлять себе, как использовать откровение, веру для изменения будущего, для исцеления.

А вот, мой отец, — продолжала она, — был совсем другим человеком, нежели мать. Он был биологом, но никогда не распространялся о достигнутых результатах.

«Я занимаюсь чисто исследовательской работой» — вот и всё. Коллеги относились к нему, как к богу. Он был недостижимой вершиной, истиной в последней инстанции.

Когда я выросла, он умер от рака — прежде, чем я поняла, что составляло предмет его главного интереса. А это была иммунная система, и, в частности, — как усиливает её полнокровная жизнь, реализация себя.

Он первым разглядел эту связь, и все нынешние исследования подтверждают, что она существует. Но мне не довелось поговорить с ним об этом.

Поначалу я удивлялась, почему мне было суждено иметь именно такого отца. Однако, в конце концов, я приняла тот факт, что мои родители представляют собой как раз то сочетание черт характера и интересов, которое может способствовать моей собственной эволюции.

Потому, я и захотела быть рядом с ними на раннем этапе своей жизни. Глядя на свою мать, я понимала, что каждый должен сам нести ответственность за своё лечение, а не перекладывать её на других.

Ведь, поиск исцеления, по сути дела, — это прорыв сквозь страхи, существующие в нашей жизни, страхи, с которыми нам не хочется встречаться лицом к лицу; а потом мы должны найти своё собственное вдохновение, увидеть то будущее, наступлению которого мы призваны способствовать.

Для этого мы и находимся здесь.

Отец помог мне понять, что медицина должна быть более открытой навстречу пациенту, более внимательной к его интуитивным проявлениям. Долгое время медицина пребывала, так сказать, в башне из слоновой кости, но теперь надо выйти из неё.

В исцелении должны участвовать двое, а не один. Это заставило меня искать новую парадигму в медицине, основанную на способности пациента контролировать собственную жизнь и снова встать на верный путь.

Суть моей идеи состоит в следующем: мы умеем сами исцелять себя физически и

эмоционально. Под влиянием вдохновения, мы можем сформировать более возвышенное, более идеальное будущее, и когда мы делаем это, происходят чудеса.

Она встала, взглянула на мою ногу, потом на меня:

— Я уйду. Постарайтесь не нагружать ногу. Сейчас вам нужен полный покой. А я вернусь завтра утром.

Наверное, вид у меня был не слишком геройский, поэтому она снова опустилась на колени и положила обе руки на мою лодыжку.

— Не волнуйтесь. Когда энергии достаточно, нет ничего, что нельзя было бы исцелить, — ненависть... войну... Надо просто объединиться и увидеть то, что нужно. — Она осторожно погладила мою ногу. — Мы сумеем исцелить это. Мы сумеем.

Одарив меня ещё одной улыбкой, Майя поднялась на ноги и ушла.

Мне вдруг захотелось окликнуть её, рассказать всё, что пришлось испытать в ином измерении, всё, что я знал о Страхе и о возвращении семёрки, однако, я промолчал, глядя, как она скрывается за деревьями.

Я безумно устал. Завтра утром — это уже совсем скоро, подумал я... потому что теперь я точно знал, кто она такая.

Наутро меня разбудил резкий крик ястреба, парившего высоко в небе, по-видимому, прямо над моей палаткой. Несколько секунд я прислушивался, представляя себе, как птица описывает в воздухе широкие плавные круги.

Ястреб прокричал ещё раз и замолк. Я быстро сел и выглянул из-под полога палатки: день был облачный, но тёплый, легкий ветерок пробежал по верхушкам деревьев.

Достав из рюкзака эластичный бинт, я осторожно обмотал им уже почти не болевшую лодыжку, затем выбрался из палатки и встал.

Постояв пару минут, я перенёс вес тела на больную ногу и сделал пробный шаг. Ощущения были не слишком приятными, но если постараться ступать на неё полегче, то идти я мог.

Интересно, помогла мне процедура Майи или нога на самом деле была повреждена не так уж сильно? Сам я не знал, а спросить было некого.

Снова порывшись в рюкзаке, я достал чистые вещи, потом осторожно, всё время останавливаясь, чтобы оглядеться и прислушаться, добрался до реки.

Там, найдя место, защищённое от посторонних глаз, я разделся, вошел в прохладную, сразу освежившую меня воду и некоторое время лежал в ней, не думая ни о чём, стараясь заглушить поднимающуюся откуда-то изнутри тревогу и рассматривая разноцветные листья у себя над головой.

И тут мне припомнился сон, виденный прошлой ночью. Я сидел на скале... что-то происходило... Уил тоже был там... и другие. Какое-то пространство, заполненное голубизной и золотистыми бликами... Но, как я ни старался, больше ничего вспомнить не удавалось.

Открывая флакон жидкого мыла, я вдруг заметил, что деревья и кусты вокруг меня словно бы стали ярче, рельефнее, чем раньше. Каким-то образом воспоминание о сне увеличило мою энергию.

Мое тело, как будто, стало легче. Я торопливо выкупался и вымыл грязные тарелки, оставшиеся от давешнего ужина, а закончив мытьё, вдруг обратил внимание на то, что большая скала справа очень напоминает ту, сидящим на которой я видел себя во сне.

Я внимательно осмотрел её. Скала была плоской, футов десяти в диаметре, той самой формы, того самого цвета.

За несколько минут я снял палатку, упаковал рюкзак и спрятал всё снаряжение под валунами. Затем, вернувшись к скале, сел и попытался вновь вызвать в памяти то голубое пространство, а также точно вспомнить, где в моем сне находился Уил.

Он стоял слева, чуть позади меня. В этот момент перед моим мысленным взором всплыло его лицо: я увидел его отчетливо, как на фотографии, снятой крупным планом. Стараясь не упускать ни одной детали, я удержал его образ и окружил его голубым полем.

Через несколько секунд я ощутил толчок в солнечное сплетение и вдруг снова оказался в разноцветном туннеле. Когда стремительное движение прекратилось, я увидел вокруг голубой свет, а рядом с собой — Уила.

— Слава Богу, ты вернулся! — воскликнул он, приближаясь. — Ты так уплотнился, что я не смог найти тебя.

— А что случилось перед этим? — спросил я. — Почему гудение стало таким громким?

— Не знаю.

— Где мы находимся?

— Это особый уровень — судя по всему, уровень снов.

Я огляделся по сторонам. Вокруг сияла голубизна. Нигде ни малейшего движения.

— Ты уже бывал здесь? — поинтересовался я.

— Да, перед тем, как найти тебя у водопадов. Но тогда я не знал, зачем оказался тут.

Некоторое время мы оба оглядывали голубое пространство, потом Уил спросил:

— Что происходило с тобой после возвращения?

Волнуясь, я начал описывать все свои приключения, сделав особый упор на мрачных предсказаниях Джоэла. Уил слушал внимательно, уточняя те или иные подробности предсказаний.

— Он один из одержимых Страхом, — наконец, заметил Уил. Я кивнул:

— И я того же мнения. Ты думаешь, всё, о чем он говорил, происходит на самом деле?

— Думаю, опасность заключается в том, что огромное число людей начинает верить в это.

Вспомни, о чём говорится в Девятом откровении: со временем духовное возрождение преодолет поляризацию Страха.

Я посмотрел в глаза Уилу:

— Я встретил там ещё одного человека — женщину.

И я рассказал о встрече с Майей, а особенно подробно — о своей травме и о том, как Майя лечила меня.

Уил слушал со вниманием. Когда я закончил, он долго молчал, задумавшись, глядя перед собой.

— Похоже, Майя — это та самая женщина из видений Уильямса, — прибавил я. — Та, что пыталась предотвратить войну с индейцами.

— Возможно, её способ лечения — это ключ к решению проблемы Страха, — произнес наконец Уил. Я кивком попросил его продолжать.

— Во всём этом есть смысл, — все ещё обдумывая что-то, медленно заговорил он.

— Посмотри на то, что уже произошло. Ты явился сюда в поисках Чарлин и — встретил Дэвида, а Дэвид сказал тебе, что Десятое откровение — это более глубокое понимание духовного возрождения, переживаемого нашей планетой, причём понимание это приходит, когда осознаешь нашу связь с послежизненным» Измерением.

Он сказал, что это Откровение как-то связано с уяснением природы интуитивных проявлений, с удержанием их, с поиском тропы.

Потом ты, следуя «окликам внутреннего голоса» и удерживая мысленные образы, представившиеся тебе, нашёл меня у водопадов, и я подтвердил, что удержание этих образов имеет место и в Афтерлайфе и что между людьми и этим измерением существует тесная связь.

Вскоре после этого, нам довелось наблюдать, как Уильямс заново переживал события своей жизни и как сокрушался, что не помнит, что хотел сделать.

А хотел он присоединиться к некой группе людей с тем, чтобы содействовать решению проблемы Страха, угрожающего нашему духовному пробуждению.

Он сказал, что для решения проблемы мы должны понять этот Страх; после этого, мы с тобой расстались, и ты встретил журналиста Джоэла, который долго распространялся — о чём?

О страшном будущем, которое нас ожидает. На самом деле, речь идёт о страхе перед полным разрушением цивилизации.

И разумеется, следующим человеком, кого ты встретил, была женщина, цель всей жизни которой — лечить, исправлять, и она делает это, помогая людям пробивать стену страха, будя их память, помогая им понять, зачем они живут на этой планете.

Память, воспоминание — должно быть, это и есть ключ к решению проблемы.

Внезапное движение неподалёку отвлекло наше внимание от разговора. В сотне футов от нас, судя по всему, начал материализовываться сонм душ.

— Возможно, они явились сюда, чтобы помочь кому-нибудь со снами, — заметил Уил. Я

пристально взглянул на него:

— Они что — помогают нам видеть сны?

— Да, некоторым образом. Прошлой ночью, когда тебе снился тот сон, здесь находились другие души.

— А откуда тебе известно о моём сне?

— Когда тебя отбросило в физическое измерение, я пытался найти тебя, но не смог. Потом, через некоторое время, я начал видеть твоё лицо и переместился сюда. В последний раз, когда я был здесь, я не вполне понимал происходящее, но теперь, похоже, уяснил, что бывает, когда мы спим.

Я недоуменно покачал головой.

Уил жестом указал на окончательно материализовавшиеся души:

— Похоже, всё дело в совпадении во времени. Эти существа, возможно, оказались здесь тогда одновременно со мной по чистой случайности, а сейчас, может быть, они ждут, не заглянет ли сюда чьё-нибудь астральное тело.

Гул, ощущавшийся всё время, как фон, стал громче, и я не смог ответить. Мне стало не по себе, закружилась голова. Уил придвинулся поближе ко мне и положил руку мне на поясницу.

— Не отдаляйся от меня, — сказал он. — По какой-то причине мы должны увидеть это.

Справившись с головокружением, я заметил, что в пространстве по соседству с душами появилось что-то ещё. Сначала я подумал, что это прибыли другие души, но тут же понял, что ошибаюсь.

Перед нами материализовалось или, скорее, проецировалось, наподобие голограммы, нечто огромное — целая сцена с действующими лицами, декорациями и диалогом.

В центре всего находилась одинокая фигура человека, показавшегося мне смутно знакомым. Сосредоточившись, через мгновение я узнал Джоэла.

На наших глазах действие начало разворачиваться, как в кино. Я пытался следить за ходом событий, но в голове у меня ещё не совсем прояснилось, так что я не вполне понимал, что происходит.

По мере того, как события развивались и диалог становился всё более напряженным, души и журналист приближались друг к другу. Через несколько минут «спектакль» вроде бы завершился, и всё исчезло.

— В чём там было дело? — спросил я.

— Тот человек в центре видел сон, — пояснил Уил.

— Это был Джоэл — тот журналист, о котором я говорил тебе.

Уил удивленно уставился на меня:

— Ты уверен?

— Да.

— Ты понял, что ему снилось?

— Нет, как-то не уловил. А в чём там было дело?

— Ему снилась какая-то война. Он бежал из города, разрушенного бомбами; вокруг всё взрывалось, свистели осколки, а он бежал, спасая свою жизнь, думая только о том, чтобы не погибнуть.

А когда он вырвался из этого ужаса и, взобравшись на гору, взглянул назад, на город, то вспомнил, что у него был приказ встретить другую группу солдат и передать ей секретную часть нового устройства, которое должно было вывести из строя оружие противника.

И только тогда, к своему ужасу, он понял, что из-за его бегства город и солдаты гибнут на его глазах.

— Кошмар, — заметил я.

— Да, но он имеет своё значение. Начиная видеть сон, мы бессознательно перемещаемся сюда, а другие души приходят и помогают нам.

Не забывай, какую функцию выполняют сны: они подсказывают, как справиться с той или иной ситуацией повседневной жизни.

Седьмое откровение учит разбираться в снах, сопоставляя происходящее в них с реальной ситуацией, в которой мы находимся.

— Но какую роль играют во всём этом души?

Не успел я задать этот вопрос, как нас снова куда-то понесло. Уил по-прежнему держал ладонь на моей пояснице.

Когда мы остановились, свет вокруг нас стал ярко-зелёным, а кое-где по нему ходили необыкновенно красивые янтарные волны. Присмотревшись к ним, я увидел, что это души.

Я глянул на Уила. Он широко улыбался. Это место, похоже, создавало радостный, праздничный настрой. Пока я рассматривал души, некоторые из них приблизились к нам и образовали группу.

Их лица так и светились дружелюбными улыбками, хотя мне с трудом удавалось держать их в фокусе хотя бы две-три секунды.

— Они просто исполнены любви, — заметил я.

— Попробуй настроиться на то, что им известно, — посоветовал Уил.

Сосредоточившись на них с этим настроением, я понял, что эти души как-то связаны с Майей. Они искренне радовались её последним достижениям, особенно её пониманию того, как её отец и мать подготовили её рождение.

Судя по всему, им было известно, что Майя уже совершила полный обзор своей жизни, упоминаемый в Шестом откровении, и вот-вот должна была вспомнить, зачем была рождена.

Обернувшись к Уилу, я понял, что и он видит те же образы.

В этот момент я снова услышал гудение; мой желудок напрягся. Уил плотно охватил руками мои плечи и спину. Когда звук прекратился, уровень моей вибрации резко упал.

Я поискал глазами сонм душ, пытаясь открыться им навстречу и подпитаться их энергией, но, к моему удивлению, они вдруг потеряли чёткость очертаний и отделились от меня на вдвое большее расстояние.

— Что это с ними? — спросил я.

— Ты попытался войти в контакт с ними, чтобы увеличить свою энергию, — отвечал Уил, — вместо того, чтобы войти внутрь самого себя и оттуда подключиться непосредственно к энергии Бога.

Я, в своё время, сделал то же самое. Эти души не позволят тебе принять их за Божественный источник. Они знают, что это не способствовало бы твоему росту.

Я сосредоточился на самом себе, и моя энергия вернулась.

— А как теперь вернуть их? — спросил я Уила. Не успел я закончить фразу, как души сами переместились туда, где находились раньше.

Мы с Уилом переглянулись, потом он присмотрелся к сонму, и чем больше смотрел, тем большее удивление читалось на его лице.

— Что ты там увидел? — заинтересовался я.

Не отрывая взгляда от душ, он кивком головы велел мне последовать его примеру. Я так и сделал, стараясь проникнуть в то, что они знали.

Несколько мгновений спустя я увидел Майю. Она буквально плавала в зелёном сиянии. Лицо её выглядело немного иным, чем в обычной жизни, и ярко светилось, но я был уверен, что это она.

Чем сосредоточеннее мы вглядывались в её лицо, тем ярче и резче представало перед нами,

как бы, голографическое изображение: Майя, в одежде девятнадцатого века, стояла посреди бревенчатой хижины вместе с несколькими другими людьми, возбуждённо обсуждавшими, как положить конец конфликту.

Похоже, она понимала, что для совершения столь великого дела требуется лишь вспомнить, как обретается энергия. Это можно было сделать только в том случае, если бы нужные люди собрались вместе, движимые общим намерением.

Майю внимательно слушал хорошо одетый молодой человек Я узнал в нём того самого экономиста, который позже был убит вместе с ней.

Далее мы увидели неудавшуюся попытку Майи переговорить с армейским начальством, а потом гибель её и экономиста во время боя.

Мы видели, как после смерти Майя очнулась в Афтерлайфе и обозрела свою жизнь, ужасаясь тому, как простодушно, как наивно она действовала, пытаясь остановить войну.

Теперь она знала, что совершить такое дело можно было, лишь владея в достаточной степени знанием Афтерлайфа, а мы ещё не вспомнили его в достаточной мере, ещё не вспомнили.

После обзора жизни, мы увидели Майю движущейся в окружавшем нас зелёном пространстве, а рядом с ней — тот сонм душ, который сейчас находился перед нами.

Каким-то удивительным образом в лицах их всех проглядывало определённое сходство с лицом Майи.

Я вопросительно взглянул на Уила.

— Это её сонм душ, — объяснил он.

— Что ты имеешь в виду?

— Это группа душ, с которыми у неё общий настрой, — взволнованно уточнил он. — Кстати, как-то, ещё до того, как мы с тобой встретились, я встретил другой сонм душ, в котором все, до определенной степени, были похожи на тебя. Думаю, то был твой сонм душ.

Прежде чем я успел хоть что-то сказать, в сонме душ, находившемся напротив нас, произошло небольшое движение.

Снова возник образ Майи. Окруженная душами своего сонма, она, казалось, спокойно стояла посреди зелёного пространства под мощным белым светом, похожим на тот, что мы видели, когда Уильямс обозревал свою жизнь.

Майя понимала, что происходит нечто глубинное. Её способность передвигаться в Афтерлайфе уменьшилась, её внимание снова обращалось на Землю.

Она увидела свою будущую мать, которая только что вышла замуж и, сидя на крыльце, размышляла, позволит ли ей здоровье иметь ребенка.

Майя начала понимать, сколько плюсов может быть от того, что она родится именно у этой матери. Сильно опасаясь за собственное здоровье, женщина быстро научит ребенка заботиться о своём.

В какой обстановке лучше, чем в этой, может развиваться интерес к медицине и врачеванию?

И это будет не просто чистое знание на интеллектуальном уровне, где правильность изящных теорий никогда не проверяется реальной жизнью.

Этого не будет, если она, Майя, будет расти под психологическим влиянием этой женщины. Майя знала, что сама склонна к идеализму и фантазиям, и она уже дорого заплатила за это.

Снова подобного не случится: подсознательная память о том, что произошло в девятнадцатом веке, напомнит ей об осторожности.

Теперь она пойдёт вперёд не торопясь, сохраняя дистанцию между собой и другими, и обстановка, созданная этой женщиной, окажется просто идеальной.

Уил перехватил мой взгляд.

— Мы видим то, что происходило, когда она начала обзрывать свою теперешнюю жизнь. Теперь Майя наблюдала, как могут развиваться её отношения с матерью.

Ей придётся расти рядом с не слишком-то здоровой женщиной, рядом с её страхами, её склонностью ругать доктора; всё это пробудит в ней интерес к связи, существующей между духом и телом, ответственность за пациента.

Всю информацию она будет передавать матери, и та, уверовав в возможность выздоровления, станет её первой пациенткой, а потом и главной опорой, являя собой первый пример эффективности новой медицины.

Далее Майя увидела своего будущего отца, сидевшего на крыльце рядом с женой. Время от времени, она задавала мужу какой-нибудь вопрос, чтобы получить очередной односложный ответ.

Этот человек почти всегда предпочитал просто сидеть и созерцать — говорить он был не любитель.

Его мозг буквально готов был взорваться от множества роившихся в нём исследовательских идей и экзотических биологических вопросов, которые, как он знал, никогда и никем не ставились прежде, — особенно о взаимосвязи между вдохновением и иммунной системой.

Майя поняла, что эта его отстранённость также таит в себе немало плюсов. С таким отцом ей не придётся тешить себя фантазиями: она просто будет вынуждена с самого начала сама думать за себя, исходя из реального положения вещей.

В конце концов, они найдут общий язык на почве своих научных интересов, отец раскроется навстречу ей и предоставит богатую техническую основу для разработки её новых методов.

Майя понимала также, что её рождение именно у этой пары может принести практическую пользу и родителям.

В той же мере, в какой они будут способствовать развитию её интереса к лечению, она сама сможет влиять на них в нужном направлении, ведя мать к осознанию и принятию собственной роли в своём выздоровлении, а отца — к преодолению замкнутости и привычки жить только внутренней жизнью.

Далее Майя увидела своё преждевременное появление на свет и своё детство. Перед ней предстали образы множества людей, которые, как раз, в нужные моменты её жизни оказывались рядом, чтобы учить её и передавать свой опыт.

В медицинском институте ей приходилось иметь дело, как раз, с теми врачами и пациентами, которые были ей интересны, с точки зрения её специализации.

Потом она мысленно увидела первую встречу с коллегой, с которой позже создала клинику, и то, как, мало-помалу, у них выработывалась новая модель лечения.

Потом ей открылось, что она будет принимать участие в более глобальном процессе пробуждения.

Наблюдая её видения, мы узнали, как она открыла для себя Откровения, а позже присоединилась к группе людей — одной из многочисленных групп, независимо друг от друга возникавших по всему миру.

Этим людям предстояло вспомнить, кем они являются на более высоком уровне, и стать инструментом преодоления поляризации Страха.

Майя вдруг увидела себя беседующей на важные темы с каким-то мужчиной в армейской форме. Он был высок ростом, атлетически сложен, одарён недюжинным умом.

К своему удивлению, я понял, что Майе известно: именно он погиб рядом с ней в той войне девятнадцатого века.

Сосредоточившись на нём, я был просто поражён: оказывается, я уже видел его в видениях Уильямса, обзревавшего свою жизнь.

Далее видения Майи, судя по всему, вышли на другой уровень, недоступный для моего восприятия: она словно растворилась в заливавшем её ослепительном свете.

Лишь немного я мог понять: её личное представление о том, что она может совершить, родившись именно в этой семье, — часть более масштабного видения, включающего в себя всю историю и будущее человечества.

Сама Майя, похоже, могла обзреть свою жизнь в перспективе вплоть до самого конца: ей явно предстояло оказаться в самом центре всего — там, где человечество находилось когда-то, куда оно шло теперь. Я мог ощутить всё это, однако, не улавливал самих образов.

Наконец, видения Майи закончились, и мы снова увидели её в зелёном пространстве, окружённую душами своего сонма.

Теперь они наблюдали сцену, происходившую на Земле. Насколько я мог судить, её будущие родители действительно решили обзавестись ребенком и соединились в том самом акте любви, который должен был обеспечить его рождение.

Сонм душ, окружавших Майю, напоминал теперь большое колышущееся янтарное облако. Оно становилось всё ярче, черпая энергию из ослепительного света, сиявшего где-то позади.

Я и сам ощутил, как вибрирует эта энергия где-то внутри меня, на глубоком, почти оргазмическом уровне любви.

Далеко внизу, на Земле, мужчина и женщина слились в объятии, и в момент оргазма из окружавшего нас зелёного света вырвался поток энергии, который, пройдя сквозь Майю и окружавший её сонм душ, проник в трепещущие тела, и обе части этого потока устремились навстречу друг другу, неся сперму и яйцеклетку к точке их предначертанного соединения.

Мы смогли наблюдать момент зачатия и чудесное слияние двух клеток в одну. Сперва медленно, затем, всё быстрее клетки начали делиться, видоизменяться, пока, наконец, их скопление не приобрело очертания человеческого эмбриона.

Взглянув на Майю, я увидел, что с каждым новым делением клеток она как бы тает, всё больше растворяясь в окружающем пространстве. И когда эмбрион превратился в готового к рождению ребёнка, Майя окончательно исчезла из виду. Её сонм душ остался на месте.

Очевидно, из того, чему мы только что оказались свидетелями, можно было бы вынести гораздо больше, но, расслабившись на миг, я не сумел вновь сосредоточиться; и тут сонм душ вдруг пропал — как не бывало.

Остались только мы с Уилом, уставившиеся друг на друга. Уил казался страшно взволнованным.

— Что это мы сейчас видели? — спросил я.

— Весь процесс рождения Майи, её приход в свою нынешнюю жизнь, запечатлённый в памяти её сонма душ. Мы должны были увидеть всё это: её оценку целесообразности своего рождения именно у этой пары, осознание своей будущей миссии, её переход в физическое измерение в момент зачатия.

Я кивком попросил Уила продолжать.

— Акт любви, сам по себе, как бы, открывает окно между послежизненным и земным измерением. Похоже, сонмы душ существуют в состоянии любви — гораздо более интенсивной и высокой, чем та, что можем испытывать мы с тобой, настолько интенсивной, что она ощущается, как оргазм.

Сексуальная кульминация создаёт окно в послежизненное измерение, и то, что мы ощущаем, как оргазм, является мгновенным прорывом на уровень любви и вибраций, свойственный Афтерлайфу; в открытое окно устремляется поток энергии, потенциально несущий с собой новую душу.

Мы, как раз, и видели, как это случилось. Сексуальное слияние — это священный момент,

когда часть Небес нисходит на Землю.

Я кивнул, размышляя об увиденном.

— Майя знала, как будет протекать её жизнь, если её произведут на свет именно эти родители.

— Да. Похоже, до рождения, к каждому из нас приходит видение его будущей жизни, дополненное размышлениями о потенциальных родителях, о том, в какой мере они будут способствовать совершению нами того, что мы собираемся совершить.

— Я видел большую часть этого, — сказал я, — но всё было как-то странно. Судя по тому, что Майя рассказывала мне о своей реальной жизни, её, так сказать, видение рождения оказалось более идеальным, чем то, что происходило на самом деле.

Взять, хотя бы, её отношения с семьёй: они ведь, так и не сложились так, как ей хотелось. Мать никогда не понимала её, была вся занята лишь своими болезнями, а отец был человеком настолько замкнутым, что, лишь после его смерти, Майя узнала, какого рода исследованиями он, собственно, занимался.

— Всё правильно, — возразил Уил. — Похоже, видение — это некая идеальная картина того, исполнения чего в жизни желает наше высшее «я», — того, что было бы, если бы все мы всегда следовали подсказкам своей интуиции.

То же, что происходит на самом деле, лишь приближается к этому идеальному видению: это максимум того, что каждый может совершить при данных обстоятельствах.

Всё это — часть информации о послежизненном измерении, содержащейся в Десятом откровении.

Она должна помочь нам уяснить себе духовный опыт нашего пребывания на Земле, в частности то, что касается восприятия совпадений и механизма одновременности разных событий.

Когда интуиция или увиденный сон подсказывают нам, как следует поступить в той или иной ситуации жизни, и мы следуем этой подсказке, происходят определённые события, которые воспринимаются, как чудесные совпадения.

Это придаёт нам жизненных сил, волнует нас. Нам кажется, что этим событиям суждено свершиться. То, что мы только что видели, переводит всё в совершенно иной масштаб.

Когда мы слышим «оклик внутреннего голоса», воспринимаем мысленный образ возможного будущего, на самом деле, это всплески памяти о видении, явленном нам до рождения, о том, как мы собирались распорядиться своей жизнью в этой конкретной точке своего пути.

Может быть, не всё происходит точно так, потому что люди обладают свободной волей, но когда случается что-то очень сходное с нашим видением, мы испытываем особый подъём, сознавая, что находимся на тропе судьбы, по которой собирались идти.

— А какова роль нашего сонма душ?

— Мы связаны с ними. Они знают нас. Они наблюдают видения нашего рождения, идут за нами по жизни, а потом остаются рядом, пока мы обзираем всё, что с нами произошло. Они служат, как бы, резервуаром нашей памяти, содержащим знание того, кем мы являемся на протяжении эволюции.

Он немного помолчал, глядя мне прямо в глаза.

— И, судя по всему, когда мы находимся в послежизненном измерении, а одна из этих душ, посредством рождения, переходит в физическое измерение, мы играем ту же роль по отношению к ней. Мы становимся частью сонма душ, поддерживающего её.

— Значит, пока мы находимся на Земле, — заметил я, — наши сонмы душ направляют нас с помощью «окликов внутреннего голоса»?

— Вовсе нет. Исходя из того, что мне удалось воспринять от тех сонмов душ, которые мне приходилось видеть, интуиция и сны рождаются в нас самих, а происходят они от высшей связи с Божественным.

Сонмы душ просто посылают нам добавочную энергию и, как бы, поднимают нас каким-то особым образом, но каким — понять мне так и не удалось. Но так они помогают нам вспомнить то, что мы уже знали.

— Но, это ведь, объясняет мой сон и сон Джоэла!

— Да. Видя сны, мы вновь соединяемся со своим сонмом душ, и это пробуждает нашу память о том, как мы на самом деле хотели поступить в какой-то конкретной жизненной ситуации.

Нас как бы посещают видения наших изначальных намерений. Потом, снова возвратившись в физическое измерение, мы сохраняем эту память, хотя иногда там всё выражено лишь символами.

Ты человек, более открытый духовному значению вещей, поэтому, ты до мельчайших подробностей запомнил информацию, содержащуюся в твоём сне.

Ты же сам говорил, что, представив себе моё лицо, увидел, как мы встречаемся друг с другом, и это почти точно повторилось в твоём сне.

В отличие от тебя, Джоэл менее открыт; его сон принял более искажённую, символическую форму.

Его память не столь ясна, и его сознание облекло послание в символику войны, сквозь которую просматривалось только одно: в своём дожизненном видении он собирался остаться и помочь решению проблем этой долины. И было ясно, что, уйди он отсюда, он об этом пожалеет.

— Значит, сонмы душ всегда посылают нам энергию и надеются, что мы вспомним свои дожизненные видения?

— Верно.

— А почему души Майиного сонма выглядели такими довольными?

Уил посерьёзней:

— Они были рады, так как она помнила, почему родилась именно у этой пары и как события её жизни подготовили её к карьере врача. Но... это была лишь первая часть её дожизненного видения. Ей ещё есть что вспомнить.

— Я видел тот эпизод, когда она в этой жизни снова встретила человека, рядом с которым была убита в девятнадцатом веке. Но там были и другие эпизоды, которые мне не удалось понять. А ты много понял?

— Совсем ничего. Там было ещё что-то о нарастающем Страхе. Это подтверждает, что Майя является частью семёрки — той самой, возвращение которой увидел Уильямс.

А она увидела группу, способную вспомнить то более обширное видение, которое стоит за нашими индивидуальными намерениями. Такая память необходима, если мы собираемся покончить со Страхом.

Уил замолчал, и мы долго смотрели друг на друга. Потом я вдруг снова ощутил вибрацию во всём теле. Они там опять запустили свою адскую машину!

В этот момент перед моим мысленным взором встал образ того высокого мужчины в военной форме, с которым общалась Майя в своих видениях. Кто он был?

Я открыл было рот, чтобы сказать об этом Уилу, но в этот момент мой желудок сжала такая боль, что у меня перехватило дыхание.

Одновременно с этим раздался высокий пронзительный — вой? вопль? скрип? Не знаю, как описать этот звук, от которого меня швырнуло назад.

Как и в прошлый раз, я протянул руку к Уилу, но лицо его стало расплываться. Какое-то

мгновение я ещё силился видеть его чётко, потом, потеряв равновесие, полетел куда-то вниз.

Что за чёрт, подумал я, лёжа плашмя на скале и болезненно ощущая спиной её неровности, я снова тут, у реки. Я поднял глаза и некоторое время смотрел в серое, готовое вот-вот пролить дождь небо, слушая журчание бегущей мимо воды.

Потом приподнялся на локте, чтобы оглядеться вокруг, и тут же почувствовал во всём теле тяжесть и усталость, как и в прошлый раз, когда вернулся из иного измерения.

Кое-как поднявшись на ноги, я доковылял до леса; боль слабо пульсировала в лодыжке. Я нашёл свой рюкзак и приготовил себе поесть. Движения мои были замедленны, в голове — ни единой мысли.

Даже пока я ел, в моём мозгу царила удивительная пустота, как после долгой медитации. Потом я начал понемногу наращивать свою энергию, делая глубокие вдохи и задерживая дыхание.

И вдруг, я опять услышал гудение. Я стал прислушиваться, и тут перед моим мысленным взором возникла ещё одна картина: я сам, идущий на восток, в направлении этого загадочного звука, чтобы отыскать его источник.

Сама мысль об этом привела меня в ужас, и меня охватило прежнее желание бежать отсюда со всех ног. Но тут гудение стихло, и я услышал шуршание листьев за спиной. Резко обернувшись, я увидел Майю.

— Вы всегда появляетесь в самый нужный момент? — с удивлением спросил я.

— Появляюсь?! Да вы с ума сошли! Я уже битый час обшариваю тут каждый куст. Где вы были?

— Внизу, у реки.

— Нет, вас там не было: я и там искала. — Она всмотрелась в меня, потом перевела взгляд на мою ногу. — Как ваша лодыжка?

Я выдавил улыбку:

— Отлично. Послушайте, у меня есть к вам разговор.

— И у меня к вам. Происходит что-то весьма странное. Один рейнджер из Службы леса вчера видел, как я вхожу в город, и я рассказала ему о вас.

Похоже, он хотел сохранить это в тайне; он настаивал на том, чтобы сегодня утром послать за вами грузовик.

Я сказала ему примерно, где вы находитесь, и пришлось пообещать, что я поеду вместе с ним. Он вел себя как-то странно, поэтому я решила опередить его. Но он может появиться здесь с минуты на минуту.

— Тогда нам надо идти, — сказал я, начиная торопливо запихивать вещи в рюкзак.

— Погодите минутку! Скажите-ка мне, что происходит? — В её голосе прозвучали панические нотки.

Я поднял голову и посмотрел ей прямо в глаза.

— Кто-то — я не знаю кто — проводит здесь, в долине, какой-то эксперимент или нечто вроде этого. Думаю, моя приятельница Чарлин имеет какое-то отношение к этому либо находится в опасности. Служба леса наверняка втайне дала «добро» на проведение эксперимента.

Майя смотрела на меня широко раскрытыми глазами, пытаясь осмыслить услышанное.

Я подхватил рюкзак и взял её за руку:

— Проводите меня немного. Пожалуйста. Мне нужно сказать вам ещё кое-что.

Она кивнула и вскинула на плечи свой рюкзак. Пока мы шагали на восток вдоль реки, я

рассказал ей все — начиная со встречи с Дэвидом и Уилом и кончая тем, как я наблюдал Обзор жизни Уильямса и слушал журналиста Джоэла.

Дойдя до того, что касалось её собственного Видения рождения, я остановился и, присмотрев валун поудобнее, сел на него. Майя прислонилась к дереву справа от меня.

— Вы тоже участвуете в этом, — сказал я. — Судя по всему, вам уже известно, что ваша миссия в жизни — это внедрение альтернативной техники исцеления, но это ещё не всё. Похоже, вы — одна из членов группы, формирование которой видел Уильямс.

— Откуда вы знаете обо всем этом?

— Мы с Уилом наблюдали ваше Видение рождения. Она покачала головой и закрыла глаза.

— Майя, каждый из нас, приходя в этот мир, несёт с собой видение того, какой может быть его жизнь, как он хочет распорядиться ею. «Оклики внутреннего голоса», сны, совпадения — все они имеют целью не дать нам сойти с верного пути, напомнить о том, какой мы хотели видеть свою жизнь.

— А что ещё хотела сделать я?

— Точно не знаю: этого мне не удалось уловить. Но оно как-то связано с этим коллективным Страхом, который нарастает в человеческом сознании. Эксперимент, проводимый здесь, является одним из результатов этого Страх...

Майя, вы собирались применить то, что узнали о физическом исцелении, чтобы содействовать решению проблем этой долины. Вы должны помнить!

Она отвела глаза.

— О, нет, вы не можете возлагать такую ответственность на меня! Я ничего не помню об этом. Я занимаюсь именно тем, чем должна заниматься, как врач.

Я ненавижу интриги подобного рода! Понимаете? Ненавижу! Наконец-то у меня есть клиника, устроенная именно так, как мне хотелось. Не думаете же вы, что я откажусь от неё ради того, чтобы ввязаться во всё это? Я — не тот человек!

Я смотрел на неё, пытаясь придумать, что бы ещё сказать. И вдруг я снова уловил гудение.

— Вы слышите этот звук, Майя? Это гудение, этот гул? Так вот, это тот самый эксперимент. Он проводится здесь, сейчас. Постарайтесь услышать!

Несколько секунд она прислушивалась, потом покачала головой:

— Я ничего не слышу.

Я схватил её за руку:

— Попытайтесь повысить свою энергию!

Она вырвала руку:

— Я не слышу никакого гула!

Я вздохнул:

— Ладно, простите. Не знаю, может быть, я не прав. Может быть, это должно произойти как-то иначе. Майя помолчала, глядя на меня, потом сказала:

— Я знаю кое-кого в шерифском отделе. Я попытаюсь связаться с этим человеком. Это всё, что я могу сделать.

— Не знаю, поможет ли это, — покачал головой я. — Похоже, не все могут слышать этот звук.

— Так вы хотите, чтобы я поговорила с ним?

— Да, но скажите ему, чтобы он занимался этим делом самостоятельно. Я не уверен, что все работники Службы леса надёжны. — Я подобрал свой рюкзак.

— Надеюсь, вы понимаете, — сказала она. — Я просто не могу ввязываться во всё это. У меня такое чувство, что должно случиться нечто ужасное.

— Но ведь, это как раз из-за того, что произошло, когда вы пытались сделать это раньше, в

девятнадцатом веке, здесь, в этой долине. Вы можете вспомнить что-нибудь об этом?

Она снова закрыла глаза, не желая слушать.

И вдруг я мысленно отчетливо увидел самого себя, одетого в оленьи шкуры: я бегом поднимался на холм, ведя в поводу выючного мула. Я уже видел это прежде. Значит, тот траппер — это был я!

Видение продолжалось. Я добрался до вершины холма и задержался, чтобы бросить взгляд назад. Оттуда мне были видны водопады и ущелье.

Там находились Майя, индеец и молодой служащий Конгресса. Как и тогда, сражение только начиналось. Мне стало не по себе, и я, потянув за повод мула, пошел прочь, не в силах помочь им избежать их судьбы.

Тряхнув головой, я отогнал видение.

— Ладно, забудьте об этом. Я всё понимаю.

Майя подошла ближе:

— У меня тут лишние продукты и вода. Вот, возьмите. Что вы собираетесь делать?

— Пойду на восток... по крайней мере, сколько смогу пройти. Я знаю, что Чарлин направилась туда.

Она с сомнением покосилась на мою ногу:

— Вы уверены, что ваша лодыжка выдержит?

Я взглянул ей в лицо:

— Я так и не поблагодарил вас за заботу. Думаю, нога будет в порядке — она уже почти не болит. Наверное, я так никогда и не узнаю, насколько хуже всё могло бы быть.

— В таких случаях, этого никто не знает.

Кивнув на прощание, я вскинул на спину рюкзак и пошёл на восток. Сделав несколько шагов, я оглянулся на Майю. У неё было виноватое выражение лица, но мгновение спустя, оно выражало чувство облегчения.

Я шёл луда, откуда доносилось гудение, стараясь не терять из виду реку слева и останавливаясь лишь для того, чтобы дать отдых ноге. Около полудня гудение смолкло, и я сделал привал — перекусить и обдумать ситуацию.

Моя лодыжка немного распухла, так что я отдыхал часа полтора и, лишь после этого, отправился дальше, но, пройдя всего милью, так устал, что решил остановиться.

До вечера было ещё далеко, а я уже начал искать место, где бы поставить палатку и заночевать.

Всё это время мой путь пролегал через густой лес, доходивший до самой воды, но впереди уже открылись плавные очертания холмов, заросшие старыми мощными деревьями — лет по триста — четыреста каждому.

А за холмами, примерно, в миле от меня, в юго-восточном направлении, поднимались опоясывающие долину горы.

Почти у самой вершины ближайшего холма приютилась небольшая зелёная полянка, и я решил, что лучшего места для ночлега не найти.

Подходя к поляне, боковым зрением уловил какое-то движение среди деревьев. Я спрятался за выступ скалы и, осторожно высунув голову, поводил глазами вокруг.

Что это могло быть? Олень? Человек? Выждав несколько минут, я решил снова продолжить свой путь. И тут, ярдах в ста к югу от той самой полянки, я увидел крупного мужчину, явно занятого тем же, ради чего направлялся туда я.

Пригибаясь к земле, быстрыми ловкими движениями он поставил маленькую палатку и замаскировал её ветками.

В первый момент мне пришло в голову, что это, возможно, Дэвид, но, приглядевшись, я

понял, что ошибся: он двигался иначе, да к тому же был гораздо выше ростом. Тут я совсем потерял его из виду.

Подождав ещё несколько минут, я решил двигаться дальше в северном направлении, пока не окажусь вне поля его зрения. Я шёл не более пяти минут, как вдруг навстречу мне из-за кустов шагнул тот самый мужчина.

— Кто вы? — спросил он.

Я, решив играть в открытую, назвал свое имя и объяснил, что ищу приятельницу.

— Здесь опасно, — заметил он. — Лучше бы вам вернуться назад. Эта земля — частная собственность.

— А вы почему находитесь тут? Он не отвечал, в упор глядя на меня. И тут я вспомнил, что говорил мне Дэвид.

— Вы Кэртис Уэббер?

Он продолжал сверлить меня глазами, потом внезапно улыбнулся:

— Вы знаете Дэвида Одинокого Орла!

— Я говорил с ним — впрочем, не так уж долго, но он сказал, что вы должны быть здесь, в долине, и просил передать, что тоже придёт и обязательно найдёт вас.

Кэртис кивнул и взглянул туда, где находился его лагерь.

— Уже поздно, а нам не мешало бы затаиться. Пойдёмте к моей палатке. Вы можете переночевать со мной.

Мы немного спустились по склону и нырнули под сень более крупных деревьев. Пока я ставил палатку, он поставил на свою походную плитку воду для кофе и открыл банку рыбных консервов. Я достал хлеб, который дала мне Майя.

— Вы сказали, что разыскиваете кого-то, — напомнил Кэртис. — Кого?

Вкратце я рассказал ему об исчезновении Чарлин, о том, что Дэвид видел, как она направлялась в долину, и о том, что, по моим подсчётам, она должна была двигаться в этом направлении.

Я ни словом не упомянул о том, что произошло в другом измерении, но сказал, что слышал гудение и видел машины.

— Гудение — это от энергогенератора, — ответил Кэртис. — Кто-то проводит тут некий эксперимент. Но я не знаю кто — правительственное ли секретное агентство или частная компания.

Рядовые работники Службы леса, похоже, не знают, что здесь происходит, а вот администрация — не уверен.

— А вы не обращались к средствам массовой информации или к местным властям?

— Пока нет. Беда в том, что не все могут слышать это гудение. — Он окинул взглядом долину. — Знать бы, где они находятся! Частные владения, плюс Национальный лесной заповедник — да тут десятки тысяч акров, и они могут быть где угодно.

По-моему, они хотят провести эксперимент и убратся отсюда прежде, чем кто-нибудь поймёт, что случилось. То есть, конечно, если не произойдёт трагедии.

— Что вы имеете в виду?

— Они могут полностью разрушить это место, превратить его в сумеречную зону, в новый Бермудский треугольник, где все законы физики становятся на дыбы.

Он в упор взглянул на меня:

— Они умеют делать совершенно невероятные вещи. Большинство людей и понятия не имеет о сложности электромагнитных явлений.

Например, согласно самым последним теориям, касающимся супер-струнга, это излучение на своём пути пронизывает девять измерений.

Так вот, эта адская машина обладает потенциалом, достаточным, чтобы разрушить эти измерения. А это может вызвать массовые землетрясения и даже полное физическое уничтожение некоторых частей планеты.

— Откуда вам об этом известно?

Он помрачнел:

— В восьмидесятых годах я отчасти принимал участие в разработке этой технологии. Меня пригласила на работу некая международная корпорация под названием «Дел-тек», и, уже после увольнения, я узнал, что это фиктивное название.

Вы слышали что-нибудь о Николе Тесла? Так вот, мы развили многие его теории и соединили некоторые из его открытий с другими технологиями, предоставленными компанией.

Самое забавное — в том, что эта технология состоит из нескольких, вроде бы, не вяжущихся одна с другой частей, но в общем и целом дело обстоит следующим образом.

Представьте себе, что электромагнитное поле Земли является гигантской батареей, способной давать огромное количество электроэнергии, если только вы сумеете наладить её работу.

Не буду вдаваться в подробности — скажу только, что там используются материалы, обладающие сверхпроводимостью при комнатной температуре, и что для запуска всей системы требуется совсем небольшой генератор — может быть, даже один-единственный фотоэлемент или батарейка.

А потом, черпая энергию прямо из окружающего пространства, система становится вечной. Устройство размером с обычный калорифер способно обеспечить энергией несколько зданий или даже небольшой завод.

Однако, тут имеются две проблемы. Во-первых, скалибровать мини-генераторы должным образом — дело невероятно сложное. Мы использовали для этого самые крупные из ныне существующих компьютеров, но пока толку мало.

Во-вторых, мы обнаружили, что, при попытках увеличить производительность генератора, при тех же его размерах, пространство вокруг него становится нестабильным и начинает искривляться.

Сами того не зная, мы буквально вломились в другое измерение, после чего стали происходить странные вещи. Один раз у нас просто исчез сам генератор — точно также, как в эксперименте «Филадельфия».

— Так вы что — думаете, что у них там действительно исчез корабль и обнаружился в 1943 году?

— Конечно! Существует сколько угодно секретных технологий, и они там не дураки. Знаете, что случилось с нами? Мы и пикнуть не успели, как все оказались уволены, и никакой утечки информации не произошло, потому что каждая команда работала над какой-то отдельной частью технологии.

Честно говоря, тогда я не особенно удивлялся этому. Я был почти уверен, что дело это слишком сложное и что исследования зашли в тупик. Впрочем, я слышал, что кое-кого из старших работников пригласила к себе другая компания.

Кэртис ненадолго задумался, потом продолжал:

— Но мне, всё-таки, хотелось заняться чем-то ещё. Сейчас я консультант, сотрудничаю с небольшими фирмами, занимающимися разработкой различных технологий, — даю им рекомендации относительно повышения эффективности их исследований, использования ресурсов и отходов — в общем, в таком духе.

И чем больше я работаю с ними, тем больше убеждаюсь, что Откровения оказывают влияние на экономику. То, что мы делаем, по меньшей мере, не мудро.

Но я думаю, что мы ещё долго будем иметь дело с традиционными источниками энергии. Я не мог и вообразить, что такого рода эксперименты уже проводятся: не мог, пока не пришёл в эту долину.

Представьте себе мое потрясение, когда я услышал этот звук — то самое характерное гудение, которое слышал каждый день в течение нескольких лет, пока участвовал в работе над проектом.

Кто-то продолжает эти исследования, и, судя по всему, этот «кто-то» ушёл далеко вперёд по сравнению с нами.

Я пытался связаться с двумя людьми, которые могли бы точно установить природу этого звука и, возможно, пошли бы вместе со мной в Агентство по охране окружающей среды или в один из комитетов Конгресса.

Но выяснилось, что один из этих людей умер десять лет назад, а второй — он был моим ближайшим другом, когда я работал в корпорации, — только вчера... от инфаркта.

Его голос дрогнул. Справившись с собой, Кэртис продолжал:

— С тех пор я и брожу здесь — прислушиваюсь и стараюсь представить себе, почему они выбрали именно эту долину. Ведь, такого рода эксперименты обычно проводятся в какой-нибудь лаборатории, а источником энергии служит само окружающее пространство.

Но, в какой-то момент, я понял. Наверное, они считают, что близки к решению проблемы калибровки генераторов, а это означает, что они работают над повышением их производительности.

Думаю, они пытаются подключиться к источникам энергии в этой долине, чтобы стабилизировать процесс. Неожиданно его лицо исказилось от гнева:

— Это просто безумие, да к тому же никому не нужно! Если они справятся с калибровкой, то ничто не помешает применять эту технологию на маленьких установках — собственно, это и есть наилучший вариант.

То, что они делают, — это действительно безумие. Я знаю достаточно, чтобы понимать, до какой степени это опасно. Говорю вам, они могут совсем погубить эту долину — или даже хуже того. Если они прорвутся в другое измерение, никто не знает, что может случиться.

Вдруг он прервал сам себя:

— Вы вообще-то знаете, о чём я говорю? Вы слышали что-нибудь об Откровениях?

Мгновение я колебался, затем решил.

— Кэртис, я должен рассказать вам обо всём, что испытал здесь, в долине. Пожалуй, вы сочтёте это невероятным.

Он кивком попросил меня говорить и терпеливо слушал, пока я описывал встречу с Уилом и посещения иного измерения. Когда я дошёл до Обзора жизни, вдруг кое-что связалось у меня в голове, и я спросил:

— Этот ваш друг, который только что умер, — его фамилия была Уильямс?

— Верно: доктор Уильямс. А откуда вы знаете?

— Мы видели, как он после смерти попал в иное измерение, и наблюдали его Обзор жизни.

Кэртис, казалось, был потрясён:

— Мне трудно поверить в это. Я знаком с Откровениями — по крайней мере, на интеллектуальном уровне, и я верю в возможное существование других измерений, но я — учёный, и мне гораздо труднее воспринимать Девятое откровение буквально.

Сама эта идея общения с людьми после их смерти... Так вы говорите, что доктор Уильямс ещё жив — в том смысле, что его личность не претерпела никаких изменений?

— Да, и он думал о вас.

Он пристально смотрел на меня, пока я продолжал свой рассказ — о том, как Уильямс

понял, что им с Кэртисом предназначено участвовать в решении проблемы Страха... и в прекращении эксперимента.

— А вот тут мне не всё ясно, — прервал меня он. — Что он имел в виду, говоря о нарастающем Страхе!

— Точно не знаю. Это связано с тем, что определённая часть людей на Земле отказывается верить в уже начавшееся духовное возрождение. Они считают, что человеческая цивилизация вырождается, а это создаёт поляризацию страха и веры.

Культура не может продолжать эволюционировать до тех пор, пока не окончится эта поляризация. Я надеялся, что вы, может быть, помните что-нибудь об этом.

Кэртис покачал головой:

— Мне ничего не известно ни о какой поляризации, но я действительно собираюсь остановить этот эксперимент. — Его лицо снова стало гневным, и он отвёл взгляд.

— Уильямс, кажется, понял, как остановить его, — сказал я.

— Но мы-то, думаю, никогда об этом не узнаем.

Пока Кэртис говорил это, я на мгновение снова мысленно увидел его и Уильямса беседующими на поросшем густой травой холме, среди могучих деревьев.

Кэртис, всё ещё мрачный, разложил еду по тарелкам, и мы молча поели. Потом я, прислонившись спиной к небольшому деревцу гикори, расположился было отдохнуть, но тут мой взгляд упал на ту самую зелёную полянку почти на вершине холма, выше нашего лагеря.

Четыре или пять вековых дубов образовывали вокруг неё почти правильный полукруг.

— А почему вы не устроились вон там? — спросил я Кэртиса, указывая на полянку.

— Не знаю. У меня была такая мысль, но, наверное, я решил, что это место чересчур на виду — или, может быть, что оно слишком заряжено энергией. Оно называется Коддерс Ноул. Хотите туда?

Я кивнул и поднялся. Серые сумерки начинали окутывать лес. Восхищаясь красотой окружавших нас деревьев и кустов, Кэртис повел меня к вершине холма. Оттуда, несмотря на неяркое вечернее освещение, можно было обозреть окрестности в северном и восточном направлениях почти на четверть мили. Над вершинами деревьев на востоке вставала почти полная луна.

— Давайте лучше сядем, — заметил Кэртис. — Совсем ни к чему, чтобы нас кто-нибудь заметил.

Мы долго сидели молча, созерцая раскинувшийся перед нами пейзаж и ощущая энергию этого места. Кэртис достал из кармана фонарик и положил его на землю рядом с собой. Я был просто зачарован разноцветьем осенней листвы.

Вдруг Кэртис спросил, глядя куда-то поверх моей головы:

— Вы не чувствуете... вроде бы дым?

Я обвел глазами лес и втянул ноздрями воздух.

— Да нет, кажется, нет. — В том, как он задал свой вопрос, мне почудилась грусть.

— А какой Дым?

— Сигарный.

В свете восходящей луны я не слишком отчётливо видел его лицо, но мог бы поклясться, что он бессознательно улыбается, думая о чём-то. И вдруг я тоже уловил запах дыма.

— Что это? — спросил я, оглядываясь по сторонам.

Кэртис перехватил мой взгляд:

— Доктор Уильямс курил сигары вот с таким же запахом. Я не могу поверить, что он умер.

Пока мы говорили, запах рассеялся, и я перестал думать об этом, любуясь шелковисто поблескивавшей травой и огромными дубами вокруг нас. И тут мне пришло в голову: да это же

то самое место, где Уильямс видел себя и Кэртиса вместе. Да, то самое!

Спустя несколько секунд, за деревьями возникли очертания какой-то фигуры.

— Вы видите что-нибудь... вон там? — тихонько спросил я Кэртиса, указывая в направлении фигуры. Но как только я заговорил, фигура пропала. Кэртис вытянул шею, сощурился:

— Что, что там? Я ничего не вижу.

Я не ответил. Каким-то странным образом я начал интуитивно воспринимать знание — точно так же, как воспринимал его от сонмов душ, только теперь, словно бы издалека, менее чётко.

Это было нечто касающееся эксперимента и подтверждающее подозрения Кэртиса: те, в чьих руках находился генератор, действительно собирались добраться до энергетических вихрей, существующих между измерениями.

— Я вспомнил, — вдруг произнес Кэртис. — Несколько лет назад доктор Уильямс работал над одной установкой... принцип дальней фокусировки, знаете ли.

Держу пари, что теперь они пытаются нацелить его на одно из окон в другое измерение. Только вот откуда им известно, где находятся эти окна?

Немедленно я воспринял ответ. Некто обладающий более высоким знанием направляет их, а они регистрируют пространственные отклонения при помощи компьютера дальней фокусировки. Я не знал, что это означает.

— Есть только один путь, — продолжал Кэртис. — Они должны были найти кого-то, кто направлял бы их, то есть, человека, восприимчивого к изменениям энергетического уровня.

Тогда они смогут составить карту энергетического профиля местности, просканировать её и установить местоположение окон. А этот человек даже и не будет знать, чем они занимаются.

Он покачал головой.

— Они просто походили с ума. Как им только пришло в голову такое?

И снова я воспринял ответ, хотя уразумел не всё, а лишь то, что для этого есть некая причина. Но прежде, мы должны понять Страх и найти способ преодолеть его.

Я взглянул на Кэртиса. Он пребывал в глубокой задумчивости. Наконец, он поднял на меня глаза:

— Господи, хоть бы знать, откуда взялся этот Страх и почему именно сейчас...

— Когда культура переживает переходный период, — попытался объяснить я, — старые истины и представления начинают ломаться, постепенно эволюционируя в новые традиции, и этот процесс порождает у многих беспокойство и тревогу.

В то время как одни люди пробуждаются и открываются навстречу любви, которая поддерживает их и позволяет эволюционировать быстрее, другим кажется, что всё меняется чересчур быстро и что род людской, словно бы, сбился с пути.

Они боятся всё больше, стремятся ко всё большему контролю надо всем, надеясь, что это сделает их неуязвимыми. Эта поляризация Страхом может быть очень опасной, потому что одержимые Страхом способны рационалистически обосновать даже самые крайние меры.

Говоря всё это, я почувствовал: это смыкается с тем, что я раньше слышал от Уила и Уильямса, но, кроме того, у меня возникло отчётливое ощущение, что я сам знал это всю жизнь, однако, до сих пор не отдавал себе отчёта, что знаю.

— Я понимаю, — убеждённо произнёс Кэртис. — Именно поэтому эти люди хотят разрушить долину.

Они объясняют своё намерение тем, что в будущем цивилизация развалится и они не будут в безопасности, если не заберут в свои руки контроль надо всем. Но я не позволю, чтобы такое случилось. Я взорву это всё к чертовой матери.

Я пристально посмотрел на него:

— Что вы имеете в виду?

— То, что сказал. Когда-то я был экспертом по подрывным работам. Я знаю, как это сделать.

Наверное, вид у меня был встревоженный, потому что он добавил:

— Не беспокойтесь. Я придумаю, как сделать, чтобы никто не пострадал. Я вовсе не хочу брать на себя такой грех.

И опять меня осенило знание.

— Любой вид насилия, — сказал я, — только ухудшает всё. Неужели вы не понимаете?

— А что, есть какой-нибудь другой способ?

Боковым зрением я снова различил за деревьями ту неясную фигуру, но она тут же исчезла.

— Я не знаю точно, — ответил я. — Но если мы противопоставим им гнев, ненависть, они будут видеть перед собой врага, а это ещё больше озлобит их, усилит их страх.

Группе, которую видел Уильямс, предстоит сделать нечто другое. Каждый из нас должен вспомнить своё собственное Видение рождения... а потом мы сумеем вспомнить нечто большее: Видение мира.

Откуда-то я знал этот термин, хотя и не мог вспомнить, где слышал его раньше.

— Видение мира... — задумчиво повторил Кэртис. — Думаю, Дэвид Одинокый Орёл что-то говорил об этом.

— Да, — подтвердил я. — Говорил.

— А что такое, по-вашему, Видение мира? Я уже собирался ответить, что не знаю, как вдруг мне в голову пришла мысль:

— Это понимание — нет, память — о том, как мы выполним своё человеческое предназначение. Оно означает иной уровень любви, энергию, способную преодолеть поляризацию, положить конец эксперименту.

— Не понимаю, как это возможно, — возразил Кэртис.

— Это каким-то образом задействует энергетический уровень людей, одержимых Страхом, — ответил я, сам не зная, откуда мне это известно. — Они должны очнуться, пробудиться, стряхнуть с себя свои опасения. И тогда они сами решат остановиться.

Некоторое время мы молчали, потом Кэртис отозвался:

— Может быть. Но как нам подключить эту энергию? На этот вопрос я ответить не мог.

— Знать бы, как далеко они собираются зайти с этим проклятым экспериментом, — вздохнул Кэртис.

— А гудение — отчего оно?

— От несостыковки между малыми генераторами. Это означает, что до идеальной калибровки ещё далеко. Гудение тем резче и нестройнее, чем больше расхождение в фазах. — Он ненадолго задумался, потом добавил: — Интересно, на какой энергетический вихрь они собираются нацелиться.

Внезапно я ощутил повышенную нервозность, но словно бы не свою, а чью-то чужую. Я взглянул на Кэртиса: он выглядел относительно спокойным. А за деревьями вновь смутно вырисовалась та же фигура. В её движениях угадывались волнение или страх.

— Полагаю, — все ещё погруженный в свои мысли, проговорил Кэртис, — что, окажись человек неподалеку от того места, где установлен генератор, он услышит гудение, а потом ощутит, что воздух как бы заряжен статическим электричеством.

Мы посмотрели друг на друга, и в тишине я различил слабый звук — даже не звук, а просто вибрацию.

— Вы слышите это? — восторженно воскликнул Кэртис. И тут я почувствовал, как на руках и затылке у

меня каждый волосок становится дыбом.

— Что это такое?

Какое-то мгновение Кэртис рассматривал собственные руки, потом взглянул на меня полными ужаса глазами.

— Нам нужно поскорее убираться отсюда! — крикнул он, хватая с земли свой фонарик и одним прыжком вскакивая на ноги. Почти волоком он стащил меня с вершины холма.

Внезапно на нас обрушился тот самый, рвущий барабанные перепонки рёв, который я слышал вместе с Уилом, а следом — ударная волна, свалившая нас обоих с ног.

Одновременно с этим земля под нами содрогнулась и раскололась футах в двадцати от нас; в воздух взметнулся целый фонтан пыли, камней, разных обломков.

Позади нас один из могучих вековых дубов покачнулся, наклонился и рухнул со страшным грохотом, вписавшимся в общую какофонию. Несколько секунд спустя, образовалась ещё одна трещина, длиннее и шире, чем первая, совсем рядом с нами.

Земля под нами накренилась; Кэртис, не найдя, за что удержаться, заскользил вниз, к зияющей бездне. Я, ухватившись за кустик, успел поймать его руку.

На какую-то секунду она крепко вцепилась в мою, потом обе руки ослабли, разжались, и мне оставалось лишь беспомощно смотреть, как Кэртис скользит к самому краю трещины.

А она всё ширилась, росла, над ней взлетел ещё один столб пыли и камней, потом земля снова содрогнулась и затихла. Под тяжестью рухнувшего дуба с громким треском сломалась толстая ветвь — и опять воцарилась ночная тишина.

Когда осела туча пыли, я отпустил свой куст и пополз к гигантской трещине. Приблизившись, я увидел Кэртиса, лежавшего ничком на самом её краю, хотя, я мог бы поклясться, что видел, как он сорвался в пропасть. Кэртис перекатился поближе ко мне и вскочил на ноги.

— Бежим! — крикнул он. — Это может снова начаться!

Молча мы ринулись вниз к нашему лагерю. Я хромал, поэтому Кэртис опередил меня. Рывком содрал обе палатки, он, не складывая, прямо так, с болтающимися на концах растяжек кольшками, запихнул их в рюкзаки.

Я затолкал туда же остальное снаряжение, и мы почти бегом двинулись в юго-западном направлении. Спустившись с холма, мы оказались в густом подлеске.

Мы прошли по нему всего около полумили, когда я почувствовал, что вот-вот упаду от изнеможения, да и больная нога начала сдавать. Кэртис огляделся по сторонам.

— Пожалуй, здесь мы будем в безопасности, — заключил он, — но давайте всё-таки заберёмся поглубже. И мы ещё на полсотни футов углубились в лес.

— Останемся тут, — предложил Кэртис. — Давайте ставить палатки.

Через несколько минут обе палатки были установлены и прикрыты ветками для маскировки, а мы, сидя под широким пологом его палатки, могли только молча смотреть друг на друга, потому что едва дышали от усталости и переживаний.

Наконец, я спросил:

— Как вы думаете, что там случилось? Кэртис потянулся к своему рюкзаку за флягой, и в свете луны я заметил, какое изможденное у него лицо.

— Они делают именно то, что мы думали, — ещё тяжело дыша ответил он. — Они пытаются навести генератор на одно из окон. — Он сделал большой глоток из фляги, потом закончил: — Они разрушат эту долину. Этим людей надо остановить.

— А этот дым — ну, помните, сигарный?

— Об этом я не знаю, что и думать, — медленно ответил Кэртис. — Это было так, как будто сам доктор Уильямс находился там. Мне показалось, что я слышу его голос, его

интонации, те слова, что он сказал бы в этих обстоятельствах.

Я посмотрел ему в глаза:

— Я думаю, он действительно был там.

Кэртис передал мне фляжку.

— Как такое могло быть?

— Не знаю. Но думаю, что он явился передать послание — послание, адресованное вам.

Когда мы наблюдали за ним во время Обзора жизни, он мучился тем, что не сумел очнуться, пробудиться, вспомнить, для чего родился на свет.

Он был убеждён, что вам предстоит стать членом упомянутой им группы. Вы можете вспомнить что-нибудь об этом? По-моему, он хотел, чтобы вы знали, что насилием этих людей не остановить. Мы должны сделать это иначе, с помощью Видения мира, о котором говорил Дэвид.

Кэртис напряженно обдумывал мои слова.

— Послушайте, — решился спросить я, — когда земля пришла в движение и открылась эта трещина... Я ясно видел, что вы скатились в неё, но потом оказалось, что вы лежите на самом краю.

Взгляд Кэртиса выразил полную растерянность.

— Даже не знаю, что сказать... Мне не за что было уцепиться, я скользил прямо к краю щели. А когда рухнул в неё, мною вдруг овладело ощущение невыразимого покоя — словно бы упал на мягкую перину.

Меня окружал какой-то белый туман... А потом я вдруг оказался на краю пропасти, и вы были рядом. По-вашему, доктор Уильямс мог проделать такое?

— Вряд ли. Со мной вчера тоже случилось нечто подобное. Меня чуть не раздавило огромными камнями, и я тоже видел что-то белое, неясное. Тут явно происходит что-то ещё.

Кэртис задал ещё какой-то вопрос, но я не ответил — я уже почти засыпал.

— Ладно, давайте укладываться, — сказал он.

* * *

Когда я вылез из палатки, Кэртис был уже на ногах. Утро выдалось ясным, но по земле полз туман. Я сразу почувствовал, что Кэртис зол и расстроен.

— Я всё время думаю о том, что они там вытворяют, — заговорил он. — И ведь, они не собираются отказываться от своих намерений. Сейчас, наверное, они уже сообразили, что устроили там, на холме.

Теперь снова займутся калибровкой, но ненадолго, а потом опять попытаются... Я не могу остановить их, но мы должны выяснить, где они обосновались.

— Кэртис, насилие ещё только ухудшит всё. Разве вы не поняли информацию, полученную от доктора Уильямса? Сейчас нам надо подумать, как использовать Видение.

— Нет! — взволнованно выкрикнул он. — Я уже пытался! Я воззрился на него.

— Когда?

Он явно смутился:

— Не знаю.

— Зато, кажется, я знаю.

Он отмахнулся от меня:

— И слышать не хочу об этом. Это просто безумие. Во всём, что сейчас происходит, виноват я. Не занимайся я разработкой этой технологии, они сейчас, возможно, не делали бы

того, что делают. Я разберусь с этим по-своему.

Он отошёл к своему рюкзаку и начал собирать его. После секундного колебания я последовал его примеру, продолжая размышлять, потом решился:

— Послушайте, Кэртис! Я уже послал за помощью. Та женщина, которую я встретил, Майя, полагает, что сумеет убедить шерифский отдел заняться расследованием. Обещайте, что вы дадите мне немного времени.

Он стоял на коленях перед своим рюкзаком, ощупывая сильно выпирающий боковой карман.

— Не могу. Может быть, мне придётся действовать по обстоятельствам.

— У вас в рюкзаке взрывчатка?

Он встал и подошёл ко мне.

— Я уже сказал вам: никто не пострадает.

— Мне нужно немного времени, — повторил я. — Если мне удастся снова выйти на Уила, думаю, я выясню всё насчет Видения мира.

— Ладно, — согласился он. — Я подожду столько, сколько смогу, но если они снова возьмутся за своё, может случиться так, что мне придётся действовать.

Слушая его, я мысленно увидел лицо Уила на фоне ярко-зелёного сияния.

— А здесь поблизости есть ещё места с высоким энергетическим потенциалом? — спросил я. Кэртис указал на юг.

— Я слышал, что где-то там, на большом хребте, есть один выступ... Но это частное владение, и недавно оно было продано. Кому — не знаю.

— Я поищу. Если не найду — может, сумею связаться с Уилом.

Закончив сборы, Кэртис помог упаковаться мне и рассыпал ветки и листья там, где стояли наши палатки. С северо-запада донесся слабый шум автомобильных моторов.

— Я пойду на восток, — сказал Кэртис.

Я кивнул ему на прощание, потом взвалил на плечи рюкзак и начал карабкаться вверх по каменистому склону. Я шёл на юг.

Преодолев несколько холмов, я, наконец, добрался до подножия большого хребтами начал подниматься на него, всё время вглядываясь в гущу деревьев — не мелькнёт ли где тот самый выступ.

Я поднялся до половины высоты хребта, потом ещё на несколько сот ярдов и остановился, чтобы как следует осмотреться. Никаких следов выступа — ни вокруг меня, ни надо мной, на уже нависавшем сверху гребне. Не зная, куда направиться дальше, я решил посидеть и постараться подзарядиться энергией.

Через несколько минут я пришёл в себя и уже начал прислушиваться к голосам птиц и древесных лягушек, так и звеневших в толстых ветвях надо мной, как вдруг крупный золотой орёл, слетев с гнезда, плавно, взмыл ввысь и направился на восток — прямо вдоль гребня хребта.

Я понял, что это — знак, знамение, и решил последовать за ним, как в своё время за ястребом. Склон становился всё более каменистым.

Заметив родничок, выбивающийся из-под скал, я умылся и наполнил флягу. Наконец, примерно, через полмили, я оказался в молодом ельнике, а выбравшись из него, увидел то, что искал.

Передо мной на добрых пол-акра раскинулись террасы, сложенные из мощных пластов известняка, а на дальнем их конце виднелся выступ шириной футов двадцать, нависавший над долиной всей своей, как минимум, сорокафутовой громадой. На мгновение в нижней его части полыхнула ярко-зелёная вспышка.

Скинув рюкзак и засыпав его листьями, я добрался до выступа и сел на самом краю.

Сосредоточившись, я с лёгкостью вызвал в памяти образ Уила, сделал глубокий вдох и почувствовал, что начинаю двигаться.

История пробуждения

Я открыл глаза. Меня окружал яркий синий свет, и я испытывал уже знакомое ощущение покоя и уюта. Слева от меня находился Уил. На лице у него были написаны огромное облегчение и радость оттого, что я вернулся. Придвинувшись ближе, он шепнул:

— Тебе здесь понравится.

— А где мы? — спросил я.

— Присмотрись и поймёшь.

Я покачал головой:

— Прежде мне нужно поговорить с тобой. Мы обязательно должны установить, где проводится эксперимент, и остановить его. Они уже разрушили вершину одного из холмов, и одному Богу известно, что они сделают в следующий раз.

— А что мы будем делать, если найдём их? — спросил Уил.

— Не знаю.

— Вот и я тоже. Расскажи, что там случилось.

Я прикрыл глаза, чтобы лучше вспомнить, и поведал ему о новой встрече с Майей, особо остановившись на том, как она возражала против моего предположения, что она является членом группы.

Уил слушал молча, только кивая в знак согласия.

Я описал встречу с Кэртисом, общение с Уильямсом и то, как нам удалось остаться в живых.

— Уильямс говорил с вами? — поинтересовался Уил.

— В общем-то нет. Это не было мысленное общение, как у нас с тобой. Похоже, он передавал нам-информацию каким-то другим образом.

Я, словно бы уже раньше знал всё это. Похоже, мы оба произносили вслух то, что он пытался сообщить. Это было очень странно, но я знаю, что он был там.

— В чём заключалось его послание?

— Он подтвердил то, что мы с тобой видели, наблюдая за Майей. Он сказал, что мы не только способны вспомнить свои собственные планы касательно будущей жизни, но и обладаем более широким знанием — относительно человеческого предназначения на Земле и того, как мы можем его выполнить.

Похоже, воспоминание об этом знании активизирует более мощную энергию, которая может покончить со Страхом... и с этим экспериментом. Он назвал это Видением мира.

Уил молчал.

— Что ты об этом думаешь? — спросил я.

— Думаю, что всё это — углубление знания, связанного с Десятым откровением. Пойми, пожалуйста: я вижу, что дело не терпит отлагательств.

Но единственный способ помочь — это продолжать исследовать послежизненное измерение, пока мы не выясним что-либо об этом расширенном Видении, о котором вам пытался рассказать Уильямс. Наверняка существует конкретный приём, позволяющий вспомнить его.

Какое-то движение привлекло мое внимание. В полусотне футов от нас я увидел — на сей раз довольно отчётливо — восемь-десять душ, а за ними — целое множество их, сливавшееся в подобие янтарного облака. При их приближении я испытал знакомое ощущение направленной на меня любви.

— Ты знаешь, что это за души? — спросил Уил, широко улыбаясь.

Я смотрел и — чувствовал родство с ними. Я одновременно и знал, и не знал. И чем дольше я смотрел, тем сильнее становилось это ощущение эмоциональной связи — как никогда и ни с кем прежде. И параллельно с этим росло ощущение узнавания: я уже бывал здесь раньше.

Сонм душ приблизился футов на двадцать, и чем ближе, тем больше они радовались мне, всё больше открывались мне навстречу. И я сам растворялся в этом ещё никогда не испытанном с такой силой чувстве.

— Ты мог себе представить такое? — снова спросил Уил.

Я обернулся к нему:

— Это мой сонм душ, ведь правда?

И вместе с этой мыслью нахлынул поток воспоминаний. Франция тринадцатого века, монастырь, внутренний двор. Меня окружает группа монахов: смех, ощущение тепла и симпатии.

Потом, я один бреду по лесной дороге. Двое худых, оборванных людей просят помочь им: речь идёт о сохранении некоего тайного знания.

Тряхнув головой, чтобы отогнать видение, я взглянул на Уила, охваченный мгновенным страхом: что мне предстоит увидеть? Потом снова постарался сосредоточиться, а мой сонм душ, приблизившись ещё фута на четыре, окружил нас.

— Что это было? — спросил Уил. — Я не совсем понял.

Я описал своё видение.

— Попробуй дальше, — посоветовал Уил.

Тут же я опять увидел отшельников, и откуда-то мне было известно, что они принадлежат к тайному ордену францисканцев-спиритуалов, недавно отлучённому от церкви после отречения Папы Селестина V.

Папы Селестина? Я взглянул на Уила:

— Ты понял? А я и не знал, что был Папа с таким именем.

— Селестин V был Папой в конце тринадцатого века, — подтвердил Уил. — Те развалины в Перу, где было обнаружено Девятое откровение, открыли в шестнадцатом веке и назвали в честь него.

— А кто такие спиритуалы?

— То была группа монахов, веривших, что можно обрести высшее знание, отделив себя от человеческой культуры и вернувшись к созерцательному образу жизни на лоне природы.

Папа Селестин поддерживал эту идею и даже сам некоторое время жил в пещере. Разумеется, он был низложен, а позже, большинство спиритуалов были осуждены, как гностики и отлучены от церкви.

На меня снова нахлынули воспоминания. Двое отшельников обратились ко мне с мольбой о помощи, и мне, хотя и с большой неохотой, пришлось встретиться с ними в глухом лесу. У меня не было выбора: так проникновенно они смотрели на меня, так бесстрашно держались.

Старые документы в большой опасности, сказали эти люди: они могут оказаться потеряны навсегда. Позже я тайком пронёс эти бумаги в аббатство и прочёл их при свете свечи, предварительно заперев все двери.

Документы являлись старыми латинскими копиями Девяти откровений, и я согласился переписать их, пока они ещё целы. Я кропотливо воспроизводил их десятки раз, посвящая этому каждую свободную минуту.

В какой-то момент восторг перед Откровениями охватил меня до такой степени, что я попытался убедить отшельников предать их гласности.

Они решительно отказались, объяснив, что эти документы тайно хранятся уже несколько веков в ожидании того момента, когда внутри церкви зародится верное понимание.

На вопрос о том, что это означает, они ответили: Откровения не могут быть восприняты, пока церковь не уладит то, что они назвали дилеммой гностиков.

Откуда-то я помнил, что гностики — это ранние христиане, считавшие, что последователи единого Бога должны не просто почитать Христа, но и стремиться сами подражать ему в духе Пятикнижия.

Они пытались описывать это подражание в философских трактатах, претендующих на роль практических наставлений.

В конце концов, когда ранняя церковь сформулировала свои каноны, гностиков стали рассматривать, как преднамеренных еретиков, не желающих вложить свою жизнь в руку Божию из одной только веры.

По мнению тех, кто возглавлял тогда церковь, вовсе не следовало пытаться понимать и анализировать: надлежало довольствоваться тем, что живёшь по воле Божией, предаваясь ей каждую минуту, но не силясь уяснить себе Его высший замысел.

Обвиняя иерархов церкви в тирании, гностики утверждали, что их понимание и их методы, как раз, и имеют целью способствовать акту принятия воли Божией, за который так ратует церковь, а не бесконечной болтовне на эту тему — грех, весьма свойственный церковникам.

В конце концов, гностики потерпели поражение, были отстранены от участия в церковных службах, вычеркнуты из церковных книг, а их верования ушли в подполье, в тайные секты и ордена. Однако, дилемма была ясна.

Пока церковь поддерживала идею преображающей духовной связи с Богом, но преследовала любого, кто говорил о специфике поддержания этой связи — то есть, каким образом её поддерживать, как она должна ощущаться и т. д., — до тех пор этому «Царству Божию в душе» суждено было оставаться не более чем интеллектуализированной концепцией внутри церковного учения, и любое упоминание об Откровениях грозило бы гибелью их сторонникам.

Я выслушал доводы отшельников и ничего не возразил, но в душе не согласился с ними. Я был уверен, что орден святого Бенедикта, к которому я принадлежал, заинтересуется этими документами.

Позже, не ставя в известность отшельников, я послал одну из копий своему другу, являвшемуся ближайшим советником кардинала Николаса, возглавлявшего нашу епархию.

Реакция не заставила себя ждать. Пришло сообщение, что кардинал находится за пределами страны, а мне было велено срочно отправиться в Неаполь, чтобы предоставить отчёт о моих находках тем, кто стоит выше его.

Охваченный паникой, я тут же постарался распространить рукописи внутри ордена как можно шире, надеясь обеспечить себе поддержку тех из братьев, кого они заинтересуют.

Чтобы протянуть время, я симулировал серьёзное повреждение лодыжки и регулярно отправлял «наверх» письма с объяснениями причин своей задержки.

За эти несколько месяцев я успел многократно переписать Откровения. Но однажды ночью, в новолуние, ко мне ворвались солдаты.

Они вышибли запертую дверь, сильно избили меня и с завязанными глазами доставили в замок местного дворянина, где я долго томился в ожидании казни. А потом мне отрубили голову.

Шок от воспоминания о собственной смерти был так силён, что меня опять охватил ужас и невыносимо заболела лодыжка.

Сонм душ придвинулся ещё ближе, и мне удалось взять себя в руки, но до полного спокойствия было ещё далеко. Кивком головы Уил дал мне понять, что видел всё.

— Значит, вот тогда и начались мои проблемы с лодыжкой, — полувопросительно, полуутвердительно сказал я.

— Да, — подтвердил Уил.

— А что насчёт всех остальных воспоминаний? Ты понял эту дилемму гностиков?

Уил кивнул.

— Зачем бы церкви создавать такую дилемму?

— Дело вот в чём: ранняя церковь боялась открыто сказать, что Христос смоделировал такой жизненный путь, к которому мог бы стремиться каждый из нас, — хотя об этом ясно говорится в Писании.

Они боялись, что эта позиция даст слишком много власти отдельным людям, вот и создали это противоречие.

С одной стороны, церковники убеждали верующего искать мистическое Царство Божие внутри себя, интуитивно воспринимать волю Господа и исполняться Святого Духа, с другой же стороны — объявляли богохульством любое обсуждение того, каким образом человек может достичь этих состояний.

Зачастую они прибегали даже к убийствам — лишь бы защитить свою власть.

— Значит, я совершил колоссальную глупость, когда попытался распространить Откровения, — заметил я.

— Ну, может быть, это было не столько глупо, сколько недипломатично, — усмехнулся Уил. — Тебя убили за то, что ты пытался внедрить в культуру новое понимание до того, как настало его время.

Перед моим мысленным взором встало другое видение. На сей раз я находился в девятнадцатом веке, на встрече индейских вождей в долине; я держал под уздцы всё того же мула и готовился уйти.

Житель гор, траппер, я дружил и с индейцами, и с поселенцами. Почти все индейцы рвались в бой, но Майе удалось завоевать некоторые сердца своими призывами к миру. Я молчал, слушая и тех и других, потом видел, как уехало большинство вождей.

В какой-то момент Майя подошла ко мне:

— По-моему, вы тоже собрались уйти.

Утвердительно кивнув, я объяснил, что если уж все эти великие индейские врачеватели не понимают, что она делает, то я и подавно не понимаю.

Она взглянула на меня так, как будто я пошутил, затем, повернувшись, направила своё внимание на другого человека. Чарлин! Я вдруг вспомнил, что она находилась там.

Она была индианкой и обладала большой властью, однако, многие вожди-мужчины, завидуя, игнорировали её из-за принадлежности к слабому полу. Похоже, ей было известно нечто важное о роли предков, но они оставались глухи к её словам.

В моём видении мне хотелось остаться, поддержать Майю, высказать свои чувства к Чарлин, но, в конце концов, я ушёл; подсознательная память об ошибке, совершённой в тринадцатом веке, сделала своё дело. Я стремился только уйти, убежать, избежать какой бы то ни было ответственности.

Моя жизнь шла давно заведённым порядком: я ставил свои ловушки, добывал шкуры и не собирался рисковать своей головой, о ком бы ни шла речь. Возможно, в следующий раз мне всё удастся лучше.

В следующий раз? Мгновение — и я увидел себя смотрящим на Землю, на самого себя, теперешнего.

Я созерцал свое Видение рождения и видел, что вполне могу избавиться от своей пассивности и бездеятельности, что могу использовать для этого весь огромный потенциал, заложенный в людях, которые будут окружать меня в детстве: мать научит меня душевной чуткости, отец передаст свою цельность и чувство юмора, один из дедушек — любовь к природе,

дядя и тётка — собранность и целеустремлённость.

В окружении таких сильных личностей моя склонность к отстранённости быстро перерастёт в сознательность.

Сначала я буду уклоняться от их влияний, прятаться, боясь не оправдать возлагаемых на меня надежд, но, со временем, поборю этот страх, пойму, сколько положительного могу воспринять от них, и уверенно встану на свою тропу.

Такое воспитание заставит меня стремиться к той духовности, которая открылась мне в Откровениях несколько столетий назад.

Я буду изучать труды психологов, мудрость Востока, учения мистиков Запада, и, в конце концов, я снова встречу с Откровениями — как раз в тот момент, когда они снова возникнут из тьмы веков, чтобы, наконец, сделаться достоянием людей.

Вся эта подготовка и освобождение от пассивности позволят мне исследовать воздействие Откровений на человеческую культуру и влиться в группу Уильямса.

Тут, отвлекшись от видения, я нашёл взглядом Уила.

— Что-то не так? — спросил он.

— У меня тоже не всё сложилось столь идеально. У меня такое ощущение, что всё воспитание, вся подготовка пропали даром. Я даже не избавился от этой проклятой отстраненности.

Было столько книг, которые я не прочёл, столько людей, у которых было что сказать мне, а я пропустил это мимо ушей. Вот теперь я оглядываюсь назад, и мне кажется, что я упустил буквально всё в жизни.

Уил чуть не расхохотался:

— Ни у кого Видения рождения не исполняются в точности. Ты хоть понимаешь, что с тобой сейчас происходит?

Ты вспомни, какой хотел видеть свою жизнь в идеале — полнокровной, дающей максимум удовлетворения, а теперь смотришь на то, что прожил, и сокрушаешься, как Уильямс, когда он уже после смерти понял, сколько возможностей упустил при жизни.

Подумай-ка, тебе-то не придётся дожидаться, пока ты умрёшь, — тебе дарован Обзор жизни прямо сейчас!

Я всё ещё не понимал.

— Послушай, это должно быть ключевой частью Десятого откровения. Мы не только обнаруживаем, что наша интуиция и сознание жизненного предназначения являются воспоминаниями о Видении рождения.

Более полно понимая Шестое откровение, мы анализируем, где сделали неверный шаг или не использовали открывавшуюся возможность; это помогает нам немедленно вернуться на тропу, привести свою жизнь в большее соответствие с её предназначением.

Другими словами, наша повседневная жизнь становится всё более и более сознательной. В прошлом людям приходилось умирать, чтобы иметь возможность обозреть свою жизнь, а теперь мы можем, пробудиться раньше и, таким образом, сделать смерть излишней, как это предсказано в Девятом откровении.

Наконец, я понял:

— Значит, вот зачем пришли люди на Землю: чтобы постепенно вспоминать и пробуждаться!

— Верно. Наконец-то, мы начинаем осознавать процесс, который был подсознательным на всём протяжении истории человечества.

Вначале люди переживали Видение рождения, а после самого рождения, утрачивали это сознание, оставаясь открытыми лишь к слабым проявлениям интуиции.

На заре человеческой истории дистанция между тем, что мы намеревались совершить в жизни, и тем, что совершали в действительности, была огромна; со временем, она сократилась, а сейчас — мы вплотную подошли к тому, чтобы вспомнить всё.

В этот момент я снова отчётливо ощутил присутствие и поддержку моего сонма душ. Уровень моего знания мгновенно возрос, подтверждая слова Уила.

Теперь, наконец, мы можем смотреть на историю, не как на кровавую борьбу животного под названием «человек», которое эгоистически научилось подчинять себе природу, чтобы выживать и жить с удобствами, выбравшись из дикого леса к благам цивилизации.

Историю следует воспринимать, как процесс духовный, как глубокое, постоянное стремление духа — поколение за поколением, жизнь за жизнью, сквозь толщу тысячелетий — к одной-единственной цели: вспомнить то, что мы уже знали в Афтерлайфе, и донести это до сознания всех на Земле.

Как будто гигантская голограмма возникла передо мной и вокруг меня, и я, словно с огромной высоты, смог охватить одним взглядом всю долгую историю человечества.

И я сам оказался внутри её, переживая момент за моментом, как в фильме, который прокручивают на повышенной скорости.

Сначала я увидел зарождение сознания. Передо мной расстилалась обширная африканская равнина, по которой вольно гуляли ветры.

Какое-то движение привлекло моё внимание: небольшая группа голых людей собирала ягоды. Глядя на них, я, казалось, ощутил сознание того периода.

Тесно связанные с ритмами и сигналами окружающего мира, мы, люди, жили и отвечали на них инстинктивно. Повседневная жизнь сводилась к поиску еды и каким-то отношениям внутри нашей группы.

Власть принадлежала тому, кто был физически сильнее, оказывался более приспособленным к условиям существования, и каждый из нас принимал своё место в сложившейся иерархии точно так же, как мы принимали постоянно имевшие место трагедии и сложности, — не задумываясь.

Перед моими глазами сменялись тысячелетия, поколение за поколением жили и умирали. Потом, мало-помалу, некоторые из людей начали задумываться над тем, что видели и испытывали каждый день.

Когда на их руках умирал ребёнок, они пытались понять, почему это случилось и как избежать этого в будущем. Эти отдельные люди начинали осознавать себя — начинали понимать, что они существуют именно в данном месте, именно в данный момент, что они живут.

Им удалось отойти от привычных автоматических реакций и охватить мысленным взором всю картину существования. Они знали, что в жизни имеют место солнечные и лунные циклы, времена года, а то, что всё живое когда-нибудь умирает, говорило о том, что она имеет конец.

Какова же тогда её цель?

Присматриваясь поближе к тем, кто размышлял, я понял, что могу воспринимать их Видения рождения; они пришли в земное измерение с особой целью — положить начало первому этапу пробуждения человечества.

И, хотя и не во всём объёме, я ощущал глубину их разума, вдохновение, порожденное Видением мира. Ещё до рождения они знали, что человечество готовится отправиться в долгое путешествие, которое могли охватить мысленным взором.

Но они знали также, что каждый шаг на этом пути будет даваться усилиями очередного поколения, — ибо, пробуждаясь для стремления к более высокой цели, мы одновременно утрачивали покой безмыслия.

Вместе со свободой и ликованием от сознания того, что мы живём, пришёл страх и неуверенность: да, мы живём, но для чего?

Я видел, что вся долгая история человечества будет движима вперед двумя этими диаметрально противоположными моментами.

С одной стороны, нам поможет освободиться от наших страхов сила интуиции, мысленные образы, подсказывающие, что жизнь нацелена на исполнение некоего предназначения, на то, чтобы двигать культуру вперёд, в позитивном направлении, — задача, справиться с которой можем только мы, каждый из нас, действующих храбро и мудро.

И сила этих чувств будет напоминать нам, что, сколь ненадёжной ни казалась бы жизнь, мы не одни, что за тайной существования скрывается некая цель и некое значение.

С другой стороны, мы часто будем впадать в другую крайность — будем стремиться защититься от Страх, временами теряя из виду цель, чувствуя себя одинокими и покинутыми.

Этот Страх заставит нас отчаянно защищать самих себя, драться, чтобы обеспечить себе и удержать власть, красть энергию друг у друга и всегда противиться изменениям, эволюции, независимо от того, какую новую, ценную информацию они могут принести.

Пробуждение продолжалось, проходили тысячелетия, и я видел, как люди постепенно объединяются во всё более многочисленные группы, следуя естественному стремлению идентифицировать себя с большим числом себе подобных, образовывать более сложные общественные организации.

Я видел, что это стремление порождено смутным интуитивным ощущением — в полной мере известным лишь, в Афтерлайфе — того, что предназначением людей на Земле является эволюция в сторону объединения.

Подчиняясь этой интуиции, мы поняли, что можем эволюционировать, оставив позади кочевую жизнь собирателей и охотников, чтобы начать выращивать различные растения и регулярно собирать урожай, и что таким же образом можем одомашнить и начать разводить многих и существующих рядом с нами животных, чтобы постоянно обеспечивать себя белками и производными продуктами.

Храня глубоко в подсознании образы Видения мира, мы стали предполагать, что должно произойти нечто, чему суждено явиться одним из наиболее драматических преобразований во всей истории человечества: скачок от кочевой, бродячей жизни к образованию крупных сельских поселений.

С развитием этих сельскохозяйственных сообществ стали возникать излишки продовольствия. Это породило торговлю и позволило человечеству разделиться на первые профессиональные группы: пастухов, строителей и ткачей, а позже — ещё и купцов, кузнецов и солдат.

Вскоре было изобретено письмо, создан счёт. Однако, прихоти природы и проблемы, с которыми сталкивала жизнь, заставляли людей задумываться и задавать себе всё тот же вопрос: для чего мы живём?

Как и прежде, я наблюдал Видение рождения тех из них, кто стремился понимать духовную действительность на более высоком уровне.

Они явились в земное измерение специально для того, чтобы расширить знание человечества о Божественном источнике, но их первые интуитивные ощущения Божественного, смутные и неполные, приняли форму политеизма.

Человечество начало признавать то, что, как мы предполагали, было множеством жестоких и требовательных божеств — богов, существовавших вне нас и управлявших погодой, временами года и созревaniem урожая.

В своей неуверенности мы полагали, что должны ублажать этих богов посредством обрядов

ритуалов и жертвоприношений.

Спустя тысячи лет, множество сельскохозяйственных общин, сливаясь, превратилось в развитые цивилизации Месопотамии, Египта, долины Инда, Крита и Северного Китая, причём, каждый народ придумал свою собственную версию относительно богов, управляющих природой.

Но такие божества не могли долго противостоять Страху. Я видел, как целые поколения душ проникали в земное измерение, неся послание о том, что человечеству суждено прогрессировать, делясь накопленным знанием и сравнивая его со знанием других.

Однако, попав сюда, эти люди оказывались пленниками Страху, а их интуиция вырождалась в подсознательную потребность завоевывать, господствовать и навязывать свой образ жизни другим.

Так началась великая эра империй и тиранов, когда один за другим появлялись великие вожди, которые, объединив силы своего народа, завоёвывали столько земли, сколько было возможно, убеждённые, что их представления о культуре должны быть приняты всеми.

Но, на протяжении всей этой эры многие из тиранов оказывались, в свою очередь, побеждёнными и подавленными иным, более сильным культурным влиянием.

В течение тысячелетий различные империи возникали на вершине человеческого сознания, распространяли свои идеи, на некоторое время опережали других, благодаря большей жизненности, экономическому, плану и военной технологии, но позже их подавляло нечто более сильное, более организованное.

Медленно и трудно, но даже старые, уже отработавшие своё идеи, заменялись новыми.

Я видел, как постепенно, с трудом, с кровью, но всё же, ключевые истины прокладывали себе путь из послезиженного измерения в физическое.

Одна из важнейших истин — новая этика взаимодействия — начала укореняться в различных точках земного шара, но наиболее чёткое своё воплощение обрела в философии древних греков.

В одно мгновение я мог наблюдать Видения рождения сотен людей — сынов греческой культуры, и каждый из них надеялся не утратить память о том, что знал.

Поколение за поколением они видели жестокий, разрушительный эффект бесконечного насилия человечества над самим собой и знали, что люди способны превозмочь эту столь укоренившуюся привычку — подавлять и завоёвывать себе подобных, чтобы перейти к иной, новой системе — системе обмена идеями и сравнения их, системе, защищающей суверенное право каждого на собственную точку зрения, независимо от его физической силы, системе, которую уже знали и которой следовали в Афтерлайфе.

На моих глазах на Земле появился и оформился этот новый способ взаимодействия, в конце концов, получивший имя демократии.

При этом методе обмена идеями, общение между людьми всё ещё нередко вырождалось в опасную борьбу за власть, но, по крайней мере, теперь, впервые в истории, процесс шёл в сторону преследования носителей эволюции скорее на словесном, нежели на физическом, уровне.

Одновременно другая идея, которой предстояло полностью изменить человеческое понимание духовной реальности, став своего рода водоразделом, начала просматриваться в летописях небольшого племени, обитавшего на Ближнем Востоке.

Я смог также наблюдать Видения рождения многих сторонников этой идеи. Эти люди, рождённые в иудейской культуре, знали, что, хотя подсказки нашей интуиции относительно Божественного источника верны, описания этого источника оказывались неверными, искажёнными.

Наши представления о существовании множества богов являлись, всего лишь,

фрагментарной картиной гораздо более грандиозного целого.

На самом деле, поняли они, есть только один Бог — по их понятиям, всё ещё требовательный, грозный и патриархальный и все ещё существующий вне нас, но впервые он представал открытым для каждого, отзывчивым, и он был единственным творцом всех людей.

На моих глазах это интуитивное знание о едином Божественном источнике проникло в различные культуры по всему миру и начало обретать более ясные формы.

В Китае и Индии, которые долгое время являлись лидерами в технологии, торговле и общественном развитии, индуизм и буддизм, наряду с другими восточными религиями, направили Восток в сторону созерцательности.

Те, кто создавал эти религии, интуитивно чувствовали, что Бог — это нечто гораздо большее, чем просто действующее лицо. Бог был силой, сознанием, которое могло быть полностью обретоено лишь путём достижения того, что они называли озарением.

Помимо простого угождения Богу исполнением разного рода законов и обрядов, восточные религии в гораздо большей степени стремились к внутренней связи с ним, к проникновению в знание, к открытию для сознания человека пути к гармонии и надёжности.

Мгновенно мой мысленный взор обратился на Галилейское море, где идея единого Бога, которой суждено было, в конечном счёте, преобразить западные культуры, эволюционировала от представления о божестве вне нас, патриархального и сурового, к идее о Боге внутреннем, о Царстве Божием внутри нас.

Я видел, как один из людей перешёл в земное измерение, помня почти всё о своём Видении рождения.

Он знал, что находится здесь для того, чтобы принести в мир новую энергию, новую культуру, основанную на любви. Послание, которое он нёс, заключалось в следующем: единый Бог — это Святой Дух, это Божественная энергия, чьё существование можно ощущать и экспериментально доказать.

Обретение духовного знания — это гораздо больше, чем выполнение обрядов, принесение жертв или прилюдное моление.

Оно связано с раскаянием более глубокого свойства — раскаянием, в основе которого лежит отказ от своеволия и препоручение себя Богу, которое и открывает доступ к истинным плодам духовной жизни.

По мере того, как это послание начало распространяться, я видел, как одна из наиболее влиятельных империй, Римская, обратилась к новой религии и распространила идею о едином, внутреннем Боге на большей части территории Европы.

Позже, когда под ударами северных варваров империя пала и была расчленена, эта идея сохранилась в последовавшей затем феодальной организации христианского мира.

Тут я снова увидел гностиков, побуждавших церковь уделять больше внимания внутреннему преображению человека и использовавших жизнь Христа, в качестве примера того, что способен достичь каждый из нас.

Я увидел, как Страх овладел церковью, как её лидеры, чувствуя, что теряют контроль, принялись строить своё учение на основе мощной иерархии священнослужителей, провозглашавших себя посредниками, проводниками духа в народные массы.

В конце концов, все тексты, имевшие хоть какое-нибудь отношение к гностицизму, были названы богохульными и исключены из Библии.

Даже при том, что множество людей приходило из иного измерения с целью расширить и демократизировать новую религию, то было время великого Страхa, и усилия, направленные на соприкосновение с другими культурами, снова вырождались в потребность господства и контроля над положением вещей.

Тут я опять увидел Тайные секты францисканцев. Эти люди проповедовали уважение к природе и восстановление внутренней связи с Божественным источником.

Они пришли в земное измерение, интуитивно зная, что дилемма гностиков, в конце концов, будет разрешена, и намеревшись хранить до этого времени старые тексты и рукописи. Увидел я и свою злополучную попытку до срока сделать эту информацию достоянием людей, и свой безвременный уход.

Однако, я отчётливо видел, что на Западе начинается новая эра. Мощи церкви бросила вызов иная социальная единица: национальное государство.

По мере того как всё большее число народов Земли осознавало себя и друг друга, эра великих империй клонилась к закату.

Пришли новые поколения, способные интуитивно понять, что наша судьба — в объединении, и пробудили сознание национального происхождения, основанное на общности языка и более тесно связанное с проживанием на единой суверенной территории.

Этими государствами по-прежнему управляли самодержавные властители, причём, нередко считалось, что они обладают божественным правом на это, но всё же, происходило становление новой цивилизации — с признанными границами, национальными денежными единицами и торговыми путями.

Наконец, в Европе, по которой распространились богатство и грамотность, начался обширный процесс возрождения. Перед моим мысленным взором прошли Видения рождения многих его участников.

Эти люди знали, что человечеству предстоит развивать и укреплять демократию, и пришли в наш мир с надеждой воплотить это в жизнь. Найденные греческие и римские рукописи стимулировали их память.

Были созданы первые демократические парламенты, и раздались голоса, призывающие положить конец божественному праву королей и кровавому правлению церкви, исходя из новых духовных и общественных реалий.

Вскоре произошла протестантская Реформация, выполнившая обещание о том, что каждый сможет обращаться к важнейшим Писаниям и вступать в непосредственную связь с Божественным.

А в это самое время люди, стремившиеся к большим возможностям и свободе, исследовали Американский континент — землю, символически лежащую между культурами Востока и Запада.

Наблюдая Видения рождения европейцев, наиболее вдохновлённых перспективой войти в этот новый мир, я увидел: им было известно, что эта земля более не является необитаемой и что контакты и соседство с её жителями должны осуществляться исключительно по их приглашению.

Глубоко в душе эти люди знали, что коренные американцы дадут основу и укажут путь назад Европе, быстро утрачивающей ощущение священной связи с окружающей природой.

Исконные американские культуры, пусть и несовершенные, предлагали модель, исходя из которой европейское мышление могло вновь обрести свои корни.

И всё же, под влиянием Страхa эти люди смогли ощутить лишь желание переселиться на эту землю, чтобы испытать новую свободу тела и духа; они принесли с собой потребность господствовать и подавлять других ради собственной безопасности.

Важнейшие истины коренных американских культур были потеряны, пав жертвой стремления исследовать обширные природные ресурсы этого региона.

Тем временем, в Европе продолжался Ренессанс, и я в полном объёме увидел воплощение Второго откровения. Власть церкви, позволявшая ей играть во всём определяющую роль,

ослабевала, и европейцы чувствовали, что словно бы пробуждаются, чтобы новыми глазами взглянуть на жизнь.

Благодаря смелости бесчисленных индивидуумов, черпавших вдохновение в своей интуитивной памяти, был принят научный метод, как демократический процесс исследования и понимания мира, в котором обретались люди.

Этот метод — изучение того или иного аспекта естественного мира, формулирование выводов и передача этих представлений другим — воспринимался, как процесс создания консенсуса, через который, в конечном итоге, мы сумеем понять истинное место человечества на нашей планете, включая и нашу духовную природу.

Однако, церковники, одержимые Страхом, стремились растоптать эту новую науку. С обеих сторон встали лицом друг к другу политические силы, и тогда был достигнут компромисс.

Науке предоставлялась свобода изучать внешний, материальный мир, но явления духовного порядка ей надлежало оставить в исключительном ведении всё ещё обладавших достаточным влиянием церковников.

Весь внутренний мир человека — возвышенное состояние восприятия красоты и любви, интуиция, совпадения, межличностные явления, даже сны — всё это поначалу оказалось вне пределов досягаемости новой науки.

Несмотря на эти ограничения, наука всё же, развивалась и описывала функционирование окружающего мира, предоставляя обширную информацию для развития торговли и использования природных ресурсов.

Экономическое благосостояние росло, и постепенно мы начали утрачивать ощущение тайны, забывая столь волновавшие нас вопросы относительно цели нашего существования.

Мы сочли вполне приемлемой целью простое выживание, построение более благоустроенного, более безопасного мира для себя и своих детей.

Мало-помалу мы впали в своеобразный транс, отрицавший реальность смерти и создававший иллюзию, что мир вполне обыкновенен, объясним и лишён тайн.

Невзирая на всю риторику, наша некогда мощная интуиция заталкивалась в самый дальний угол.

В условиях укрепления позиций материализма, Бог мог восприниматься лишь, как некое отдалённое божество, которое просто подтолкнуло Вселенную к бытию, а затем отступило в тень, предоставив ей возможность механически функционировать, как машине, чьи действия можно предсказать: каждое явление имело свою причину, а не связанные между собой события происходили лишь изредка, случайно.

И снова мне было дано созерцать Видения рождения, на сей раз — людей этого периода. Они пришли сюда, зная, что важно развивать технологию и производство, потому что, в конечном счёте, их можно сделать безвредными и самообеспечивающимися, а это даст человечеству немыслимую прежде свободу.

Но поначалу, будучи детьми своего времени, всё, что они помнили, было их общее интуитивное стремление строить, производить, работать, во всём следуя демократическому идеалу.

Видение сместилось, и я увидел, что нигде это стремление не проявилось так сильно, как в создании Соединённых Штатов с их демократической Конституцией.

Америка явилась великим экспериментом быстрого обмена идеями, которому надлежало стать характерной чертой будущего.

Однако, под ноги этому эксперименту были положены коренные американцы, выходцы из Африки, другие народы, и то, что они принесли с собой, бурлило под его поверхностью, стремясь заявить о себе, слиться с европейским мышлением.

К девятнадцатому веку мы оказались на пороге второго великого преобразования человеческой культуры, которое должно было иметь своей основой использование новых энергетических ресурсов — нефти, пара и, наконец, электричества.

Экономика расширилась, усложнилась, одна за другой появлялись новые технологии; ещё никогда раньше не выпускалось столько продукции.

Огромное число людей перемещалось из сельских общин в крупные города — центры производства, покидая деревенскую жизнь ради участия в новой, особой, промышленной революции.

В то время большинство верило, что капитализм, построенный на демократической основе и не скованный правительственным регулированием, является идеальной формой хозяйствования.

Однако, наблюдая Видения рождения людей этого периода, я увидел, что большая часть их пришла в мир, надеясь сделать капитализм более совершенным.

К сожалению, уровень Страха был таков, что им удавалось интуитивно ощутить лишь стремление обеспечить собственную безопасность, эксплуатировать других работников, добиваться максимальных прибылей при любых обстоятельствах, ради чего они нередко шли на сговор с конкурентами и правительствами.

То была великая эра королей грабежа, тайных банковских и индустриальных картелей.

Однако, в начале двадцатого века злоупотребления этого свободно развивавшегося капитализма привели к возникновению двух других альтернативных экономических систем.

Ранее в Англии два человека составили «Манифест», призывавший к созданию новой системы, управляемой рабочими, которая, в конечном итоге, должна была привести к возникновению экономической утопии, при которой ресурсы всего человечества стали бы доступными любому человеку, согласно его потребностям, без всякой алчности или соперничества.

При тогдашних ужасных условиях труда, эта идея привлекла к себе большое число сторонников. Но я скоро увидел, что «Манифест» этих материалистически настроенных рабочих извращал первоначальное стремление.

Наблюдая Видения рождения тех двоих людей, я понял: они интуитивно знали, что человечеству суждено достичь такой утопии. Однако, к несчастью, они забыли, что она могла быть создана лишь при демократическом участии, родиться только из свободной воли — и не вдруг, а постепенно.

Как следствие, инициаторы этой коммунистической системы, начиная с первой революции в России, ошибочно полагали, что такая система может быть создана Посредством силы и диктатуры.

Этот подход потерпел полный крах и стоил миллионы жизней. Эти люди руководствовались в своих деяниях образом грядущей утопии, но плодом, их нетерпения стали коммунизм и несколько трагических десятилетий.

Потом передо мной предстала другая альтернатива демократическому капитализму: фашизм. Целью этой системы было увеличение прибылей и власти правящей элиты, члены которой мнили себя привилегированными вождями человеческого общества.

Они полагали, что только путём отказа от демократии и союза между правительствами и новыми промышленными лидерами, нация может достичь своего наибольшего потенциала и высочайшего положения в мире.

Я ясно увидел, что участники создания этой системы почти ничего не помнили из своих Видений рождения.

Они пришли в мир с одним желанием: продвигать идею о том, что цивилизация

эволюционирует в сторону способности к совершенствованию и что нация, сплочённая единством цели и воли, устремлённая к достижению своего наивысшего потенциала, способна достичь любых высот.

А созданная ими система была насквозь пропитана Страхом, служила только самой себе и, провозглашая превосходство одних рас и народов над другими, трубила о возможности развития супернции, которой предназначено править миром.

И снова интуитивное знание того, что все люди эволюционируют в сторону совершенства, было извращено слабыми, одержимыми Страхом индивидуумами, а горьким плодом этого явился кровавый Третий рейх.

Я наблюдал, как другие, также знавшие о способности человечества к совершенствованию, но лучше понимавшие важность облечённой полномочиями демократии, интуитивно ощущали, что должны восстать против обеих альтернативных систем во благо свободно развивающейся экономики.

Первый такой протест вылился в кровавую мировую войну против фашизма, выигранную ценой невероятных потерь, второй — в долгую, горькую «холодную войну» против коммунистического блока.

Я увидел Соединённые Штаты на раннем этапе «холодной войны» в пятидесятые годы. В то время Америка достигла той вершины, которая являлась предметом мечтаний четырех веков материализма.

Благосостояние и безопасность породили многочисленный и всё растущий средний класс, и, в обстановке этого материального благоденствия, народилось огромное новое поколение, чья интуиция должна была помочь человечеству вплотную подойти к третьему великому преобразованию.

Это поколение росло среди постоянных напоминаний о том, что оно живёт в величайшей стране мира, в стране свободных людей, где свобода и правосудие существуют для всех граждан.

Однако, повзрослев, люди этого поколения обнаружили разительное несходство между этим популярным «автопортретом» Америки и действительностью.

Они увидели, что многие люди в этой стране — женщины и представители некоторых расовых меньшинств — определённо не являются свободными, причём, в полном соответствии с законами и традициями.

К шестидесятым годам, новое поколение начало присматриваться ещё более пристально, и многие открывали для себя другие тревожные стороны американского «автопортрета» — например, слепой патриотизм, предполагающий, что молодежь ринется в чужую страну, чтобы вести там войну, не имеющую ни ясно выраженной цели, ни перспектив победы.

Не менее смущала и духовная практика этой культуры. Материализм четырёх предыдущих столетий загнал в самый дальний угол тайну жизни и смерти.

Многие обнаруживали в церквах и синагогах огромное количество помпезных и бессмысленных ритуалов.

Посещение храмов выглядело делом скорее социального, нежели духовного, порядка, а членов общин чересчур уж заботило, как посмотрят на них и что подумают те, кто занимает более высокое положение.

Далее я увидел, что склонность нового поколения к анализу и суждению была порождена загнанной вглубь интуицией, подсказывавшей: в жизни есть нечто большее, и гораздо большее, чем то, что принимает в расчёт старая материальная действительность.

Новое поколение ощущало существование чего-то иного, нового там, за горизонтом, поэтому, начало изучать другие, менее известные религии и духовные воззрения.

Впервые восточные религии были поняты многими и подкрепили то, что говорила людям

интуиция: духовное восприятие — явление внутреннее, а прикосновение к знанию навсегда изменяет человека, его ощущение себя, его цели.

Как писания иудейских каббалистов, так и труды христианских мистиков Запада, таких, как Майстер Эккехарт и Тейяр де Шарден, предлагали умам другие захватывающие описания более высокой духовности.

В то же время, информация, поступающая от других естественных наук — социологии, психиатрии, психологии, антропологии, а также от современной физики, — проливали новый свет на природу человеческого сознания и творчества.

Эта концентрация мысли, вместе с перспективой, предложенной Востоком, постепенно стала вырастать в то, что позже было названо Движением человеческого потенциала: всё больше индивидуумов считали, что в настоящее время люди реализуют лишь незначительную часть своего обширного физического, психологического и духовного потенциала.

Я видел, как на протяжении нескольких десятилетий эта информация и порождаемый ею духовный опыт ширились, копились и, наконец, достигли критической массы.

Результатом этого стал подлинный скачок в сознании, позволивший нам начать формулировать новое представление о том, для чего живёт человек, включив в него и воспоминание о Девяти откровениях.

В то же самое время, когда складывалось это новое представление, вырастая из глубин человеческого мира, передаваясь от одного индивидуального сознания другому, многие другие представители нового поколения начали отступать, внезапно встревоженные нарастающей в культуре нестабильностью, предвещавшей, казалось, появление новой парадигмы.

В течение долгих столетий установки старого мировоззрения поддерживали чётко определённый, даже жёсткий порядок человеческой жизни.

Все роли были точно расписаны, и каждый знал своё место: например, мужчины — на работе, женщины и дети — дома, семья — нерушимое ядро, этика труда одна и та же повсюду.

От каждого гражданина ожидалось, что он найдёт себе место в экономике, оценит важность наличия семьи и детей и будет знать, что цель его жизни состоит в том, чтобы хорошо жить самому и создавать ещё более материально обеспеченный мир для следующего поколения.

Потом наступили шестидесятые годы с их волной вопросов анализа, критики, и непоколебимые дотоле устои начали рушиться. Поведение людей более не подчинялось жёстким рамкам принятых правил.

Казалось, каждый обрёл силу и свободу самому выбирать, какой будет его жизнь, каким путём идти к туманной идее потенциала.

В подобной обстановке мнение других перестало играть определяющую роль в том, как живёт и поступает человек; наше поведение, всё в большей степени определялось тем, что думали и ощущали мы сами, нашей собственной внутренней этикой.

Для тех, кто искренне принял эту более жизненную, духовную точку зрения, характеризующуюся честностью и любовью к другим, этичное поведение не составляло проблемы.

Беспокойство вызывали те, кто, утратив внешние направляющие жизни, ещё не выработал крепкого внутреннего кодекса. Они оказались в некоем культурном беспределе, где теперь вроде бы всё было дозволено, — преступления, наркотики, выплески любых, даже самых низких, импульсов.

От трудовой этики просто не осталось камня на камне.

А что ещё хуже — многие, судя по всему, использовали новые открытия Движения человеческого потенциала для того, чтобы внушать: преступники и девианты, на самом деле, не несут никакой ответственности за свои деяния, а просто являются жертвами подавляющей

людей культуры, допустившей существование ужасных социальных условий, каковые и сформировали подобное поведение.

Продолжая наблюдать, я понял: перед моим мысленным взором по всей планете быстро происходила поляризация точек зрения.

Те, кто дотолле пребывал в нерешительности, теперь выступали против культурной точки зрения, считая, что она ведёт к безудержному хаосу, неуверенности, возможно, даже к полному распаду их привычного образа жизни.

В Соединенных Штатах особенно большое число людей приходило к убеждению, что грядёт смертельная схватка с дозволенностью и либерализмом последней четверти века — культурная война, как они называли её, — ставкой в которой — само выживание западной цивилизации.

Многие из них уже считали борьбу почти проигранной, и это заставляло их оправдывать крайние меры.

В такой обстановке, даже сторонники Человеческого потенциала поддавались влиянию страха и занимали оборонительную позицию, чувствуя, что многие, ценой огромных усилий завоеванные победы в области личных прав и общественного сострадания, находятся в опасности, могут быть сметены поднявшейся волной консерватизма.

Многие видели в этой реакции на освобождение атаку сплотившихся сил реакции и эксплуатации, предпринявших последнюю попытку подчинить себе более слабых членов общества.

И тут я ясно увидел, что ещё более усиливало поляризацию: в глазах каждой стороны, другая являлась воплощением зла.

Сторонники старого мировоззрения считали сторонников Человеческого потенциала не наивными простаками или жертвами дезинформации, а частью масштабного заговора крупнейших социалистических правительств, ярыми приверженцами коммунистического решения, стремящимися, как раз, к тому, что и так имело место: к развалу культурной жизни до такой степени, когда на сцену сможет выступить всемогущее правительство, которое и приведёт всё в норму.

По их представлениям, этот заговор использовал страх перед растущей преступностью, как предлог для регистрации оружия и систематического разоружения населения, для передачи управления во всё большей степени в руки централизованной бюрократии, которая, в конце концов, будет отслеживать движение наличных денег и кредитных карточек через Интернет, оправдывая свой растущий контроль над электронной экономикой необходимостью принятия мер для предотвращения преступности и саботажа либо, для сбора налогов.

И затем, в какой-то момент — возможно, под предлогом надвигающейся природной катастрофы — большой брат выступит на сцену, чтобы конфисковать богатство и объявить военное положение.

Защитники же освобождения и перемен считали наиболее вероятным, как раз, противоположный сценарий.

Перед лицом наступления консерваторов, всё, над чем они так долго трудились, казалось, рушилось на их глазах.

Они также видели рост преступности, вырождение семейных структур, но для них причиной тому являлось не чрезмерное вмешательство правительства, а, как раз, то, что это вмешательство недостаточно и происходит слишком поздно.

О какой бы стране ни шла речь, капитализм не оправдывал надежд целого класса людей, потому что бедные не имели возможности участвовать в системе. Они не могли получить эффективного образования, иметь гарантированной работы.

А правительство, вместо того, чтобы прийти на помощь, казалось, вовсе отворачивалось от

них, сворачивая программы борьбы с бедностью и сводя к нулю все прочие, дорогой ценой оплаченные завоевания последних двадцати пяти лет.

Я отчётливо видел, что реформаторы, всё больше разочаровываясь, начинали верить в худшее: что человеческое общество качнулось вправо исключительно в результате того, что в мире всем распоряжаются денежные, корпоративные интересы.

В угоду этим интересам покупаются правительства и средства массовой информации, а в итоге, как это произошло в нацистской Германии, эти интересы медленно, но верно разделят мир на имущих и неимущих, а крупнейшие корпорации вытеснят из бизнеса мелких предпринимателей, забирая в свои руки всё большую часть богатства.

Разумеется, не обойдётся без бунтов и восстаний, но они лишь сыграют на руку правящей элите, позволив ей усилить полицейский контроль.

Мой уровень понимания внезапно повысился, и я, наконец, полностью уяснил себе поляризацию Страха: огромное число людей колеблется между одной и другой перспективой, а обе стороны, тем временем, призывают к войне, к защите добра перед лицом зла, причём, каждая представляет себе другую именно империей зла.

И я понял причину роста влияния людей, заявляющих, что способны объяснить это всё усиливающееся зло. Это были те самые аналитики конца времён, о которых говорил Джоэл.

В нарастающей смуте и суматохе переходного периода воздействие этих людей на умы становилось всё сильнее.

По их мнению, библейские пророчества следовало понимать буквально, а то, что происходит в наши дни, — это приближение столь долго ожидавшегося Апокалипсиса, и скоро начнётся священная война, в которой все люди окажутся сторонниками либо сил тьмы, либо воинства света.

Они представляли себе эту войну, как физическое столкновение, беспощадное и кровопролитное, и для тех, кто знал, что оно грядёт, было важно только одно: оказаться на нужной стороне, когда начнётся битва.

Одновременно я смог увидеть Видения рождения тех, кто стоял и на одном, и на другом полюсе. Было ясно, что все они пришли в этот мир безо всякого намерения создавать столь острую поляризацию.

Мы хотели плавного перехода от старого, материалистического мировоззрения к новому, духовному, и такого преобразования, при котором старые традиции вошли бы составной частью в нарождающийся новый мир.

Я видел, что эта нарастающая воинственность является абберрацией, порождённой не изначальным намерением, а Страхом.

В наших дожизненных видениях этика человеческого общества строилась на том, что каждый человек будет абсолютно свободен, окружающая среда защищена, экономический потенциал сохранен и преобразован, вследствие подчинения его духовной цели.

А далее, эта духовная цель, будучи полностью достигнута, положит начало утопии таким образом, который явится символическим исполнением предсказаний Писания о конце времён.

Мое знание ещё более расширилось, и, как тогда, когда я наблюдал Видение рождения Майи, я почти соприкоснулся с более высоким духовным пониманием: ещё немного — и я бы целиком охватил мысленным взором картину того, куда пойдёт отсюда человеческая история, как нам удастся примирить противоположные точки зрения и выполнить наше человеческое предназначение.

Но, как и в прошлый раз, у меня закружилась голова, сосредоточение ослабло, и я не сумел достигнуть необходимого уровня энергии.

Видение начало рассеиваться, и я напрягся, чтобы в последний раз увидеть происходящее

на Земле.

Без сдерживающего влияния Видения мира, поляризация Страха всё усиливалась. Я видел, что обе стороны всё более оцетиниваются, накал отрицательных эмоций становится всё сильнее, и каждый думает, что противник не просто не прав, а омерзителен, кошмарен и находится в союзе с самим дьяволом.

Голова моя продолжала кружиться; я ощутил быстрое движение, потом, обернувшись, увидел рядом с собой Уила. Он взглянул на меня, потом перевел глаза на то, что нас окружало, — нечто серое, тёмное.

Лицо Уила выражало тревогу. Мы оказались в каком-то другом месте.

— Ты наблюдал мое Видение истории? — спросил я. Он снова посмотрел на меня и кивнул:

— То, что мы видели, — это новое духовное истолкование истории, немного специфическое, с учётом твоих культурных воззрений, но удивительно откровенное.

Мне ещё не приходилось видеть ничего подобного. Наверное, это часть Десятого откровения — ясная картина человеческого поиска, как те, что можно видеть в Афтерлайфе.

Мы начинаем понимать, что каждый рождается с положительными стремлениями, что пытается принести в физическое измерение как можно больше знания из Афтерлайфа. Каждый!

Вся история — это долгий процесс пробуждения. Конечно, входя, при рождении, в физический мир, мы всё забываем; нам приходится осваивать социальные и культурные реалии того времени и места, в котором мы оказались.

И все наши воспоминания сводятся к «окликам внутреннего голоса», к интуиции, подсказывающей, что следует поступить так-то и так-то.

Но нам постоянно приходится бороться со Страхом. Часто он так велик, что нам не удаётся следовать своим стремлениям или приходится временно сходить с тропы. Но все, все, каждый из нас, приходят в этот мир с установкой на добро.

— Значит, по-твоему, какой-нибудь убийца, погубивший не одну жизнь, тоже явился сюда с добрыми намерениями?

— Изначально — да. Любое убийство — это гнев, разрядка, один из способов преодолеть внутренний страх и ощущение беспомощности.

— Ну, не знаю, — покачал головой я. — Разве некоторые индивидуумы не являются плохими по природе?

— Нет. Они просто сходят с ума от страха и совершают ужасные ошибки. И, в конечном счёте, несут за них полную ответственность. Но следует понять: те или иные ужасные деяния частично порождены нашей склонностью считать, что некоторые люди злы от природы.

Это ошибочное представление как раз и подливает масла в огонь поляризации. Обе стороны в равной степени не верят, что люди могут поступать так, как поступают, не будучи изначально плохими; так растёт вражда, взаимное отчуждение, а это усиливает страх и пробуждает в каждом худшие стороны его натуры.

Он отвёл взгляд, задумался.

— Каждая из сторон полагает, что другая замешана в величайшем заговоре, — добавил он через некоторое время, — что является воплощением всего отрицательного, что есть на свете.

Я, следуя его примеру, тоже огляделся по сторонам, и, меня охватило какое-то тёмное, зловещее предчувствие.

— Думаю, — продолжал Уил, — мы не сможем открыть путь для Видения мира или решить проблему поляризации, пока не поймём истинную природу зла и того, что представляет собой Ад.

— Почему ты заговорил об этом? — спросил я. Он ещё раз взглянул на меня, потом снова

воззрился в окружавший нас серый полумрак.

— Потому, — медленно ответил он, — что Ад — это, как раз, здесь.

При взгляде на окружавшую нас тёмно-серую среду по всему моему телу пробежал озноб. Давешнее зловещее предчувствие начало перерастать во всё более отчётливое чувство отчуждения и отчаяния.

— Ты уже бывал здесь? — спросил я Уила.

— Только на самом краю, — ответил он, — а здесь, внутри, — никогда. Ты чувствуешь, как тут холодно?

Я кивнул и в это время заметил какое-то движение.

— Что это?

Уил покачал головой:

— Точно не знаю.

Навстречу нам двигалась клубящаяся масса энергии.

— Наверное, ещё один сонм душ, — предположил я, продолжая наблюдать.

Когда они приблизились, я попытался сосредоточиться на мыслях, испытывая не столько чувство отчуждения, сколько гнев. Я постарался подавить его, открыться навстречу им.

— Погоди, — услышал я голос Уила, — Ты недостаточно силён.

Но было уже поздно. Меня внезапно втянуло в крошечную тьму; промчавшись сквозь неё, я оказался в каком-то большом городе.

Я в ужасе озирался по сторонам, силясь собраться с мыслями, и мало-помалу, понял, что, судя по архитектуре, нахожусь в девятнадцатом веке. Я стоял на углу улицы, вокруг туда-сюда сновали люди, а вдалеке поднимался купол здания, напоминавшего Капитолий.

Вначале я подумал, что действительно попал в девятнадцатый век, но потом заметил, что кое-что не так — небо горизонта было странного серого цвета, а прямо над головой — оливково-зелёным, как над тем офисом, что мысленно построил Уильямс, стараясь доказать, что не умер.

Потом я заметил, что с противоположного угла за мной наблюдают четверо мужчин. По моему телу пробежала ледяная дрожь. Все они были хорошо одеты; один высоко вскинул голову и несколько раз пыхнул длинной сигарой.

Другой извлек из жилетного кармана часы, посмотрел на них и снова спрятал. Вид у них был нагловатый и угрожающий.

— Любой, кто вызвал их ярость, — мой друг, — услышал я низкий голос за спиной и обернулся.

Ко мне подходил высокий, довольно полный человек, также хорошо одетый, в широкополой шляпе. Его лицо показалось мне знакомым: я явно видел его раньше. Но где?

— Не обращайтесь на них внимания, — добавил он. — Их не так уж трудно перехитрить.

Я оглядел его высокую сутуловатую фигуру, лицо с крупными чертами, избегающие прямого взгляда глаза и — вспомнил.

Он был тем самым генералом федеральных войск, который во время войны с индейцами в девятнадцатом веке отказался выслушать Майю и отдал приказ о начале сражения.

«Этот город — мысленная конструкция», — подумал я. Наверное, он воссоздал ситуацию своей последующей жизни, чтобы избежать необходимости понять, что умер.

— Это всё ненастоящее, — пробормотал я. — Вы... вы... гм... умерли.

Он пропустил это мимо ушей:

— Так чем вы так насолили этим шакалам?

— Да, вроде бы, ничем.

— Насолили, насолили. Я же вижу, как они смотрят на вас. Они, знаете ли, полагают, что весь город у них в руках. Да и не только город — весь мир. — Он покачал головой.

— Эти люди никогда не доверяются судьбе. Они думают, что сами могут устроить такое будущее, в котором всё будет, как планируют они: экономическое развитие, правительства, приток денег, даже относительные курсы мировых валют.

Хотя, на самом деле идея, конечно, совсем не плоха. Господу известно, что в мире сколько угодно тупиц и идиотов, которым только дай волю — и они развалят все.

Людей надо держать в руках, и как можно крепче, а если, при этом, удаётся ещё и заработать кое-что — чем это плохо?

Однако, эти недоноски пытались покомандовать мной. Но, конечно, такой орешек, как я, им не по зубам. Я всегда был слишком умён для них. Так, чем вы им насолили?

— Послушайте, — прервал его я, — постарайтесь понять. Всё это нереально.

— Что ж, — продолжал он, снова как будто не слыша, — похоже, вы мне доверяете. Если они настроены против вас, имейте в виду: я ваш единственный друг.

Я отвёл глаза, но мог бы поклясться, что в его взгляде сквозила подозрительность.

— Только не рассчитывайте на их порядочность, — снова заговорил он. — Они никогда не простят вас. Вот, например, что произошло со мной. Им всем хотелось использовать мой военный опыт, чтобы разделаться с индейцами и заграбастать их землю.

Только я-то не промах: я знал, что им нельзя доверять, что я должен блюсти собственные интересы сам. — Он покосился на меня. — Но гораздо труднее использовать человека, а потом вышвырнуть его на помойку, если он — герой войны, ведь верно?

После войны я занялся общественной деятельностью — тут им и вовсе пришлось считаться со мной. Но имейте в виду: этих типов нельзя недооценивать. Они способны на всё!

Он отступил от меня на шаг, оглядел с головы до ног.

— Впрочем, вы вполне можете быть их шпионом. Не зная, что делать в такой ситуации, я пошёл было прочь.

— Ах ты, подонок! — выкрикнул он. — Я был прав!

Я увидел, как он сунул руку в карман и вытащил короткий нож. На мгновение я окаменел, потом заставил себя сдвинуться с места и бросился бежать. Он тяжело топал за моей спиной. Я заметил справа приоткрытую дверь, ринулся туда и запер её за собой на засов.

В следующую секунду мои ноздри ощутили тяжелый запах опиума. Вокруг меня сидели и лежали десятки людей с бессмысленными, отсутствующими лицами. Они настоящие, подумал я, или это тоже часть иллюзии?

Моё внезапное появление привлекло их внимание лишь на миг: большинство тут же вернулось к своим трубкам и кальянам. Я начал пробираться среди грязных матрацев и лежанок к другой двери.

— А я знаю тебя, — вдруг невнятно пробормотал женский голос. Она сидела у самой двери, привалившись к стене; голова её свесилась на грудь, словно была чересчур тяжела для шеи, — Мы учились в одной школе.

Какую-то секунду я недоуменно смотрел на нее, потом вспомнил девочку, учившуюся со мной в старших классах: она неоднократно впадала в депрессию, употребляла наркотики. Отказываясь лечиться, в конце концов, однажды она приняла слишком большую дозу и умерла.

— Шарон... это ты?

Она с трудом выдавила улыбку, а я, тем временем, оглянулся на дверь, опасаясь, что вояка, вооружённый ножом, может ворваться сюда.

— Всё нормально, — заплетающимся языком проговорила Шарон. — Ты можешь остаться тут, с нами. Здесь тебя никто не тронет.

Я подошел к ней и произнес как можно мягче:

— Я не хочу оставаться. Всё это — иллюзия. Услышав это, трое-четверо людей вокруг повернулись и сердито воззрились на меня.

— Пожалуйста, Шарон, — шепнул я, — пойдём со мной. Двое из тех, кто находился ближе, встали и приблизились к Шарон.

— Убирайся отсюда, — сказал мне один. — Оставь её в покое.

— Не слушай его, — говорил Шарон тем временем другой. — Он ненормальный. Мы нужны друг другу, Я наклонился, чтобы посмотреть ей прямо в глаза.

— Шарон, это всё ненастоящее. Ты умерла. Мы должны найти, как выбраться отсюда.

— Заткнись! — выкрикнул кто-то ещё четверо или пятеро поднялись и пошли ко мне. Глаза их горели ненавистью. — Оставь нас в покое.

Я начал отступать к двери. На меня уже надвигалась целая толпа. В просвете между головами я мельком увидел Шарон, снова занявшуюся своим кальяном.

Я повернулся, бросился к двери, проскочил её... и понял, что нахожусь не на улице, а в каком-то учреждении, в окружении компьютеров, рабочих столов, стоек с папками — словом, в двадцатом веке, в своём времени. Там был даже стол для заседаний.

— Эй, вам сюда нельзя, — сказал кто-то. Обернувшись, я увидел мужчину средних лет, обзревавшего меня поверх очков для чтения. — Где моя секретарша? У меня нет времени на это. Что вам нужно?

— Один человек гонится за мной. Я просто хотел спрятаться.

— О Господи, тогда зачем вы явились сюда? У меня нет на это времени. Вы даже представить себе не можете, сколько мне нужно успеть сделать сегодня! Взгляните на эти папки. Кто, по-вашему, будет заниматься этим, если не я? — Его лицо выражало подлинный ужас.

Я покачал головой и взглядом искал другой выход.

— Разве вы не знаете, что вы покойник? Ведь это всё — только плод воображения.

Выражение ужаса на его лице сменилось выражением гнева.

— Как вы попали сюда? Вы что — преступник?

Наконец, я увидел другую дверь и выбежал через неё наружу. Теперь улицы были совсем пусты: я увидел лишь одну коляску. Она остановилась у отеля напротив меня; красивая женщина в вечернем платье, выйдя из неё, оглянулась на меня и улыбнулась.

Улыбка была тёплой, дружеской. Я ринулся к ней через улицу; всё с той же скромной, милой улыбкой она подождала, когда я приближусь.

— Вы одни? — сказала она. — Не хотите пойти со мной?

— А куда вы идёте? — осторожно поинтересовался я.

— На вечеринку.

— А кто там будет?

— Понятия не имею.

Открыв дверь, она кивком пригласила меня следовать за ней. Я подчинился, стараясь придумать, что же делать дальше. Мы вошли в лифт, и женщина нажала кнопку пятого этажа.

По мере того как мы поднимались, волны расположения и тепла, исходившие от неё, становились всё ощутимее. Уголкем глаза я заметил, что она смотрит на мои руки. Когда я перехватил её взгляд, она снова улыбнулась, давая понять, что поймана с поличным.

Дверь лифта открылась, и женщина повела меня вдоль холла. У одной из дверей она остановилась и дважды постучала. Послышался металлический звук отпираемого замка, затем, на пороге появился мужчина. При виде моей спутницы его лицо озарилось.

— Заходите, заходите! — пригласил он.

Женщина пропустила меня вперёд. Я вошёл, и тут же какая-то девушка, в вечернем платье с открытыми плечами и босая, протянула руку и коснулась моей.

— О, вы заблудились, — проговорила она, — бедняжка! Здесь, с нами, вы будете в безопасности.

Чуть подальше я увидел мужчину без рубашки.

— Посмотрите-ка на его бедра, — произнёс он, пристально разглядывая меня.

— Руки у него просто замечательные, — отозвался другой.

Совершенно ошарашенный, я начал оглядываться по сторонам и только тут заметил, что в комнате полно людей в разных стадиях раздетости; все они занимались любовью.

— Нет, подождите, сказал я. — Я не могу остаться. Девушка, висевшая на моей руке, спросила:

— Вы что — собираетесь уйти? Но вы вряд ли сумеете найти такую компанию, как эта. Чувствуете, сколько здесь энергии? Это не то, что бродить где-то одному, ведь правда? — Она провела рукой по моей груди.

Вдруг с другого конца комнаты послышался шум драки.

— Нет, оставьте меня в покое! — выкрикнул кто-то. — Я не хочу находиться здесь!

Юноша лет восемнадцати, не больше, оттолкнул со своего пути нескольких человек и выскочил за дверь. Я, воспользовавшись суматохой, последовал за ним. Не дожидаясь лифта, он ринулся вниз по ближайшей лестнице, я тоже. Когда я выбежал на улицу, он был уже на другой стороне.

Я уже собирался крикнуть ему, чтобы остановился, как вдруг он сам застыл на месте, охваченный ужасом. Впереди, на тротуаре, стоял генерал, все ещё сжимая в руках нож, а перед ним — та самая четверка, которая наблюдала за мной раньше.

Все они говорили одновременно — громко, сердито, жестикулируя. Вдруг один из четверки выхватил револьвер, а генерал бросился на него с ножом. Прозвучал выстрел; нож генерала отлетел в одну сторону, шляпа — в другую, а сам он тяжело рухнул на тротуар с пробитым пулей лбом.

В ту же секунду четвёрка застыла, как в стоп-кадре, потом начала таять в воздухе, пока не исчезла совсем. Одновременно исчез и человек на тротуаре.

Юноша присел на край тротуара и обхватил голову руками. Я подбежал к нему; колени у меня дрожали.

— Всё в порядке, — сказал я. — Они ушли.

— Нет, — почти простонал он. — Посмотрите туда.

Я обернулся и увидел только что исчезнувшую четверку через дорогу, напротив отеля. И — самое невероятное — они стояли точно так же, как когда я увидел их в первый раз. Один пыхнул сигарой, другой взглянул на часы.

Мое сердце подскочило в груди, когда вслед за этим я увидел и генерала, снова стоявшего перед ними в угрожающей позе.

— Это повторяется опять и опять, — пробормотал юноша. — Я больше не могу. Кто-нибудь должен помочь мне.

Прежде чем я успел сказать хоть что-нибудь, справа от него материализовались две смутно различимые фигуры. Юноша долго смотрел на них расширенными глазами, потом его лицо выразило волнение.

— Это ты, Рой? — произнес он.

Фигуры, колыхаясь в воздухе, надвинулись и заслонили его. Через несколько минут все трое исчезли.

Я тупо смотрел на край тротуара, где он только что сидел, и вдруг ощутил признаки более

высокой вибрации.

Мысленным взором я снова увидел свой сонм душ и ощутил их любовь, их Искреннюю заботу. Сосредоточившись на этом ощущении, я сумел избавиться от тревоги; моя энергия возросла, и немедленно серый цвет вокруг меня стал светлее, а город пропал.

Моя энергия продолжала расти, так что я смог представить себе лицо Уила — и тут же он оказался около меня.

— Ты в порядке? — спросил он, обнимая меня. Лицо его выражало огромное облегчение. — Эти иллюзии были очень сильны — ты так и влетел в них со всего размаху.

— Знаю. Я не мог ни думать, ни вспомнить, что нужно делать.

— Тебя долго не было. Всё, что мы могли, — это посылать тебе энергию.

— «Мы»? Кого ты имеешь в виду?

— Вот эти души, — ответил Уил, делая широкий жест рукой.

И я увидел сотни, а может быть, и тысячи душ, кольцом окружавшие нас. Некоторые были обращены лицами к нам, в то время как другие смотрели куда-то в ином направлении.

Тоже взглянув туда, я увидел в отдалении несколько крупных клубящихся масс энергии и, сосредоточившись на одном из них, понял, что это тот самый город, из которого я только что сбежал.

— Что это за штучки? — спросил я.

— Мысленные построения, — ответил Уил, — созданные душами, в жизни которых присутствовал очень сильный контроль, так что они, после смерти, не смогли пробудиться. Их здесь многие тысячи.

— Ты видел, что происходило, пока я был в городе?

— Большую часть. Сосредоточившись на ближайших душах, я улавливал их видения того, что происходило с тобой. Вот это кольцо душ постоянно посылает энергию в иллюзии — в надежде, что кто-нибудь отзовется.

— Ты видел того парня? Он сумел очнуться. А вот остальным, похоже, не было дела ни до чего. Уил повернулся ко мне:

— Ты помнишь, что мы видели в Обзоре жизни Уильямса? Сначала он никак не мог смириться с тем, что происходит, и начал как бы подавлять свою смерть — до того, что даже мысленно воссоздал свой офис.

— Да, я вспомнил об этом, пока находился там.

— Такое происходит со всеми. Если при жизни человек слишком озабочен тем, чтобы держать всё под контролем, потому что это позволяет ему избавиться от неизвестности и чувства неуверенности, — озабочен до такой степени, что ему не удаётся пробудиться даже после смерти, тогда он начинает строить эти иллюзии, чтобы по-прежнему ощущать себя в безопасности — даже после того, как попал в Афтерлайф.

Если бы сонм душ Уильямса не подоспел вовремя, он оказался бы в одном из адских местечек, где побывал ты. Это — реакция на Страх.

Он парализовал бы этих людей, если бы они не нашли какого-то способа отгородиться от него, вытеснить его из сознания. И вот они начинают делать то же самое, что делали при жизни, повторять всё те же сдерживающие приёмы и — не могут остановиться.

— Значит, все эти иллюзорные реальности — просто попытки контролировать ситуацию?

— Да, но здесь это происходит бессознательно и гораздо интенсивнее, чем в жизни. Например, вот этот твой военный с ножом — несомненно, его стилем было запугивать других, отбирать у них энергию.

Он обосновывал своё поведение тем, что весь свет из кожи вон лезет, лишь бы подмять его, и, конечно, в земной жизни ему приходилось сталкиваться именно с такими людьми — как раз

потому, что он ожидал этих встреч, так что его мысленное видение исполнялось.

А попав сюда, он просто выдумал людей, якобы стремящихся расправиться с ним, чтобы и тут иметь возможность воспроизводить ту же самую ситуацию.

Если бы ему было некого запугивать и его энергия понизилась, тревога снова начала бы проникать в его сознание. Поэтому, он вынужден постоянно играть роль устрашителя.

Ему нужно вновь и вновь проигрывать этот сюжет, ощущать себя в этой роли, ибо он знает, что только так может побороть Страх.

Напряжённая, драматичная ситуация, фонтан адреналина — это загоняет тревогу так глубоко, что он может забыть о ней, подавить её, и ему становится легче жить — хотя бы на некоторое время.

— А эти наркоманы? — вспомнил я.

— В данном случае, речь идёт о пассивности, доведённой до такой степени, когда человек проецирует на весь мир только отчаяние и жестокость, тем самым, обосновывая необходимость бегства.

Навязчивое стремление раздобыть наркотики занимает его мозг и помогает подавить тревогу — даже в Афтерлайфе.

В физическом измерении наркотики часто порождают эйфорию, подобную той, которую вызывает любовь.

Однако, вся беда в том, что при этом, организм сопротивляется воздействию химических веществ, стремится нейтрализовать их, а это означает, что, при повторных приёмах, для достижения того же эффекта требуется все большая доза, и это постепенно разрушает организм.

Я снова вспомнил о генерале:

— Там действительно произошло нечто странное. Человек, преследовавший меня, был убит, а потом снова вроде бы ожил, и всё началось сначала.

— Так оно и случается в этом Аду, который сам человек строит для себя. Все эти иллюзии всегда проигрываются; как пьеса, и заканчиваются смертью.

Если бы ты встретил человека, который, чтобы не задумываться над тайной жизни, перегружал себя жирной пищей, он, скорее всего, умер бы от инфаркта. Наркоманы, в конце концов, разрушают свой организм, этот твой генерал погибает снова и снова... и так всё время.

Точно то же самое происходит и в физическом измерении: человек, привыкший всегда владеть ситуацией, в какой-то момент совершает нечто, из ряда вон выходящее.

Обычно это происходит в напряженные моменты жизни: ситуация вышла из-под его контроля — тут-то на него и наваливается тревога, страх.

Тут бы самое время пробудиться и справиться со Страхом каким-то иным путём, но человек не может — не умеет, не привык. А если ему не удаётся очнуться в физическом измерении, возможно, будет трудно и в другом.

Этим объясняются разного рода ужасные вещи, происходящие в физическом измерении. Такова психологическая подоплёка всех действительно злостных деяний, мотивация поведения маньяков, насилующих детей, садистов, убийц, совершивших не одно преступление.

Они просто повторяют то единственное, что — они знают — оглушает разум и не даёт ему ощутить тревогу и страх, порождаемые чувством потерянности.

— Так ты хочешь сказать, — перебил я, — что в мире не существует никакого организованного зла, никакого сатанинского заговора, жертвой которого мы являемся?

— Да, не существует. Есть только страх, который испытывают люди и от которого стараются отделаться — зачастую весьма странными способами.

— А как же насчёт сатаны? Ведь, он столько раз упоминается в разных церковных писаниях!

— Эта идея — просто метафора, символическое предупреждение людям о том, что безопасность и надёжность следует искать в Божественном, а не в порывах и привычках, иногда трагических, собственного «я».

Сваливать вину за всё плохое на некую внешнюю силу — возможно, это было важно на определённой стадии человеческого развития. Но теперь, это лишь затемняет истину, ибо, корить за своё поведение силы, находящиеся вне нас, — это, всего лишь, способ уйти от ответственности.

И мы склонны использовать идею о существовании сатаны, чтобы иметь основание считать того или иного человека злым от рождения — тогда, очень легко умыть руки и вообще списать его со счетов.

Настало время разобраться в истинной природе человеческого зла на менее примитивном уровне, а уж потом принимать соответствующие меры, чтобы справиться с ним.

— Раз нет сатанинского заговора, — сказал я, — значит, нет и «одержимости», «овладения».

— А вот это, не совсем так, — горячо возразил Уил. — Существует психологическая «одержимость». Но тут речь идёт не о заговоре зла, а об энергетической динамике.

Люди, живущие в страхе, стремятся управлять другими. Вот почему те или иные группы стараются привлечь человека к себе, убедить его присоединиться к ним, подчиниться их авторитету, а если он не хочет, применяют к нему различные силовые меры.

— Оказавшись в этом иллюзорном городе, я сначала подумал, что мною овладела какая-то демоническая сила.

— Да нет. Ты оказался там, потому что совершил ту же ошибку, что и раньше: вместо того чтобы прислушаться к этим душам, ты сразу раскрылся перед ними, ожидая получить ответы на все вопросы, и даже не проверил, движимы ли они любовью.

А они, в отличие от тех душ, которые находятся в контакте с Божественным источником, не отделились от тебя, а просто-напросто втянули тебя в свой мир — точно так же, как в физическом измерении поступают разные сумасшедшие политические, культовые и другие группы, если ты проявил неразборчивость.

Уил помолчал, размышляя, потом продолжал.

— Всё это — как бы, углубление в Десятое откровение, потому, нам и дано это видеть. По мере того, как контакты между обоими измерениями будут расширяться, у нас будет всё больше встреч с душами в Афтерлайфе.

Эта часть Откровения подсказывает, что следует делать различие между душами, которые пробудились и проникнуты духом любви, и теми, которыми владеет страх и какая-то навязчивая идея.

Однако, мы не должны списывать их со счетов, видя в них демонов или дьяволов. Это души, находящиеся в процессе роста, — точно так же, как и мы.

Знаешь, ведь многие из Тех, кто сейчас в земном измерении не может отыскать выхода из каких-то сложных коллизий, — это те самые души, чьи Видения рождения были исполнены наибольшего оптимизма.

Я покачал головой, не вполне понимая.

— Потому-то, — продолжал Уил, — они и выбирают для своего рождения тяжёлые, напряжённые ситуации, требующие каких-то из ряда вон выходящих нейтрализующих мер.

— Ты имеешь в виду неблагополучные семьи?

— Да. Неудержимое стремление контролировать ситуацию, проявляется ли оно в форме диких выходов или различных нездоровых склонностей, порождается такой обстановкой, в которой человек является жертвой насилия, принуждения и т. п. и где уровень страха настолько

высок, что тот же самый гнев, ярость, извращенные эмоции возрождаются снова и снова, поколение за поколением.

Индивидуумы, рождающиеся в таких ситуациях, делают этот выбор преднамеренно, так сказать, находясь в здравом уме.

Эта идея показалась мне абсурдной.

— С какой стати кому-то может захотеться родиться в таких условиях?

— Потому что они были уверены, что им хватит сил вырваться из этого порочного круга, исцелить семейную систему, в которую им предстоит войти.

Они верили, что сумеют пробудиться и, оказавшись в этом кошмаре, постепенно, победить злобу и страх и что всё это явится подготовкой к выполнению миссии — помогать другим выходить из подобных ситуаций.

Даже если они идут путём насилия, нам следует видеть в них людей, потенциально способных освободиться.

— Значит, что касается преступлений и насилия, наиболее верной является идея либералов о том, что каждый может измениться и вернуться к нормальной жизни? А консервативный подход, выходит, и гроша ломаного не стоит?

Уил улыбнулся.

— Не совсем так. Либералы правы, считая, что люди, выросшие в обстановке насилия и подавления, являются продуктом своей среды. По мнению же консерваторов, перестать совершать преступления и сесть на общественное пособие, — это, всего лишь, вопрос сознательного выбора.

Однако, подход либералов — в достаточной степени поверхностен — вплоть до того, что они считают возможным изменить человека, просто поместив его в другие условия — скажем, обеспечив ему финансовую поддержку или образование.

Обычно программы помощи сводятся к тому, чтобы предлагать советы или материальную помощь.

Когда же речь идёт о серьёзных нарушителях законности и порядка, все попытки их реабилитации — это, в лучшем случае, поверхностные рекомендации, в худшем же — терпимость и выискивание смягчающих обстоятельств, а это, как раз, совершенно противопоказано, в подобных случаях.

Всякий раз, когда индивидуум, чрезмерно озабоченный проблемой собственного контроля надо всем, отделяется лёгким испугом, это способствует тому, что он и дальше ведёт себя также и укрепляет представление, что всё это не так уж и серьёзно, а значит, создаёт обстоятельства, прямо-таки, гарантирующие, что это произойдёт снова.

— А что же тогда делать? — спросил я.

Уил едва не задрожал от волнения:

— Мы можем научиться осуществлять духовное вмешательство! А это означает помочь сделать весь процесс сознательным — точно то же самое делают вот эти души по отношению к тем; которые находятся в плену иллюзий.

Некоторое время он смотрел на души, кольцом окружавшие нас, потом перевёл взгляд на меня и покачал головой:

— Я способен получить от этих душ всю информацию, которую только что передал тебе, но пока ещё не могу ясно воспринять Видение мира. Мы ещё не научились набирать достаточно энергии.

Я сосредоточился на окружавших нас душах, однако, не смог получить никакой другой информации, кроме переданной мне Уилом.

Сонмы душ явно обладали гораздо большим знанием и проецировали его на мысленные

построения, порождённые страхом, но, как и Уил, я не сумел понять больше ничего.

— По крайней мере, мы узнали ещё кое-что из Десятого откровения, — сказал Уил. — Теперь мы знаем, что, каким бы нежелательным ни было поведение других, нам следует помнить, что они, всего лишь, души, пытающиеся пробудиться, как и мы.

И тут меня, словно бы, швырнуло назад звуковым ударом; в голове бешено заметались все цвета радуги.

Рванувшись, Уил успел, в последний момент, поймать меня, подзарядить своей энергией и удержать. Меня тряхнуло как будто электрическим током, потом всё прошло.

— Оци там снова взялись за своё, — сказал Уил. Справившись с головокружением, я взглянул на него:

— Это значит, что, возможно, Кэртис попытается силой остановить их. Он убеждён, что других способов нет.

Едва произнеся эти слова, я отчетливо увидел мысленным взором Феймэна — человека, который, по мнению Дэвида Одинокого Орла, имел какое-то отношение к этому эксперименту.

Он стоял где-то на высоте, осматривая долину. Глянув на Уила, я понял, что и он видит то же самое. Он кивнул в знак подтверждения, и мы тут же начали двигаться.

Когда движение прекратилось, мы с Уилом оказались лицом друг к другу. Серые тона вокруг нас ещё более сгустились. Снова громкий, какой-то разлаженный звук сотряс тишину, и лицо Уила начало терять отчётливость. Но он держал меня, и, через несколько секунд, звук прекратился.

— Теперь эта штука ревет чаще, чем прежде, — заметил Уил. — Возможно, у нас совсем немного времени.

Я кивнул, борясь с головокружением.

— Давай-ка осмотримся, — предложил Уил.

И тут же мы различили в нескольких сотнях ярдов от нас сгусток энергии, который быстро приблизился и остановился ярдах в сорока—пятидесяти от нас.

— Будь осторожен, — предупредил Уил. — Не идентифицируйся с ними полностью. Просто послушай и выясни, кто они такие.

Я осторожно настроился и тут же увидел движущиеся души и образ города, из которого недавно вырвался. Я почувствовал страх, и они немедленно приблизились ещё.

— Продолжай оставаться сосредоточенным на любви, — посоветовал Уил. — Они не могут втянуть нас к себе, если только мы сами не поведём себя так, как будто ждём от них спасения. Попытайся послать им заряд любви и энергии. Это либо поможет им, либо заставит уйти.

Поняв, что страх владеет этими душами в большей степени, чем мною, я сосредоточился и сделал то, что рекомендовал Уил. Они немедленно отделились туда, где находились раньше.

— Почему они не могут принять эту любовь и очнуться? — спросил я Уила.

— Потому что, когда они ощущают энергию и она немного повышает их сознание, их начинает мучить чувство одиночества.

Приход к пониманию и освобождение от потребности контролировать, всегда поначалу болезненны, потому что момент принуждения должен быть убран, прежде чем будет обретено внутреннее решение проблемы потерянности. Вот почему «потёмки души» иногда предшествуют возросшему знанию и духовной эйфории.

Моё внимание привлекло движение справа. Сосредоточившись, я увидел ещё несколько душ; когда они приблизились, другие души отодвинулись подальше. Я настроился на новый сонм, чтобы понять, чем он занимается.

— Зачем, по-твоему, явились эти души? — спросил я Уила.

Он пожал плечами:

— Они имеют какое-то отношение к этому Феймэну.

В окружающем сонм пространстве я начал различать какое-то движущееся изображение. Сосредоточившись, я стал видеть чётко и понял, что это огромное промышленное предприятие где-то на Земле: большие металлические корпуса, ряды чего-то наподобие трансформаторов, трубы и целые мили проводов.

В центре комплекса, наверху одного из самых высоких корпусов, находился центр управления со стеклянными стенами и потолком. Внутри я различил ряды компьютеров и другое оборудование. Я взглянул на Уила.

— Вижу, вижу, — подтвердил он.

Перспектива нашего обзора расширилась, и теперь мы могли видеть весь комплекс сверху. Бесконечные провода выходили из главного корпуса во всех направлениях, подавая энергию к огромным вышкам, с которых лучи, наподобие лазерных, передавали её дальше другим станциям.

— Ты знаешь, что это такое? — спросил я.

Он кивнул:

— Централизованный энергетический комплекс.

Наше внимание привлекло какое-то движение в дальнем от нас конце комплекса. К одному из самых больших корпусов подъезжали аварийные и пожарные машины. В окнах четвертого этажа мелькали зловещие отблески огня.

В какой-то момент они вырвались наружу, и тут же земля под зданием, будто бы, треснула. В воздух поднялась туча пыли и обломков; здание содрогнулось, затем, медленно обрушилось. Одновременно с этим, языки пламени охватили корпус, стоявший справа.

Сцена сменилась: теперь мы видели центр управления, в котором суетились люди. Справа открылась дверь, вошёл человек с кипой бумаг и чертежей. Бросив их на стол, он решительно и уверенно принялся за дело.

Чуть прихрамывая, он переходил от одной машины к другой, что-то включая и выключая, нажимая какие-то кнопки. Мало-помалу, земля перестала содрогаться, огонь удалось подавить. Человек продолжал торопливо работать, попутно давая указания другим.

Присмотревшись к нему поближе, я обернулся к Уилу:

— Это — Феймэн!

Уил не успел ответить, как события завертелись, словно в фильме с ускоренной съёмкой. На наших глазах комплекс был спасён, потом, рабочие начали быстро демонтировать его, корпус за корпусом.

Одновременно поблизости строилось нечто гораздо меньшее — предприятие по производству более компактных генераторов.

В конце концов, большая часть территории комплекса обрела свой первоначальный вид, заросла лесом, а новое предприятие занималось выпуском маленьких установок, которые можно было видеть на задах каждого жилого дома или деловой постройки в сельской местности.

И вдруг, перспектива, как бы, сдвинулась назад, и мы увидели на переднем плане одинокую фигуру, наблюдавшую ту же самую картину, что и мы.

Увидев его профиль, я понял, что это — Феймэн, до его нынешнего рождения, рассматривает то, чего он может достигнуть в жизни.

Мы с Уилом переглянулись.

— Это ведь часть его Видения рождения, правда? — спросил я.

Уил кивнул:

— Это должен быть его сонм душ. Давай-ка посмотрим — может, сумеем что-нибудь ещё выяснить о нём.

Мы оба сосредоточились на сонме, и перед нами возникло другое изображение. То был девятнадцатый век, военный лагерь, палатка командующего.

Мы увидели Феймэна вместе с генералом — тем самым, которого я встретил в иллюзорном городе. Слегка прихрамывавший Феймэн был одним из заместителей генерала; вторым был Уильямс.

Наблюдая за ними, мы начали вникать в историю их взаимоотношений. Великолепный тактик, Феймэн отвечал за стратегию и технические вопросы.

Незадолго до наступления, генерал приказал тайно продать индейцам одеяла, заражённые оспой; Феймэн решительно воспротивился этому — не столько из жалости к туземцам, сколько из-за возможных политических последствий.

Позже, уже после того, как Вашингтон приветствовал победу в этом сражении, журналисты раскопали историю с заражёнными одеялами, и было начато расследование.

Генерал и его близкие друзья в Вашингтоне сделали козлом отпущения Феймэна; его карьера рухнула. Генерал впоследствии стал видным политическим деятелем национального масштаба и оставался им, пока и ему не дали подножку.

Феймэн так никогда и не оправился от удара; его собственные политические амбиции рухнули вместе с его профессиональной карьерой.

С годами он всё более озлоблялся, отчаянно и безуспешно призывая общественность заставить генерала рассказать всю правду о той битве.

Двое-трое журналистов некоторое время занимались этой историей, но вскоре интерес общественности к ней совершенно заглох, и Феймэн окончательно впал в немилость.

Под конец жизни, его сильно мучило, что ему так и не удалось достичь в политике того, о чём он мечтал; считая своего бывшего командира виновным во всём, он совершил покушение на него во время официального обеда и был застрелен телохранителями.

Феймэн, отделивший себя от внутренней уверенности и любви, не смог полностью пробудиться после смерти.

Долгие годы он считал, что провалил дело, и жил в иллюзорных построениях, лелея свою ненависть, обречённый на бесконечное повторение всё того же ужаса: он планировал другое покушение и совершал его — только для того, чтобы снова быть убитым.

Наблюдая, я понял, что Феймэн мог бы оставаться в ловушке иллюзий гораздо дольше, если бы не решительные усилия другого человека, который тогда находился вместе с ним в военном лагере. Увидев его образ, я узнал его.

— Это Джоэл, тот самый журналист, — пояснил я Уилу, стараясь удержать чёткость видения.

Уил кивнул в знак того, что понял.

После смерти Джоэл стал членом внешнего кольца душ и полностью посвятил себя задаче пробуждения Феймэна.

В их тогдашней жизни он намеревался предавать огласке любой случай жестокости или обмана, совершённых военными по отношению к индейцам, и ему была известна история с заражёнными одеялами, но взятками и угрозами его заставили держать язык за зубами.

Посмертный Обзор жизни привёл его в отчаяние, но он не утратил сознания и поклялся помочь Феймэну, который попал в беду, в общем-то, из-за его, Джоэла, отказа от решительных действий.

После многочисленных бесплодных попыток Джоэла выйти на связь с Феймэном, тот, наконец, ответил и сам пережил долгий и болезненный Обзор жизни.

В своей жизни в девятнадцатом веке он собирался стать гражданским инженером. Но его соблазнила перспектива стать героем войны, таким же, как его командующий, и заняться

вопросами новой военной стратегии.

В годы, прошедшие между одной и другой жизнью, он помогал людям на Земле правильно использовать технологию; и вот, мало-помалу, его начало посещать видение приближающейся новой жизни.

Сначала медленно, затем, всё более отчётливо он стал понимать, что скоро будут открыты новые методы получения энергии, потенциально способные освободить человечество, но они могут оказаться крайне опасны.

Чувствуя, что рождается, он понял, что будет работать именно в этой области, заниматься именно этой технологией, но понял также и то, что, как и прежде, будет жаждать власти, признания и высокого статуса.

А ещё он увидел, что у него будут помощники — шестеро помощников. И долину, где все они работают вместе, в темноте, возле каких-то водопадов, чтобы, используя некий процесс, принести людям Видение мира.

Образ Феймэна стал исчезать, но я, всё же, успел увидеть кое-что из этого процесса. Вначале семь человек начали вспоминать, когда и при каких обстоятельствах встречались раньше, и осмысливать порождённые этим чувства.

Затем, группа сознательно, пользуясь техникой Восьмого откровения, расширила свою энергию, и каждый познакомил других со своим Видением рождения; в конце концов, вибрация ускорила, объединяя сонмы душ всех семерых.

Из знания, обрётённого таким образом, должно было родиться Видение мира — память о полной картине предстоящего нам будущего, того, куда мы идём, и того, что мы должны делать, чтобы исполнить своё предназначение.

Внезапно всё исчезло: и видение, и группа Феймэна. Мы с Уилом остались одни. Его глаза горели.

— Ты видел, что там происходило? — взволнованно спросил он. — Это значит, что первоначальным намерением Феймэна, на самом деле, было усовершенствовать и децентрализовать технологию, над которой он работает. Если он поймёт это, то остановит эксперимент.

— Нам нужно найти его, — сказал я.

— Нет, — немного подумав, возразил Уил. — Это не поможет — пока что не поможет. Мы должны разыскать остальных из семёрки: тогда объединённая энергия группы разбудит память о Видении мира. Они будут вспоминать вместе и подзаряжать друг друга.

— Я что-то не очень понял насчёт прежних чувств.

Уил придвинулся ближе:

— Ты помнишь другие мысленные образы, которые видел? Воспоминания о других местах, других временах?

— Да.

— Члены группы, которая складывается сейчас для борьбы с экспериментом, уже встречались раньше. Это породило какие-то чувства, с которыми обязательно нужно разобраться, причём, каждому.

На мгновение Уил отвёл глаза, потом продолжал:

— Всё это — тоже часть Десятого откровения. Ведь, образуется не только одна группа — на самом деле, их очень много. Нам всем нужно научиться избавлять прежние обиды.

Слушая его, я подумал о том, что мне нередко приходилось оказываться среди групп людей, и некоторые сразу же начинали симпатизировать друг другу, в то время как другие — совсем наоборот, причём, безо всякой видимой причины.

Интересно, подумалось мне, готова ли уже человеческая культура к тому, чтобы найти

корни этих бессознательных реакций?

В этот момент, без всякого предупреждения, раздался новый пронзительный звук, так и отдавшийся во всём моём теле. Уил вцепился в меня, притянул поближе; наши лица почти соприкасались.

— Если ты снова упадёшь, не знаю, удастся ли тебе вернуться, пока эксперимент производится на этом уровне! — прокричал он. — Тебе придётся найти остальных!

Еще один звуковой удар разбросал нас в стороны, и я почувствовал, что опять несусь сквозь знакомое мелькание цветов. Я понял, что снова, как и раньше, возвращаюсь в земное измерение.

Однако, на сей раз вместо того, чтобы сразу оказаться там, я, словно бы, задержался на мгновение; я испытывал тянущее ощущение под ложечкой, и меня тащило куда-то в сторону.

Я постарался сосредоточиться, вся эта круговерть вокруг меня успокоилась, и я начал ощущать присутствие другого человека. Кого — я не видел, но помнил это чувство. Кто же это?

Наконец, я начал смутно различать футах в тридцати-сорока от себя чью-то фигуру. Постепенно она приближалась, и я узнал — Чарлин!

Когда расстояние между нами сократилось до десятка футов, я вдруг, как бы, полностью расслабился и заметил вокруг неё розово-красное энергетическое поле. Секундой позже, к своему изумлению, я увидел, что такое же поле окружает и меня.

Когда мы находились футах в пяти друг от друга, расслабление, которое я ощущал во всём теле, превратилось во всё нараставшее чувственное возбуждение, и, наконец, меня захлестнула волна любви, доходящей до оргазма. В голове не осталось ни одной мысли. Что с нами происходило?

Как раз в тот момент, когда наши поля должны были соприкоснуться, снова раздался тот пронзительный диссонирующий звук; меня отбросило назад и завертело.

Прощение

Когда у меня в голове прояснилось, я почувствовал, как что-то влажное и холодное прикасается к моей правой щеке.

Я медленно открыл глаза и замер: на меня в упор смотрел совсем ещё молодой, но уже почти взрослый волк. Какую-то секунду он стоял так, потом, сильно фыркнул, оцетинился и бросился в лес. Я резким движением сел.

Не в силах сладить с усталостью и оцепенением, в угасающем свете дня я нашёл свой рюкзак; углубившись немного в лес, кое-как поставил палатку и буквально рухнул в спальный мешок, однако, изо всех сил сопротивлялся сну, думая об этой странной встрече с Чарлин.

Почему она находилась в другом измерении? Что свело нас вместе?

Утром я проснулся рано и сразу же ощутил зверский голод. Я приготовил овсянку, проглотил её, затем, осторожно вернулся к ручью, из которого наполнял фляжку по пути наверх.

Я ещё не успел как следует отдохнуть, но, тревожась о Кэртисе, решил тронуться в путь, чтобы как можно скорее найти его.

Внезапно, с восточной стороны до меня долетел отзвук взрыва. Это Кэртис, подумал я, бегом бросаясь туда, где оставил палатку. Тревога не покидала меня и тогда, когда, торопливо упаковавшись, я углубился в лес.

Примерно через полмили лес внезапно кончился; за ним открылось нечто вроде заброшенного пастбища. Несколько рядов ржавой колючей проволоки, кое-как свисавшей с деревьев, преградили мне путь.

Я оглядел открытое пространство, затем поднимающиеся за ним стену деревьев и густой кустарник. В этот момент кусты раздвинулись, и из них выскочил Кэртис. Он бежал сломя голову прямо ко мне.

Я помахал ему; тут же узнав меня, он перешёл с бега на быстрый шаг. Приблизившись, он осторожно пролез через колючую проволоку и рухнул на землю, тяжело дыша.

— Что случилось? — спросил я. — Что вы там взорвали?

Он потряс головой:

— Мне удалось сделать очень небольшое. У них там всё находится под землей. У меня было мало взрывчатки, и потом... я не хотел, чтобы пострадали люди там, внутри. Я сумел взорвать только внешнюю спутниковую антенну. Надеюсь, это задержит их.

— Как вам удалось подобраться так близко?

— Я установил заряды вчера вечером, после наступления темноты. Они, видимо, не ожидают, что кто-нибудь может бродить тут, поэтому, снаружи охраны почти нет.

Он замолк, услышав шум приближающихся грузовиков, несколько секунд прислушивался, потом продолжал:

— Нам надо выбираться отсюда и искать помощи. Сейчас уже нет выбора. Они едут сюда.

— погодите, — остановил его я. — Думаю, у нас есть шанс остановить их, но мы должны разыскать Майю и Чарлин.

Он уставился на меня:

— Вы имеете в виду Чарлин Биллингс?

— Да.

— Я знаю её. Она сотрудничала с нашей корпорацией — проводила какие-то исследования. Мы не встречались уже несколько лет. Но прошлой ночью я видел её: она входила в подземный бункер вместе с несколькими до зубов вооружёнными людьми.

— Они что — вынудили её силой?

— Не знаю, — рассеянно ответил Кэртис, прислушиваясь к шуму грузовиков, теперь уже явно приближавшемуся. — Нам надо убираться отсюда. Я знаю местечко, где мы сможем отсидеться до темноты, но нужно спешить. — Он посмотрел назад, на восток. — Я оставил ложный след, но вряд ли это задержит их надолго.

— Я должен рассказать вам, что произошло, — сказал я. — Я снова нашёл Уила.

— Хорошо, расскажете по дороге, — ответил он, торопливо поднимаясь на ноги. — Надо спешить.

* * *

Я осторожно выглянул из пещеры и оглядел ущелье. Никакого движения. Я прислушался: всё спокойно.

Мы прошли на северо-восток около мили, и по пути я сжато, насколько смог, поведал Кэртису о своих приключениях в ином измерении, подчеркнув, что Уильямс оказался прав: мы сумеем остановить эксперимент, если разыщем остальных членов группы и вспомним Видение мира.

Рассказывая, я ощутил внутреннее сопротивление Кэртиса. Он выслушал меня, но потом начал вспоминать свои прежние встречи с Чарлин.

Я был разочарован, что он не знает ничего, что могло бы объяснить, какое отношение имеет она к эксперименту. Кэртис рассказал мне также, как познакомился с Дэвидом: они стали друзьями после того, как, случайно встретившись, обнаружили, что в их военном прошлом много общего.

Я подчеркнул важность того обстоятельства, что мы оба как-то связаны с Дэвидом и знаем Чарлин.

— Я не знаю, что это значит, — ответил он рассеянно, и я не стал продолжать, но понял: это ещё одно доказательство того, что у всех нас были причины прийти в эту долину.

Мы долго шли молча; Кэртис высматривал пещеру. Найдя её, он вернулся немного назад, замёл наши следы опавшими сосновыми ветками и не вошел внутрь, пока не убедился, что нас никто не видел.

— Суп готов, — объявил Кэртис за моей спиной.

Мы воспользовались моей походной печкой, чтобы сварить последнюю упаковку «пятиминутки». Взяв свою тарелку, я снова сел у входа в пещеру и начал есть, поглядывая наружу.

— Значит, по-вашему, группа сумеет набрать достаточно энергии, чтобы воздействовать на этих типов? — спросил Кэртис.

— Точно не знаю, — ответил я. — Нам придётся убеждаться во всём по ходу дела.

Кэртис покачал головой:

— Не думаю, чтобы подобные вещи были возможны. Может быть, всё, чего мне удалось добиться своим взрывом, — это разозлить и насторожить их. Они привезут сюда ещё людей, но вряд ли остановятся.

Наверное, у них есть другая антенна поблизости. Пожалуй, мне следовало высадить им дверь — уж это-то я сумел бы сделать. Но я не мог себя заставить.

Ведь, там, внутри, была Чарлин и Бог знает сколько ещё народу. Мне пришлось бы установить таймер на более короткое время, и они взяли бы меня... Впрочем, может, оно и стоило того.

— Нет, не думаю, — возразил я. — Мы найдём другой способ.

— Каким образом?

— Это придёт само.

До нас снова донёсся слабый шум моторов, и одновременно я заметил какое-то движение ниже нас по склону.

— Там кто-то есть, — шепнул я.

Мы притаились, всматриваясь. Кусты мешали, но...

— Это Майя, — сказал я, не веря своим глазам. Мы с Кэртисом воззрились друг на друга, потом я попытался вскочить на ноги.

— Я должен догнать её.

Кэртис схватил меня за руку:

— Старайтесь не слишком высовываться, а если машины окажутся совсем близко, оставьте её и возвращайтесь сюда. Нельзя, чтобы они вас заметили.

Я кивнул и осторожно, но быстро спустился вниз. Подобравшись достаточно близко к Майе, я остановился и прислушался: шум машин приближался. Я тихонько окликнул Майю. На миг она застыла на месте, потом, узнав, бросилась ко мне, карабкаясь по каменистому склону.

— Неужели я и правда нашла вас! — выдохнула она, обнимая меня за шею.

Я привел её к пещере и помог забраться внутрь. Майя выбилась из сил; руки у нее были исцарапаны до самых плеч, и некоторые царапины были совсем свежие.

— Что случилось? — спросила она. — Я слышала взрыв, а потом понаехали эти грузовики.

— Кто-нибудь видел, что вы направляетесь сюда? — раздраженно спросил Кэртис, поднимаясь и выглядывая из пещеры.

— Не думаю, — ответила она. — Я старалась прятаться. Я представил их друг другу. Кэртис сухо кивнул и тут же начал выбираться из пещеры со словами:

— Пойду взгляну, что там делается. Я открыл рюкзак, достал аптечку.

— Вам удалось связаться с вашим знакомым в шерифском отделе?

— Нет. Я не сумела даже дойти до города — Служба леса перекрыла все тропы. Я встретила одну знакомую и передала ей записку для него. Это всё, что мне удалось сделать.

Я, тем временем, накладывал антисептик на длинную глубокую царапину, пересекавшую колено Майи.

— Почему же вы не ушли вместе со своей знакомой? Почему вернулись сюда?

Она взяла у меня из рук тюбик с антисептиком и некоторое время молча смазывала свои раны, потом наконец ответила:

— Не знаю, почему я вернулась. Может быть, потому, что меня продолжали посещать эти воспоминания. — Она взглянула мне в глаза: — Я хочу понять, что здесь происходит.

Сев напротив, я в коротких словах рассказал ей обо всём, что случилось после того, как мы расстались, остановившись подробно лишь на полученной нами с Уилом информации касательно того, что члены группы должны забыть старые обиды и вместе идти к Видению мира.

Она была ошеломлена, но, похоже, согласилась со своей ролью.

— Я вижу, лодыжка больше не беспокоит вас, — заметила она.

— Да. Судя по всему, я избавился от этой проблемы, когда вспомнил, как она возникла.

Некоторое время она смотрела на меня, потом сказала:

— Нас только трое, а по вашим словам, и Уильямс и Феймэн видели семерых.

— Не знаю. Я просто рад, что вы здесь. Вы обладаете знанием о вере и визуализации.

На её лице промелькнуло выражение ужаса.

Вскоре вернулся Кэртис, сказал, что не заметил ничего необычного, и сел в стороне от нас, чтобы доест свой суп. Я налил ещё одну тарелку и передал её Майе.

Кэртис протянул ей флягу с водой.

— Знаете, — сказал он, — вы чертовски рисковали, идя сюда так открыто. Вы же могли вывести их прямо на нас.

Майя взглянула на меня, потом ответила извиняющимся тоном:

— Ястаралась уйти! Я же не знала, что вы здесь. Я вообще не пришла бы сюда, если бы не птицы...

— Вы должны понять, что тут дело нешуточное, — перебил её Кэртис. — Нам ещё не удалось остановить эксперимент. — Он встал, снова вышел наружу и уселся за большой скалой неподалеку от входа в пещеру.

— Почему он так зол на меня? — спросила Майя.

— Вы сказали, что вас продолжают посещать воспоминания, Майя. Что за воспоминания?

— Не знаю... думаю, это из другого времени... я пыталась остановить какое-то другое насилие. Потому мне так странно всё это.

— Вам не показалось, что вы уже встречались с Кэртисом раньше?

Она призадумалась:

— Возможно. Не знаю. Почему вы спросили?

— Помните, я говорил вам, что видел всех нас в прошлом, во время войны с индейцами? Так вот, вас тогда убили, а вместе с вами — другого человека, который, похоже, находился под вашим сильным влиянием. Думаю, это был Кэртис.

— И он обвиняет в этом меня? О Господи, тогда неудивительно, что он так сердит.

— Майя, вы можете вспомнить что-нибудь о том, что вы оба тогда делали?

Она закрыла глаза, пытаясь вспомнить, и вдруг, встрепелась:

— Там ещё был индеец, правда? Шаман?

— Да. Он тоже погиб.

— Мы думали о чём-то... нет, у нас были видения. Мы думали, что сумеем остановить войну... Это всё, что я помню.

— Вам следует поговорить с Кэртисом и помочь ему справиться со своим гневом. Это часть процесса воспоминания.

— Вы шутите? Он же просто рвёт и мечет!

— Сначала я сам поговорю с ним, — сказал я, вставая. Она слегка кивнула и отвела взгляд. Я выбрался из пещеры, вскарабкался к Кэртису и сел рядом.

— Что вы об этом думаете?

Кэртис явно затруднялся ответить.

— Ну... похоже, эта ваша приятельница чем-то меня злит.

— А поточнее?

— Не знаю. Я обозлился, как только увидел её здесь. Я подумал, что из-за неё нас запросто могут обнаружить, поймать.

— Может быть, убить?

— Да, может быть, убить! — Он почти выкрикнул это, к вящему удивлению нас обоих, потом вздохнул и пожал плечами.

— Помните, что я рассказывал вам о своих видениях — тех, из девятнадцатого века, из времён войны с индейцами?

— Смутно, — пробормотал он.

— Так вот. Я не сказал вам тогда, но думаю, что видел вас с Майей — вместе. Кэртис, вас обоих убили солдаты. Он посмотрел вверх.

— И вы думаете, что я сердит на неё из-за этого?

Я улыбнулся.

В этот момент мы оба услышали знакомое гудение.

— Чёрт побери! — выругался Кэртис. — Они снова начали!

Я схватил его за руку:

— Кэртис, мы должны представить себе, что вы с Майей собирались сделать тогда, почему у вас ничего не вышло и что вы имели в виду изменить на этот раз.

Он покачал головой:

— Я не знаю, до какой степени способен поверить во всё это. Я не знаю даже, с чего начать.

— Думаю, вам просто нужно поговорить с ней: уж что-нибудь да выплывёт.

Он молча смотрел на меня.

— Вы попытаетесь?

Наконец, он кивнул, и мы пробрались обратно в пещеру. Майя неловко улыбнулась.

— Простите, что я так разошёлся, — начал Кэртис. — Похоже, это последствие чего-то, случившегося в иные времена.

— Забудьте об этом, — ответила она. — Хоть бы уж нам удалось вспомнить, что мы собирались сделать тогда.

Кэртис, нахмурившись, смотрел на Майю.

— Если мне не изменяет память, вы имеете какое-то отношение к исцелению. — Он взглянул на меня. — Ведь вы мне об этом говорили?

— Не думаю, — возразил я, — но так оно и есть.

— Я врач, — объяснила Майя. — Я использую в работе положительные образы и веру.

— Веру? Значит, вы подходите к людям с религиозных, позиций?

— Ну, только в самом общем смысле. Употребив слово «вера», я подразумевала силу энергии, порождаемой ожиданием. Я работаю в клинике, где мы стараемся смотреть на веру, как на мыслительный процесс, как на способ содействовать построению будущего.

— И как давно вы этим занимаетесь?

— Вся жизнь подготовила меня к тому, чтобы заняться изучением целительства. — И она рассказала ему историю своей жизни — ту же самую, что рассказывала мне, не забыв о склонности своей матери подозревать у себя рак.

Мы оба внимательно слушали Майю. Это придало ей энергии: с её лица исчезли признаки усталости, глаза заблестели. Кэртис спросил:

— Вы считаете, что беспокойство вашей матери и отрицательное восприятие будущего повлияли на её здоровье?

— Да. Похоже, люди сами способствуют тому, чтобы в их жизни происходили два типа событий: положительные, когда в нас живёт вера, и отрицательные, когда нами владеет страх.

Но мы делаем это бессознательно. Как врач, я считаю, что можно многого достичь, если сделать этот процесс полностью сознательным.

Кэртис кивнул:

— Но как?

Майя не ответила. Она вдруг встала и уставилась перед собой. На её лице отразилась паника.

— Что-то не так? — спросил я.

— Я... я вот только что... я вижу, что произошло во время той войны.

— Что? — коротко спросил Кэртис.

Она перевела взгляд на него:

— Я помню... мы были там, в лесу. Я всё вижу — солдат, пороховой дым...

Кэртис задумался — видимо, погрузился в глубины памяти.

— Я был там, — наконец пробормотал он. — Почему я был там? — Он взглянул на Майю. — Это вы привели меня туда! Я ничего не знал, я был просто наблюдателем от Конгресса. Вы сказали мне, что мы сумеем остановить эту бойню!

Она отвела глаза, пытаясь вспомнить, понять.

— Я думала, что нам удастся... что есть способ... Погодите! Мы же были там не одни. — Она повернулась и сердито воззрилась на меня. — Вы тоже находились там, но покинули нас. Почему вы нас бросили?

Ее слова заставили меня вспомнить виденное прежде, и я рассказал то, что видел тогда, описав всех присутствовавших на совете: старейшин различных племён, себя самого, Чарлин.

Я объяснил, что один из старейшин был всем сердцем на стороне Майи, но считал, что время ещё не пришло, что племена ещё не обрели нужного видения. Поведал и о другом вожде, буквально кипевшем гневом при виде злодеяний белых солдат.

— Я не мог остаться, — сказал я и, в качестве объяснения, изложил историю моего общения с францисканцами. — Я не мог преодолеть стремления бежать. Я должен был спастись. Мне жаль, что так вышло.

Майя глубоко задумалась; я коснулся её руки:

— Старейшины знали, что это не сработает, да и Чарлин подтвердила, что мы ещё не вспомнили мудрость предков.

— Тогда почему один из вождей остался с нами? — спросила она.

— Он не хотел, чтобы вы умирали одни.

— Мне совсем не хотелось умирать! — воскликнул Кэртис, сверля глазами Майю. — Это вы ввели меня в заблуждение!

— Мне очень жаль, — проговорила она. — Я не помню, в чём заключалась наша ошибка.

— Зато, я знаю, — отрезал он, — Вы полагали, что можете остановить войну уже одним тем, что хотите её остановить.

Она долго смотрела на него, потом на меня.

— Он прав, — произнесла она, наконец. — Во время визуализации мы видели, что солдаты должны остановить свою агрессию, но у нас не было отчётливой картины того, как это должно произойти.

Это не сработало потому, что мы не располагали всей информацией. Видения каждого были порождены не верой, а страхом. А это ведь происходит точно так же, как когда речь идёт об исцелении тела.

Когда мы вспоминаем, что должны делать в жизни, это помогает восстановить наше здоровье. Когда нам удастся вспомнить, что предстоит сделать всему человечеству, — вот прямо сейчас, начиная с этого самого момента, мы сумеем исцелить мир.

— Очевидно, — принялся размышлять я, — Видение рождения содержит не только то, что конкретный человек собирался совершить в физическом измерении, но включает в себя и более широкое видение того, что пытались совершить люди на всём протяжении истории, а также и какие-то подробности относительно того, куда мы направимся отсюда и как добраться туда.

Нам просто нужно расширить свою энергию и поделиться друг с другом своими изначальными намерениями. Тогда мы сумеем вспомнить.

Прежде чем Майя успела ответить, Кэртис вскочил на ноги и выглянул наружу.

— Я слышу что-то, — пояснил он, оборачиваясь к нам. — Там кто-то есть.

Мы с Майей прижались к стенам пещеры, силясь разглядеть что-нибудь среди деревьев и кустов. Мне послышался шорох листьев под чужой ногой.

— Пойду выясню, в чём дело, — шепнул Кэртис, осторожно выбираясь из пещеры.

Я взглянул на Майю.

— Пожалуй, я пойду с ним.

— Я тоже, — шепотом ответила она.

Вслед за Кэртисом мы вскарабкались на каменный выступ, откуда можно было обозреть всё ущелье внизу. Среди подлеска мелькали две фигуры — мужская и женская. Они двигались в западном направлении.

— Эта женщина в беде! — прошептала Майя.

— Откуда вы знаете?

— Просто знаю, и всё. Вроде бы я видела её раньше.

Женщина оглянулась, и мужчина грубо толкнул её. В правой руке у него был пистолет. Майя подалась вперед:

— Вы видели? Нужно что-то делать!

Я всмотрелся в женщину внизу. У неё были светлые волосы, одежду её составляли футболка с длинными рукавами и зелёные рабочие брюки с большим количеством карманов. Обернувшись, она сказала что-то своему церберу, потом взглянула наверх, и тут я отчетливо увидел её лицо.

— Это Чарлин, — сказал я. — Куда, по-вашему, он её ведет?

— Кто знает, — отозвался Кэртис. — Слушайте, я сумею выручить её, но я должен пойти один. Мне нужно, чтобы вы оба остались тут.

Я запротестовал, но Кэртис был непреклонен. Мы смотрели, как он, вернувшись немного назад, тихо спускался по склону, прячась за кустами. Потом он беззвучно взобрался на другой каменный выступ, футах в десяти над тропой.

— Они пройдут как раз под ним, — шепнул я Майе. Мы с беспокойством наблюдали за Чарлин и её спутником. Точно в тот момент, когда они оказались под выступом, Кэртис ринулся вниз, навалился на мужчину и, сбив его с ног, схватил за горло.

Он не ослаблял хватки, пока тот не перестал шевелиться. Испуганная Чарлин отскочила в сторону и уже готова была обратиться в бегство, когда Кэртис окликнул её по имени. Она остановилась, сделала осторожный шаг вперед.

— Я Кэртис Уэббер, — проговорил он, тяжело дыша. — Мы вместе работали в «Делтеке», помните? Я здесь, чтобы помочь вам.

Узнав его, Чарлин подошла ближе. Мы с Майей осторожно спустились с холма. Чарлин, увидев меня, остолбенела, потом бросилась было мне на шею, но Кэртис рывком пригнул нас обоих к земле.

— Не высовывайтесь! Нас могут увидеть.

Я помог ему связать конвоира Чарлин шнуром, моток которого находился у него в кармане, и мы потащили его вверх по склону, в лес.

— Что вы с ним сделали? — спросила Чарлин.

— Лёгкий нокаут, — ответил Кэртис, обшаривая его карманы. — Он будет в полном порядке.

Майя склонилась над лежащим, чтобы пощупать пульс. Чарлин повернулась ко мне, взяла за руку:

— Как ты попал сюда?

Переведя дух, я рассказал о звонке её коллеги, сообщившего мне о её исчезновении, о найденной в её офисе записке и о том, что я пришёл в долину искать её.

Она улыбнулась:

— Я начертила этот план, собираясь позвонить тебе, но пришлось уехать так срочно, что у меня просто не было времени... — её голос затих; она взглянула мне в глаза: — По-моему, я видела тебя вчера — в другом измерении.

Я отвел её в сторону:

— Я тоже видел тебя, но войти в контакт не смог.

Мы смотрели друг на друга, и вдруг я почувствовал, что мое тело становится легче; меня захлестнула волна любви, доходящей до оргазма, но каким-то странным образом я ощутил его не там, где это случается обычно, а словно бы всей поверхностью кожи.

Я погружался в глубину глаз Чарлин и понимал, что она испытывает то же самое. Движение Кэртиса прогнало это наваждение, и я отдал себе отчёт, что они с Майей пристально смотрят на нас.

Я снова взглянул на Чарлин:

— Я хочу рассказать тебе, что произошло за это время. — И поведал, как снова встретился с Уилом, как узнал о поляризации Страха, о возвращении семёрки и о Видении мира. — А ты-то каким образом оказалась в Афтерлайфе?

Её лицо помрачнело:

— Это всё — моя ошибка. Я и не подозревала об опасности — до вчерашнего дня. Это я рассказала Феймэну об Откровениях. Вскоре после того, как пришло твоё письмо, я узнала о существовании другой группы, знающей о Девяти откровениях, и стала практиковаться вместе с ней.

Я испытала многое из того, о чём ты сейчас рассказывал. Потом, я пришла сюда, в долину, вместе с одной подругой, потому что мы слышали, что здешние священные места имеют какое-то отношение к Десятому откровению.

Моя подруга испытала не так уж и много, а я — да, поэтому, я осталась и занялась исследованиями. Тогда-то я и познакомилась с Феймэном. Он предложил мне работу — научить его тому, что знаю сама.

С этого момента он всё время находился рядом со мной. Он настоял, чтобы я не звонила к себе на фирму — из соображений безопасности, так что я написала несколько писем, чтобы отложить все назначенные встречи, но, судя по всему, он перехватил их. Потому все и решили, что я пропала.

С Феймэном я исследовала большинство энергетически заряженных мест, особенно Коддерс Ноул и водопады. Сам он не мог ощущать энергию, но позже я узнала, что он отслеживал наш путь с помощью электроники и составлял что-то вроде карты энергетического профиля местности.

На основе этого, ему ничего не стоило вычислить точное расположение источника энергии.

Мы с Кэртисом переглянулись. Глаза Чарлин наполнились слезами:

— Он попросту дурачил меня. Он говорил, что работает над созданием очень дешёвого источника энергии, который освободит всех и каждого.

Часто во время проведения эксперимента он отсылал меня подальше в лес. Только позже, когда я всерьёз схлестнулась с ним, он признал, насколько опасно то, чем он занимается.

Кэртис повернулся к Чарлин:

— Феймэн Картер был главным инженером «Делтека», помните?

— Нет, — покачала головой Чарлин. — Но весь этот проект — в его руках. Сейчас там задействована другая корпорация. У них там вооруженная охрана — Феймэн называет их оперативниками.

В конце концов, я сказала ему, что уйду, и тогда он приставил ко мне охранников. Когда я сказала, что вся эта история не сойдёт ему с рук, он только рассмеялся. Он хвастался, что у него есть свой человек в Службе леса.

— Куда он отправил вас с этим охранником? — поинтересовался Кэртис.

— Понятия не имею, — покачала головой Чарлин.

— Думаю, он не собирался отпускать вас живой, — заметил Кэртис, — после того, как столько рассказал вам. На несколько минут воцарилось тяжёлое молчание.

— Вот чего я не могу понять, — вновь заговорила Чарлин. — Почему для него так важен именно этот лес? Что он собирается делать с этими источниками энергии?

Мы с Кэртисом опять переглянулись, потом он пояснил:

— Феймэн экспериментирует, чтобы найти способ собрать воедино энергию источников этой долины. Вот почему это так опасно.

Тут я заметил, что Чарлин и Майя смотрят друг на друга и улыбаются.

— Когда я была у водопадов, — сказала Чарлин, — я вдруг оказалась в другом измерении, и там на меня буквально обрушились все эти воспоминания. — Она взглянула на меня:

— После этого, я возвращалась туда несколько раз — даже вчера, когда меня уже взяли под стражу. — Она снова посмотрела на меня: — Там я и увидела вас...

Чарлин обвела взглядом всех присутствующих:

— Я увидела, что мы все находимся здесь, чтобы остановить этот эксперимент, если нам удастся вспомнить всё.

Майя внимательно смотрела на неё.

— Вы поняли, что мы хотели сделать тогда, во время сражения с солдатами, и поддержали нас, — проговорила она. — Даже зная, что это не сработает.

Улыбка Чарлин сказала мне, что она вспомнила.

— Мы вспомнили большую часть того, что случилось тогда, — сказал я, — но пока ещё не вспомнили, как планировали, что на этот раз поступим иначе. Ты помнишь?

Чарлин покачала головой:

— Только какие-то части этого. Я знаю, что мы должны идентифицировать наши бессознательные чувства друг к другу и только после этого сможем идти дальше. — Она посмотрела мне в глаза и чуть помедлила, прежде чем продолжить:

— Всё это является частью Десятого откровения... только оно ещё нигде не записано. Оно приходит к человеку интуитивно.

Я кивнул:

— Да, мы знаем.

— Часть Десятого откровения является, как бы, углублением Восьмого. Только группа, в полной мере реализовавшая Восьмое, может справиться с этой задачей.

— Я не совсем понимаю, — сказал Кэртис.

— Восьмое откровение посвящено тому, как способствовать духовному подъёму других, — продолжала Чарлин, — умению передавать им энергию, сосредоточиваясь на красоте и мудрости этого человека.

Этот процесс может весьма ощутимо поднять энергетический уровень и творческие способности группы. К сожалению, у многих групп с этим проблема, даже если входящие в них люди способны делать это в других случаях.

Это особенно верно там, где всех членов группы объединяет одно и то же дело, как, например, людей, работающих совместно над каким-нибудь уникальным проектом, потому что эти люди часто находились вместе раньше и потому прежние эмоции могут всплыть на поверхность.

Допустим, нас знакомят с человеком, с которым нам предстоит работать, — и вдруг мы автоматически начинаем испытывать к нему сильнейшую антипатию, сами не зная почему. А то бывает наоборот: мы сами не нравимся кому-то — опять же по причинам нам непонятным.

А ими могут являться эмоции, таящиеся в глубинах памяти: ревность, раздражение, зависть, негодование, горечь, обида — что угодно.

Я очень ясно ощутила, что никакая группа не сможет достичь своего высшего потенциала, если все её члены не постараются понять эти эмоции и отделаться от них.

Майя подалась вперед:

— Как раз этим мы и занимаемся: освободиться от этих тайных эмоций, от обид, запавших в память с того времени, когда мы были вместе.

— Тебе было дано Видение рождения? — спросил я.

— Да, — кивнула Чарлин. — Но я видела немного — мне не хватило энергии. Собственно, я увидела только, что образуются такие группы и что мне надлежит быть здесь, в долине, в качестве члена одной из них, состоящей из семи человек.

С севера снова послышался шум мотора.

— Нам нельзя тут оставаться, — сказал Кэртис, вставая. — Мы чересчур на виду. Давайте вернёмся в пещеру.

* * *

Чарлин доела остатки супа и передала мне тарелку. Лишней воды не было, поэтому, я сунул её в рюкзак немойтой. Кэртис вошёл и уселся напротив меня, рядом с Майей, которая едва заметно улыбнулась ему. Охранника оставили снаружи пещеры — по-прежнему связанного, с завязанным ртом.

— Снаружи всё в порядке? — спросила Чарлин.

Кэртис, похоже, нервничал:

— Думаю, да, но с северной стороны доносится ещё какой-то шум. Думаю, нам следует остаться здесь до темноты.

Некоторое время мы молча смотрели друг на друга; каждый явно старался повысить свой энергетический уровень.

Потом я рассказал всем о процессе достижения Видения мира, который наблюдал вместе с сонмом душ Феймэна. Закончив, я спросил Чарлин:

— А что ещё ты восприняла насчёт процесса освобождения от отрицательных эмоций?

— Только одно, — ответила Чарлин. — Он не может начаться, пока все мы не вернёмся полностью к любви.

— Легко сказать, — усмехнулся Кэртис, — а вот, как это сделать?

Мы все опять посмотрели друг на друга и вдруг одновременно поняли, что вся энергия направляется к Майе.

— Суть заключается в том, чтобы признать существование данной эмоции, полностью осознать её и затем, честно рассказать о ней другим, сколь неловко бы это ни было.

А когда о ней знаешь, понимаешь её, это позволяет отодвинуть её в прошлое, которому, собственно, она и принадлежит.

Поэтому, иногда долгий процесс изложения и открытого обсуждения эмоции очищает нас, и мы становимся способны вернуться к состоянию любви, являющейся высочайшей из эмоций.

— Погодите минутку, — вмешался я. — А как обстоит дело с Чарлин? Ведь по отношению к ней тоже могут существовать какие-то остаточные эмоции. — Я взглянул на Майю: — Я знаю: вы ощутили что-то.

— Да, — согласилась Майя, — но только хорошее. Это было чувство благодарности. Она осталась и хотела помочь... — Майя помедлила, изучая лицо Чарлин. — Вы ведь пытались рассказать нам что-то... нечто касающееся предков. Но мы не слушали.

Я наклонился к Чарлин:

— Тебя тоже убили?

Майя ответила за неё:

— Нет, не убили. Она отправилась к солдатам, чтобы ещё раз попытаться уговорить их.

— Верно, — кивнула Чарлин. — Но их уже не было.

— Кто ещё испытывает что-нибудь к Чарлин?:— спросила Майя.

— Я — ровным счетом ничего, — покачал головой Кэртис.

— А ты сама, Чарлин? — спросил я. — Что ты испытываешь по отношению к каждому из нас?

Она внимательно посмотрела на всех по очереди:

— К Кэртису, похоже, ничего... К Майе — только положительные эмоции, — её глаза встретились с моими, — А вот с тобой, пожалуй, не всё гладко.

— Почему?

— Потому, что ты оказался таким практичным, таким отстранённым. Тот независимый человек, который не хотел ни во что ввязываться, раз время ещё не пришло, — это ведь, был ты.

— Чарлин, мне уже досталось за эти Откровения в мою бытность монахом. Я чувствовал, что жертва окажется напрасной.

Похоже, мои оправдания подействовали на неё раздражающе, и она отвела глаза. Майя, наклонившись, коснулась моей руки:

— Вы сейчас оправдывались, защищались. Когда вы отвечаете таким образом, другой человек чувствует, что его не слышали.

Затаившаяся эмоция задерживается, не уходит, потому что он продолжает думать, как заставить вас понять, убедить вас. Или же она уходит в подсознание и остаётся там, а это понижает уровень энергии между вами.

В любом случае, отрицательная эмоция остаётся проблемой, мешающей вам. Я бы посоветовала вам признать, что у Чарлин есть все основания упрекать вас.

Я посмотрел на Чарлин:

— О да, я признаю это. Жаль, что я не помог тогда. Может, мне удалось бы сделать что-нибудь, если бы я не струсил.

Чарлин кивнула и улыбнулась.

— А вы сами? — спросила Майя, глядя на меня. — Что вы испытываете по отношению к Чарлин?

— Пожалуй, некоторое чувство вины, — ответил я. — Не столько из-за того случая, сколько из-за теперешней ситуации. Я на несколько месяцев отдалился. Думаю, если я поговорил бы с ней сразу же по возвращении из Перу, мы сумели бы остановить эксперимент раньше и ничего из того, что происходит сейчас, не произошло бы.

Никто не возразил мне.

— Есть ещё какие-нибудь другие чувства? — спросила Майя.

Мы с Чарлин только посмотрели друг другу в глаза. После этого, все мы, под руководством Майи, сосредоточились, чтобы повысить свою энергию насколько возможно.

Сосредоточившись на красоте того, что меня окружало, я ощутил, как во мне поднимается волна любви. Приглушённые цвета стен и пола пещеры стали ярче, чуть ли не засветились. Все лица казались свежее, энергичнее. Вдоль позвоночника у меня пробежал озноб.

— Теперь, — сказала Майя, — мы готовы к тому, чтобы представить себе, как собирались поступить на этот раз. — Она задумалась, потом проговорила:

— Я... я знала, что это произойдёт. Это было в моём Видении рождения. Мне предстояло руководить этим процессом. Мы не умели этого делать, когда пытались остановить ту войну.

Пока она говорила, я заметил позади нее, на стене пещеры, какое-то движение. Сперва я

подумал, что это пробежал отблеск света, но потом понял: этот яркий, насыщенный зелёный цвет точно такой же, как там, где я видел Майю среди её сонма душ...

Я сосредоточился, и световое пятно развернулось в целую голографическую картину, заполнившую всю стену. Я взглянул на остальных: похоже, никто, кроме меня, не видел её. Я понял, что вижу сонм душ Майи, и тут же начал воспринимать интуитивную информацию.

Я снова наблюдал её Видение рождения, её возвышенное намерение родиться именно в данной семье, болезнь её матери, порождённый ею интерес к медицине, — особенно к связи между разумом и телом, а затем — и всех нас, сидящих в этой пещере.

Я отчётливо услышал: «Никакая группа не сможет достичь своего высшего творческого потенциала, пока все её члены не освободятся сознательно от отрицательных эмоций и не повысят свой уровень энергии».

— Освободившись от эмоций, — говорила тем временем Майя, — группе легче пройти мимо борьбы за власть, проблем, связанных со стремлением контролировать ситуацию, и достичь своего полного творческого потенциала.

Но мы должны проделать это сознательно, найдя в лице каждого то, что является высшим выражением его «я».

Кэртис, судя по всему, не понял, поэтому Майя продолжала объяснять:

— Из Восьмого откровения следует, что, присмотревшись к лицу другого человека, мы можем под его, так сказать, защитным выражением разглядеть подлинное выражение его истинного «я».

Большинство людей, обычно, не знает, на что нужно обращать внимание, когда говоришь с кем-то. На глаза? Но сосредоточить внимание сразу на обоих трудно. Тогда на котором из них? Или следует смотреть на самую выдающуюся часть лица — на нос или рот?

На самом деле, нужно охватить взглядом всё лицо. В его уникальной игре света и теней, в совокупности его черт, можно отыскать его истинное выражение, свет души этого человека, проглядывающий сквозь них.

Когда мы сосредоточены на любви, её энергия направляется, как раз, на это высшее выражение его личности; тогда человек меняется на наших глазах, и проявляются все его высшие способности.

Все великие учителя всегда посылали своим ученикам энергию именно такого рода. Потому-то они и были великими учителями.

Но этот эффект ещё более усиливается в группах, все члены которых взаимодействуют друг с другом таким образом, потому что каждый посылает энергию другим, и все они поднимаются на новый уровень мудрости, дающий ещё больше энергии, которая потом направляется на всех остальных — на каждого из них.

В этом заключается эффект расширения или роста, — закончила она.

Я смотрел на Майю, стараясь уловить её высшее выражение. Куда девались её усталость, её внутреннее сопротивление? Теперь все её черты выражали уверенность, целеустремлённость.

Я заметил, что и остальные таким же образом сосредоточили своё внимание на лице Майи. Я снова взглянул на неё и различил вокруг неё то же зелёное сияние, окружавшее её сонм душ. Она не просто впитывала их знание: между ними и ею, похоже, существовала глубокая гармония.

Закончив говорить, Майя сделала глубокий вдох. Я почувствовал, как энергия уходит от неё.

Тут заговорил Кэртис:

— Я всегда знал о том, что в группах достигается, более высокий уровень функционирования, особенно, при совместной работе, но самому никогда не доводилось испытывать этого — до сегодняшнего дня...

Я знаю, что пришёл в это измерение, чтобы способствовать преобразованию бизнеса, изменению наших представлений о его творческом потенциале, а в конечном итоге — обретению возможности правильно использовать новые источники энергии и осуществить автоматизацию производства, как о том говорится в Девятом откровении.

Он на мгновение задумался, потом продолжал:

— Я имею в виду вот что. Бизнес часто сравнивают с алчным, без чести и совести злодеем, творящим произвол. Думаю, что в прошлом дело обстояло именно так. Но я чувствую, что он также идёт к обретению духовности и что нам необходима новая этика бизнеса.

В этот момент опять я уловил игру света, на сей — раз за спиной Кэртиса, и, понаблюдав несколько секунд, понял, что речь идёт о его сонме душ.

Сосредоточившись на них, я, как и в случае с Майей, смог воспринять их коллективное знание. Кэртис появился на свет в разгар промышленной революции, последовавшей сразу же за Второй мировой войной.

Овладение ядерной энергией явилось высочайшим триумфом и худшим кошмаром материалистического мировоззрения, и Кэртис вступил в этот мир с видением того, что отныне технический прогресс может стать сознательным и именно на этой основе проложит человечеству дорогу к выполнению его предназначения.

— Лишь теперь, — продолжал Кэртис, — мы готовы к пониманию того, как сознательно развивать бизнес и складывающуюся новую технологию; теперь всё встало на свои места.

Не случайно одной из важнейших статистических категорий в экономике является индекс производительности: сколько товаров и услуг производится каждым индивидуумом в нашем обществе.

Производительность постоянно увеличивается благодаря открытиям в области технологий и более широкому использованию природных ресурсов и энергии. С течением времени индивидуум находит всё более эффективные способы создавать что-то.

Пока он говорил, мне в голову пришла одна мысль. Я было решил не делиться ею ни с кем, но тут все взгляды обратились на меня, и я сказал:

— Разве вред, причиняемый окружающей среде развитием экономики, не создаёт естественного ограничения бизнесу? Нельзя, чтобы всё шло, как раньше, потому что иначе, от окружающей среды просто ничего не останется.

Многие виды морской рыбы уже просто нельзя употреблять в пищу. Число раковых заболеваний растёт просто угрожающими темпами.

Даже Ассоциация американских врачей признаёт, что беременным женщинам и детям не следует есть покупные овощи из-за наличия в них остатков пестицидов. Если всё это будет продолжаться, вы можете себе представить, какой мир мы оставим в наследство нашим детям?

Произнеся эти слова, я вспомнил, что говорил Джоэл о крахе окружающей среды. Мною овладел тот же Страх, и мой энергетический уровень снизился.

И вдруг ко мне хлынул целый поток энергии; остальные всматривались в моё лицо, стараясь снова увидеть моё истинное выражение. Я быстро восстановил свой уровень.

— Вы правы, — сказал Кэртис, — но наш ответ на эту проблему уже в пути. До сих пор мы развивали технологию, как бы, бессознательно, забывая, что живём на органической планете, планете энергии.

Но, одна из наиболее творческих областей бизнеса — это контроль над загрязнением окружающей среды.

Наша проблема заключалась в том, что мы надеялись на правительство: дескать, это оно должно принимать меры против тех, кто наносит ей вред.

Загрязнение окружающей среды уже давно является нарушением закона, но правительство

никогда не сможет справиться с нелегальным сбросом химических отходов или ночной продувкой дымовых труб.

Биосфера так и будет загрязняться, пока обеспокоенные граждане сами не возьмутся за свои видеокамеры и не начнут ловить виновных на месте преступления.

В определённом смысле, бизнес и занятые в нём служащие должны регулировать сами себя.

Майя выпрямилась:

— А я вижу другую проблему, порождённую развитием экономики. Я имею в виду всех тех, кто теряет работу по мере того, как производство всё более автоматизируется. Как они могут выжить? У нас всегда был многочисленный средний класс, а теперь он быстро сокращается.

Кэртис улыбнулся, глаза у него заблестели. За его спиной ещё ярче проявился коллективный образ его сонма душ.

— Эти люди сумеют выжить, научившись прислушиваться к «окликам внутреннего голоса». Нам всем следует понять, что дороги назад нет. Мы уже вступили в век информации.

Каждому придётся самому заняться собственным образованием и сделать это как можно лучше, чтобы стать специалистом в той или иной области и оказывать другим соответствующие услуги.

Чем больше техники у нас на службе, чем быстрее изменяется мир, тем больше у нас потребность получать информацию именно от нужного человека и именно в нужный момент.

Для этого, необязательно формальное образование: каждый сам создаёт себе нишу посредством самообразования.

Для того чтобы устроить всё оптимальным образом, бизнес должен измениться, обрести высшее понимание.

Вместо того чтобы задаваться вопросом: «Выпуском какой продукции или оказанием каких услуг мне заниматься, чтобы заработать побольше?» — мы уже начинаем спрашивать себя:

«Что я могу создавать такого, что освобождало бы людей, давало им информацию, делало бы мир лучше и, вместе с тем, сохраняло такое зыбкое равновесие окружающей среды?»

К свободному предпринимательству уже прибавляется новый этический кодекс. Все мы, где бы мы ни находились, должны пробудиться и задаться вопросом:

«Что мы создаём и сознательно ли это служит той главной цели, ради которой, прежде всего, и была изобретена технология?»

А цель эта такова: облегчить ежедневное существование, чтобы важнейшим ориентиром жизни стало не просто выживание и достижение возможного уровня комфорта, а обмен информацией чисто духовного порядка.

Каждый из нас должен стремиться к участию в эволюции в сторону всё большего снижения стоимости жизни, пока основные средства выживания не окажутся фактически бесплатными.

Мы можем приблизиться к действительно просвещённому капитализму, если вместо того, чтобы взвинчивать цены настолько, насколько выдержит рынок, будем следовать новой этике бизнеса, основанной на снижении цен на определённый процент, как сознательное подтверждение избранного нами курса в развитии экономики.

Это будет нечто вроде церковной десятины, добровольно уплачиваемой в интересах реализации Девятого откровения, — закончил Кэртис.

Чарлин с сияющим лицом повернулась к нему.

— Я поняла! Если все бизнесмены понизят свои цены на десять процентов, стоимость жизни каждого, включая и самих бизнесменов, привязанных к закупкам сырья и оборудования, тоже понизится.

— Верно, хотя, при этом, некоторые цены могут временно возрасти, поскольку каждый: будет принимать во внимание стоимость переработки отходов и других мер, связанных с

охраной окружающей среды. Однако, в общем и целом, цены будут систематически снижаться.

— А разве это не случается, время от времени, — спросил я, — в результате взаимодействия рыночных сил?

— Конечно, — подтвердил Кэртис, — но этот процесс можно ускорить, если сделать его сознательным, хотя, как предсказывает Девятое откровение, его значительно усилит открытие чрезвычайно дешёвого источника энергии.

Похоже, Феймэн уже сделал это. Но для того чтобы это открытие действительно способствовало освобождению человека, доступ к энергии должен быть, как можно менее дорогим.

Говоря об этом, он всё больше вдохновлялся. Глаза его были обращены на меня:

— Я пришёл в земное измерение, чтобы продвигать эту экономическую идею. Я никогда ещё не видел её так ясно. Вот почему я хотел испытать в жизни всё то, что испытал: я хотел подготовиться к передаче этого послания.

— Вы на самом деле думаете, что достаточно большое число людей пойдёт на добровольное снижение цен? — спросила Майя. — Особенно имея в виду, что от этого пострадает их собственный карман? По-моему, это противоречит человеческой натуре.

Кэртис не ответил. Вместо этого он, как и остальные, устремил взгляд на меня, как будто именно у меня был ответ на этот вопрос. Почувствовав приток энергии, я начал говорить:

— Кэртис прав. Так или иначе, мы сделаем это, даже если придётся пойти на кратковременное сокращение собственных прибылей.

Всё это бессмысленно до тех пор, пока мы не усвоим Девятое и Десятое откровения.

Если человек считает, что вся жизнь сводится только к выживанию в абсурдном, недружелюбном мире, то вполне логично посвятить все свои умственные способности лишь тому, чтобы устроиться в этой жизни с наибольшим комфортом и обеспечить такие же возможности своим детям.

Но если он усвоил первые Девять откровений и смотрит на жизнь, как на духовную эволюцию, сопряжённую с духовными же обязанностями, тогда его представления полностью меняются.

А начав понимать Десятое откровение, мы видим процесс рождения в перспективе Афтерлайфа и отдаём себе отчёт, что все мы находимся здесь, чтобы связать земное измерение с небесной сферой.

Кроме того, возможности и успех — процессы крайне таинственные, и, организуя нашу экономическую жизнь с ориентировкой на высший, главнейший план, мы одновременно входим в контакт с другими людьми, делающими то же самое, и тогда для нас внезапно начинается процветание.

Мы сделаем это, — продолжал я, — потому что именно к этому приведут каждого из нас интуиция и совпадения. Мы вспомним больше о своих Видениях рождения, и станет ясно, что мы собирались сделать что-то хорошее для мира.

А важнее всего вот что: мы будем знать, что, если не будем следовать интуиции, то прекратятся волшебные совпадения, исчезнет ощущение вдохновения и самой жизни, и, в итоге, нам придётся созерцать свои действия из Афтерлайфа, в рамках Обзора жизни. И нам придётся увидеть собственное поражение.

Я оборвал сам себя, заметив, что Чарлин и Майя воззрились широко раскрытыми глазами в пространство позади меня. Я обернулся: там смутно виднелся мой сонм душ. Их были многие десятки — столько, что они терялись вдали, а стены пещеры как будто растворились.

— На что это вы все смотрите? — поинтересовался Кэртис.

— Это его сонм душ, — ответила Чарлин. — Я видела их, когда была у водопадов.

— Я видел сонмы также за спиной у Майи и Кэртиса, — сказал я.

Майя быстро обернулась. Коллективный образ сонма позади нее померцал раз-другой, затем стал совсем отчётливым.

— Я ничего не вижу, — сообщил Кэртис. — Где они там?

Майя продолжала смотреть всё так же широко распахнутыми глазами. Она явно видела все сонмы.

— Они ведь помогают нам, да? Они могут дать нам то видение, которое мы ищем.

Едва она произнесла эти слова, как все сонмы душ резко отделились и стали видеться менее ясно.

— Что случилось? — удивилась Майя.

— Это из-за вас — точнее, из-за ожиданий, которые вы на них возлагаете, — объяснил я. — Если вы рассчитываете на их энергию, как на замену вашей собственной внутренней связи с Божественной энергией, они уходят. Со мной было то же самое.

Чарлин кивком дала мне понять, что согласна с моими словами:

— И со мной тоже. Они — как семья. Мы связаны с ними мысленно, но должны поддерживать нашу собственную связь с Божественным источником — только тогда мы можем войти в контакт с ними, воспринять то, что знают они, — а это, на самом деле, наша собственная высшая память.

— Так они хранят для нас эту память? — спросила Майя.

— Да, — ответила Чарлин, глядя на меня. Она собиралась сказать что-то ещё, но так и не сказала — задумалась, некоторое время сидела так и лишь потом заговорила снова:

— Я начинаю понимать то, что видела в другом измерении. В Афтерлайфе каждый из нас происходит из какого-то сонма душ, а каждый из сонмов имеет, как бы, свой собственный угол зрения, свою истину, которую может предложить остальному человечеству. — Она взглянула на меня:

— Вот ты, например, приходишь из сонма помощников. Ты знаешь, кто это такие? Это души, помогающие развитию нашего философского понимания смысла жизни.

Всякий, кто принадлежит к этому сонму, всегда старается найти лучший и наиболее всеобъемлющий способ описания духовной действительности.

Вот, например, ты — на тебя наваливается всё новая, сложная информация, но ты упрям: ты не сдаёшься, пробиваешься сквозь неё, изучаешь, и так до тех пор, пока не найдёшь способ выразить её ясно.

Я взглянул на неё искоса, заставив рассмеяться.

— Да, такой вот у тебя дар, — ласково заключила она, затем, повернувшись к Майе, продолжала: — А вы, Майя, вы и ваш сонм душ ориентированы на здоровье и благополучие.

Души вашего сонма считают себя укрепителями физического измерения; они поддерживают наши клетки в оптимальном состоянии, наполняют их энергией, отслеживают и удаляют эмоциональные блоки, прежде чем они проявят себя в форме болезни.

Сонм душ Кэртиса занимается преобразованием использования технологии, а также нашим пониманием торговли. На протяжении всей человеческой истории этот сонм прилагал все усилия, чтобы придать духовность понятиям «деньги» и «капитализм», довести их до идеала.

Она замолчала, а за спиной у неё я уже видел мерцающий свет.

— А как насчет тебя самой, Чарлин? — спросил я. — Чем занимается твой сонм душ?

— Мы — журналисты, исследователи, — ответила она, — работающие, чтобы помочь людям ценить друг друга и учиться друг у друга.

Журналистика призвана заглядывать в самую глубь жизни тех людей и организаций, о которых мы пишем, изучать то, во что они верят, их истинную сущность, их высшее выражение

точно так же, как мы делаем это сейчас, глядя друг на друга.

Мне снова припомнилась моя беседа с Джоэлом, особенно его усталый цинизм.

— Нечасто можно встретить журналистов, действительно занимающихся этим, — заметил я.

— А мы пока и не занимаемся, — ответила она. — Пока ещё нет. Но это — тот идеал, в сторону которого эволюционирует профессия.

Это — наше истинное предназначение, и мы будем выполнять его, как только освободимся от неуверенности и от старого мировоззрения, диктующего, что непременно требуется «победить», обеспечить себе приток энергии, статус.

Вполне логично, что я хотела родиться именно в той семье, в которой родилась. Там все были ужасно любознательными, и я удовлетворяла их жажду информации.

Вот почему я так долго была репортёром, а потом пошла работать в исследовательскую фирму. Мне хотелось способствовать выработке этики репортёрского дела, а потом присоединиться к...

Она замолчала, словно задумавшись, устремив невидящий взгляд на пол пещеры, потом её глаза расширились, и она снова заговорила:

— Я знаю, как обретается Видение мира. Вспоминая свои Видения рождения и объединяя их, мы, как бы, сливаем вместе мощь наших сонмов душ в ином измерении, а это помогает нам вспомнить ещё больше, и так, в конце концов, мы обретаем всеобъемлющее Видение мира.

Все воззрились на неё, не вполне понимая.

— Взгляните на картину целиком, — принялась объяснять она.

— Каждый человек на Земле принадлежит к тому или иному сонму душ, а эти сонмы душ представляют различные профессиональные группы, существующие на планете: медиков, юристов, бухгалтеров, компьютерщиков, фермеров, то есть, все области человеческой деятельности.

Как только человек находит своё истинное дело, работу, которая его действительно удовлетворяет, он начинает сотрудничать с другими членами своего сонма душ.

По мере того, как каждый из нас пробуждается и начинает вспоминать своё Видение рождения — для чего он пришел на Землю, — профессиональная группа, к которой он принадлежит, всё в большей степени смыкается с такой же группой, то есть, сонмом, в другом измерении.

Таким вот образом каждая профессиональная группа на Земле движется к своей истинной цели — цели души, к служению человеческому обществу.

Мы слушали, как зачарованные!

— Возьмём для примера нас, журналистов, — продолжала Чарлин. — На протяжении всей истории нас больше всех интересовало то, чем занимаются другие представители человеческой культуры.

И вот несколько веков назад, мы достаточно осознали себя, чтобы образовать свой, так сказать, цех. С тех пор мы всё время расширяем круг используемых средств информации, а также круг людей, о которых сообщаем. Однако, так же, как и все прочие, мы страдали от неуверенности.

Мы чувствовали, что для того, чтобы обеспечить себе внимание остальной части человечества, а следовательно, приток энергии, мы должны создавать всё более сенсационные истории, полагая, что сбыт найдут только те, что замешаны на чём-то отрицательном, на насилии.

Но это — весьма далеко от нашей истинной роли. Наша духовная роль заключается в том, чтобы углублять наше восприятие других, одухотворять его.

Мы должны видеть и затем сообщать, чем занимаются различные сонмы душ и индивидуумы внутри их, во что они верят, что считают правильным; благодаря этому, всем станет легче знакомиться с истинами, которые предлагают другие.

То же самое происходит с каждой профессиональной группой: все мы пробуждаемся, чтобы вспомнить то истинное послание, которое несём, нашу цель. И когда это случится на всей планете, мы сможем двигаться дальше.

Мы можем тесно ассоциироваться в духовном плане с людьми за пределами своего собственного сонма — точно так же, как делаем это здесь.

Мы все поделились друг с другом своими Видениями рождения и вместе подняли уровень нашей вибрации, а это преобразует не только человеческое общество, но также и культуру в Афтерлайфе.

Сначала каждый из наших сонмов душ приближается по уровню вибрации к нам, находящимся на Земле, а мы — к ним, и так оба измерения раскрываются навстречу друг другу.

Благодаря этому, между ними образуется связь. Мы можем наблюдать души в Афтерлайфе и более готовы к восприятию их знания и памяти. Это происходит на Земле всё чаще.

Пока Чарлин говорила, я заметил, что сонмы душ, находившиеся за спиной каждого из нас, расширяются, растут — и, наконец, они соприкоснулись, образуя вокруг нас сплошное кольцо.

И тут же, как бы толчком, ко мне пришло более высокое понимание.

Чарлин, казалось, тоже почувствовала это. Она перевела дух и продолжала ещё более увлеченно:

— Кроме этого, в Афтерлайфе происходит вот что: сами сонмы сближаются и, как бы, резонируют друг с другом. Именно поэтому Земля находится в центре внимания душ на Небесах.

Они не могут объединиться сами по себе. Многие сонмы там остаются разрозненными, вне резонанса друг с другом, потому что они живут в воображаемом мире идей, который мгновенно возникает и так же мгновенно исчезает, поэтому, действительность всегда произвольна.

Там нет естественного мира, нет атомарной структуры, как у нас здесь, которая служила бы устойчивой платформой, основой, такой привычной всем нам.

Мы влияем на то, что там происходит, однако, идеи проявляют себя намного медленнее, поэтому, мы должны прийти к какому-то соглашению относительно того, что мы хотели бы, чтобы случилось в будущем.

Это соглашение, этот консенсус, это единство видения на Земле также способствует объединению сонмов душ в Афтерлайфе. Вот почему земное измерение почитается таким важным. Именно в физическом измерении происходит истинное слияние душ!

И именно это слияние душ стоит за тем длинным историческим путём, которым идёт человечество.

Сонмы душ в Афтерлайфе понимают Видение мира, видение того, как физический мир может эволюционировать, а измерения — сблизиться, но это могут совершить только индивидуумы, рождающиеся в физическом измерении, каждый сам по себе, с надеждой двинуть земную действительность в оговорённом направлении.

Физическая арена — это театр, в котором эволюция проигрывается для обоих измерений, а теперь мы стараемся привести всё это к кульминации путём сознательного воспоминания о том, что происходит.

Жестом руки она, как бы, охватила нас всех:

— Это — то знание, которое мы вспоминаем вместе, вот прямо сейчас, и то знание, которое другие группы, такие же, как мы, вспоминают по всей планете.

Все мы имеем по фрагменту полного Видения, и когда мы делимся с другими тем, что знаем, и объединяем наши сонмы душ, — тогда мы действительно готовы сделать всю картину

сознательной.

Слова Чарлин были прерваны лёгкой дрожью, пробежавшей по полу пещеры. С потолка посыпались комочки пыли. Одновременно мы снова услышали гудение, но на сей раз диссонанса не было: оно было почти гармоничным.

— О Господи, — выговорил Кэртис, — они почти справились с калибровкой. Нам нужно идти назад, в бункер. — Он сделал движение, чтобы встать, и энергетический уровень группы резко упал.

— Подождите, — остановил его я. — Что мы будем делать там? Мы же договорились, что отсидимся тут до темноты, а до неё ещё не один час. Я бы советовал остаться здесь.

Мы достигли высокого уровня энергии, но ещё не прошли весь процесс до конца. Мы, вроде бы, избавились от остаточных эмоций, нарастили свою энергию и поделились друг с другом своими Видениями рождения, но ещё не обрели Видения мира.

Думаю, мы сумеем сделать больше, если останемся тут, в безопасности, и попытаемся продвинуться дальше. — Говоря это, я снова увидел всех нас, собравшихся вместе в долине, в темноте.

— Для этого слишком поздно, — заметил Кэртис. — Они готовы довести эксперимент до конца. Если ничего нельзя сделать, нам нужно отправляться туда — и прямо сейчас.

Я в упор взглянул на него:

— Вы же говорили, что они, вероятно, попытаются убить Чарлин. Если нас поймают, то сделают то же самое с нами.

Майя сжала руками голову, Кэртис отвернулся, пытаясь сладить с охватившей его паникой.

— Ну, я пошёл, — наконец произнес он.

Чарлин подалась вперёд:

— По-моему, нам лучше бы оставаться вместе. На миг я снова увидел её в индейской одежде среди девственных лесов девятнадцатого века. Образ быстро растаял.

Майя поднялась:

— Чарлин права. Мы должны оставаться вместе, и было бы неплохо, если бы мы смогли увидеть, чем они там занимаются.

Я выглянул из пещеры, ощущая, как внутри волной поднимается тревога.

— Что нам делать с этим... оперативником... который там, снаружи?

— Затачим его в пещеру и оставим здесь, — подал идею Кэртис — Пошлём за ним кого-нибудь утром... если сумеем.

Я нашёл глазами глаза Чарлин, затем, кивнул в знак согласия.

Воспоминание о будущем

Стоя на коленях на вершине холма, мы внимательно оглядывали находившийся напротив нас склон хребта. В Меркнущем свете раннего вечера я не заметил ничего необычного: все было спокойно, охранников не видно.

Гудение, которое мы слышали почти на всём протяжении нашего сорокаминутного маршброска, совершенно стихло.

— Вы уверены, что это то самое место? — спросил я Кэртиса.

— Да. Видите четыре больших валуна на высоте, примерно, пятидесяти футов? Вход в бункер чуть пониже их, в кустах. А справа, вон там, как раз виднеется верх спутниковой антенны. Похоже, она снова работает.

— Вижу, — подтвердила Майя.

— А где охранники? — спросил я. — Может быть, они ушли?

Мы наблюдали за входом почти час, стараясь не двигаться и не разговаривать более необходимого, пока темнота не укроет долину.

И вдруг у нас за спиной послышался шорох, вспыхнули фонарики, слепя нас светом, и четверо вооружённых мужчин, держа нас на прицеле, приказали нам поднять руки.

Минут десять они обыскивали нас, рылись в снаряжении, затем повели нас вниз по склону холма, а потом снова вверх — ко входу в бункер.

Дверь распахнулась, и на пороге появился разгневанный Феймэн.

— Разве это те, кого мы ищем? — рявкнул он. — Где вы их нашли?

Один из охранников объяснил, как всё случилось. Феймэн, слушая, качал головой, рассматривая нас в полосах света, затем подошел ближе:

— Что вы здесь делаете?

— Вы должны остановить то, что вы тут делаете! — почти выкрикнул Кэртис. Феймэн взгляделся в него:

— Кто вы такой?

Фонари охранников высветили лицо Кэртиса.

— Кэртис Уэббер... чёрт меня побери, — произнёс Феймэн. — Это ведь вы взорвали нашу тарелку?

— Выслушайте меня, — не отвечая, заговорил Кэртис. — Вы же знаете, этот генератор становится слишком опасным на таких уровнях. Вы можете разрушить всю долину!

— Вы всегда были паникёром, Уэббер. Потому мы вас и уволили из «Делтека». Я слишком долго трудился над этим проектом, чтобы отказаться от него сейчас. Всё будет отлично работать — точно так, как я планировал.

— Но, зачем вам это? Займитесь маленькими установками для домашнего пользования. К чему так наращивать выход энергии?

— Это не ваше дело. Лучше помалкивайте.

Кэртис шагнул к нему.

— Вы хотите централизовать процесс получения энергии, чтобы держать его под своим контролем. Это — неправильно.

Феймэн улыбнулся:

— Новую энергетическую систему необходимо подключать поэтапно. По-вашему, следует в одночасье свести огромные расходы на оплату энергии практически к нулю?

Эта внезапная колоссальная прибавка к доходам в масштабах планеты вполне способна породить гиперинфляцию, а массовая реакция, которая, вероятно, за ней последует, ввергнет нас

в депрессию.

— Вы же знаете, что это — неправда, — возразил Кэртис. — Сокращение затрат на энергию в огромной степени повысит эффективность производства, будет способствовать выпуску большего количества товаров по более низким ценам. Никакой инфляции не будет.

Вы делаете всё это ради самого себя. Вы хотите централизовать производство, чтобы забрать в свои руки контроль над доступом к энергии и над ценами. Невзирая на всю опасность этой затеи!

Феймэн сердито возрился на него:

— Вы такой наивный! Вы что же — думаете, те, кто сейчас контролирует цены на энергию, допустят внезапный массовый переход на дешёвый источник? Конечно же нет!

Это должно быть централизовано и надлежаще организовано — только тогда оно вообще будет работать. И я буду известен, как человек, сделавший это! Это то, ради чего я родился!

— Это неправда! — воскликнул я. — Вы родились ради другой цели — помочь нам!

Феймэн резко повернулся ко мне:

— Заткнитесь! Вы слышите меня? Заткнитесь все! — Он глазами нашёл Чарлин: — Что случилось с человеком, которого я послал с вами?

Чарлин, не отвечая, отвела глаза.

— У меня нет времени на это! — снова заорал Феймэн. — Советую вам подумать о своей личной безопасности — вот прямо сию минуту. — Он замолчал, глянул на нас, потряс головой и подошёл к одному из вооружённых людей.

— Держите их здесь, всех вместе, пока всё не кончится. Нам нужен ещё только час. Если попытаются убежать, пристрелите их.

Охранник быстро переговорил с остальными тремя, и все они, отойдя футов на тридцать, образовали круг — точнее, квадрат, в центре которого находились мы.

— Сядьте, — распорядился один из них.

Мы сели на землю лицом друг к другу. Было темно. Наша энергия была почти исчерпана. Сонмы душ не показывались с тех пор, как мы ушли из пещеры.

— Как ты думаешь, что нам теперь делать? — спросил я Чарлин.

— Всё то же самое, — шёпотом ответила она. — Нужно снова поднять энергию.

Темнота была почти полной, если не считать конусов света от фонарей охранников, которые всё время метались, высвечивая нас. Я едва мог различить лица других, хотя мы сидели тесным кружком, всего футов в восьми друг от друга.

— Надо попробовать убежать, — шепнула Чарлин. — Думаю, они убьют нас.

И тут я припомнил кое-что из Видения рождения Феймэна. Он видел себя вместе с нами, в лесу, в темноте. Я знал, что там было ещё что-то, но не мог вспомнить.

— Нет, — сказал я, — думаю, мы должны остаться и попробовать ещё раз.

В этот момент воздух прорезал громкий звук, напоминавший прежнее гудение, но более гармоничный, почти приятный слуху. И снова земля под нами довольно ощутимо вздрогнула.

— Мы должны поднять энергию, и немедленно! — прошептала Майя.

— Не знаю, сумею ли я сделать это здесь, — усомнился Кэртис.

— Вы должны! — сказал я.

— Давайте сосредоточимся друг на друге, как раньше, — добавила Майя.

Я попытался мысленно отрешиться от того, что нас окружало, и вернуться к внутреннему состоянию любви. Абстрагировавшись от темноты и мелькания лучей фонариков, я сосредоточился на красоте лиц, которые видел перед собой, стараясь уловить их высшее выражение.

И тут же заметил, что вокруг что-то начало меняться. Мало-помалу лица передо мной

отчётливо проявились, как если бы я созерцал их с помощью прибора ночного видения.

— Что мы будем визуализировать? — с отчаянием в голосе спросил Кэртис.

— Мы должны вернуться к нашим Видениям рождения, — ответила Майя. — Вспомнить, для чего мы пришли сюда.

Внезапно земля содрогнулась; звук, производимый экспериментальной установкой, снова стал резким, диссонирующим.

Мы сдвинулись ближе, Наши мысленные усилия слились воедино. Мы знали, что так, объединёнными силами, можем как-то нейтрализовать то страшное, разрушительное, что сейчас происходит.

Мне даже представилось, как Феймэна отбрасывает назад, всё его оборудование взрывается и горит, а люди в ужасе разбегаются.

Новая звуковая волна нарушила мою сосредоточенность. В полусотне футов от нас огромная сосна разломилась пополам и с грохотом рухнула.

Со звуком, напоминающим многократно усиленный треск разрывающейся ткани, земля между нами и охранником справа раскололась, образовав трещину футов пять шириной, из которой вырвался столб пыли. Охранник шарахнулся назад; луч его фонарика панически заметался в темноте.

— Не действует! — вскрикнула Майя.

Ещё одно дерево рухнуло слева: трещина расселась ещё на четыре-пять футов, и это новое сотрясение швырнуло нас на землю.

Майя, охваченная ужасом, вскочила на ноги.

— Я должна уйти отсюда! — выкрикнула она, бросаясь в темноту. Она бежала на север. Охранник, находившийся с той стороны и тоже сбитый с ног подземным толчком, поднялся на колени и, поймав Майю в конус света своего фонарика, поднял пистолет.

— Нет! Подождите! — крикнул я.

Майя, оглянувшись на бегу, увидела охранника, прицелившегося в неё и готового выстрелить. А дальше всё стало, как в фильме с замедленной съёмкой.

Когда пистолет выстрелил, в каждой чёрточке лица Майи отразилось понимание того, что она сейчас умрёт.

Но, когда пули уже были готовы вонзиться в её тело, вдруг, перед ней вспыхнула завеса белого света, и смертоносный металл не коснулся её. На миг она замерла на месте, потом рванулась и скрылась в темноте.

Одновременно с этим, Чарлин, воспользовавшись суматохой, вскочила и ринулась в другом направлении — на северо-восток. В темноте, среди ещё не осевшей пыли, охранники не заметили её.

Я тоже было бросился бежать, но охранник, до этого стрелявший в Майю, направил пистолет на меня. Реакция Кэртиса была мгновенной: он рванул меня за ноги, и я упал.

Позади нас распахнулась дверь бункера, оттуда выскочил Феймэн, бросился к спутниковой антенне и неистово забарабанил пальцами по кнопкам панели управления. Постепенно гул стал утихать, земля под ногами перестала двигаться и лишь вздрагивала.

— Ради Бога! — крикнул ему Кэртис. — Вы должны остановить это!

Феймэн обратил к нему покрытое пылью лицо.

— Не случилось ничего такого, с чем бы мы не могли справиться, — произнёс он с каким-то жутким спокойствием. Охранники один за другим поднимались на ноги, отряхивались и подходили к нам.

Феймэн Заметил, что Майи и Чарлин нет, но сказать ничего не успел: снова, разрывая барабанные перепонки, на нас обрушился вой, и земля, словно бы, подпрыгнула на несколько

футов.

Все опять попадали. Целый дождь острых щепок и веток от валящегося поблизости дерева заставил охранников отползти к бункеру.

— Ну! — прошипел Кэртис. — Бежим! Я не мог сдвинуться с места. Кэртис рывком поставил меня на ноги.

— Надо сматываться! — прокричал он мне в самое ухо.

Наконец, мои ноги заработали, и мы бросились бежать в том же направлении, что и Майя.

Земля ещё несколько раз вздрогнула, потом и её движение, и звуки прекратились. Несколько миль мы пробирались через тёмный лес, ориентируясь лишь по свету луны, пробивавшемуся сквозь листву, потом, оказавшись в небольшом соснячке, остановились.

— Думаете, они будут искать нас? — спросил я, стараясь отдышаться.

— Да, — ответил Кэртис. — Они не могут позволить, чтобы кто-нибудь из нас добрался до города. Вполне возможно, что они расставили своих людей на всех тропах, ведущих туда.

Пока он говорил, я мысленным взором вдруг отчетливо увидел водопады. Там всё было, как всегда: красиво, безмятежно. И тут я понял: то, что я безуспешно пытался вспомнить из видений Феймэна, — это именно они.

— Надо идти на северо-запад, к водопадам, — сказал я.

Кэртис движением головы указал на север, и тихо, насколько возможно бесшумно мы двинулись в этом направлении. Мы перешли вброд реку и направились к каньону.

Кэртис, время от времени, останавливался и маскировал наши следы. Во время остановок с юго-востока до нас доносился низкий рокот моторов.

Ещё через милю мы в лунном свете различили вздымающиеся вдали стены каньона. У самого входа в него нам нужно было перейти ручей, и вдруг Кэртис отскочил назад, заметив около дерева слева чей-то силуэт. Человек вскрикнул, рванулся в сторону и, потеряв равновесие, чуть не упал в воду.

— Майя! — воскликнул я, узнавая. Кэртис, оправившись от внезапного испуга, бросился к ней и вытащил на берег. Майя порывисто обняла его, потом меня.

— Не знаю, почему я бросилась бежать. Я была в панике, а единственной мыслью было: скорее к водопадам, о которых вы мне говорили. Я только молилась, чтобы кому-нибудь из вас тоже удалось уйти.

Прислонившись к большому дереву, она перевела дух, потом спросила:

— Что произошло, когда этот охранник начал стрелять? Почему пули не попали в меня? Я видела какой-то странный свет...

Мы с Кэртисом переглянулись.

— Не знаю, — ответил я.

— Он как будто успокоил меня, — продолжала Майя. — Я никогда не испытывала ничего подобного...

Мы молча смотрели друг на друга. И вдруг, в этой тишине я отчётливо расслышал шаги.

— Погодите, — шепнул я остальным, — там кто-то есть.

Мы присели, пригнулись и стали ждать. Прошло минут десять. Потом, из-за деревьев впереди нас появилась Чарлин.

— Слава Богу, я нашла вас, — выдохнула она, опускаясь на колени. — Как вам удалось?..

— Мы бросились бежать, когда рухнуло дерево, — ответил я.

— Я подумала, что, может быть, вы направитесь к водопадам, и сама пошла в ту же сторону, хотя не знаю, сумела ли бы я найти их в темноте, — Чарлин указала на водопады.

Майя жестом позвала нас, и мы все вышли на поляну у входа в каньон, через которую протекал впадавший в него ручей. Лунный свет ярко озарял траву и камни по обоим берегам.

— Может быть, у нас ещё есть шанс, — сказала Майя, движением руки приглашая всех сесть лицом друг к другу.

— Что мы будем делать? — спросил Кэртис. — Долго оставаться тут нельзя. Они могут прийти сюда.

Я взглянул на Майю с мыслью о том, что нам следовало бы отправиться к водопадам, но она показалась мне до такой степени заряженной энергией, что я только спросил:

— Как вы думаете, почему у нас не получилось?

— Не знаю, возможно, нас слишком мало. Вы же говорили, что должно быть семеро. Или, может быть, Страх чересчур силён.

Чарлин подалась вперёд:

— Я думаю, нам нужно вспомнить, какого уровня энергии мы достигли в пещере. Мы должны снова выйти на него.

В течение нескольких минут все старались сосредоточиться. Наконец, Майя сказала:

— Мы должны передавать друг другу энергию, искать высшее выражение каждого.

Сделав несколько глубоких вдохов, я снова всмотрелся в лица остальных. Постепенно они становились всё более прекрасными, начинали светиться, и я уже мог уловить истинное сияние их душ.

Окружавшие нас камни, деревья, кусты озарились так ярко, как будто луна вдруг засветила вдвое сильнее. Меня окатила уже знакомая волна любви, радости, счастья, и я оглянулся, зная, что увижу за спиной мерцающие фигуры моего сонма душ.

Мгновенно мое знание расширилось, выросло, и я понял, что позади каждого из моих друзей также находятся их сонмы, хотя их ещё и не видно.

Майя перехватила мой взгляд. Она смотрела на меня, совершенно открывшись навстречу, не тая ничего, и мне показалось, что я вижу на её лице отсвет её Видения рождения.

Она знала, кто она такая, и другие также могли видеть это. Её миссия была ясна; её прошлое явилось наилучшей подготовкой к выполнению этой миссии.

— Ощутите, что все атомы вашего тела вибрируют на более высоком уровне, — сказала она.

Я взглянул на Чарлин и увидел в её лице ту же ясность, тот же свет. Она представляла носителей информации, познающих и передающих жизненные истины, выражаемые каждым человеком или группой.

— Вы понимаете, что происходит? — спросила Чарлин. — Мы видим друг друга такими, какие мы есть на самом деле, на нашем высшем уровне, без эмоциональной проекции прежних страхов.

— Да, я понимаю, — отозвался Кэртис, вновь исполненный энергии и уверенности в себе.

В течение нескольких минут все молчали. Я закрыл глаза; энергия продолжала нарастать.

— Посмотрите-ка! — вдруг сказала Чарлин, указывая на сонмы душ, окружавшие нас.

Каждый из сонмов начинал сливаться с другими — так же, как мы видели в пещере. Я взглянул на Чарлин, потом на Кэртиса, потом на Майю. Теперь я видел на их лицах ещё более полное выражение того, кем они являлись, как участники долгого развития человеческой цивилизации.

— Вот оно! — воскликнул я. — Мы выходим на новый уровень — наблюдаем более полное Видение человеческой истории.

Перед нами огромной голограммой развернулся обзор истории — с самого начала и до того, что, по-видимому, было её отдаленным концом.

Настроившись, чтобы чётко видеть, я понял, что это изображение имеет много общего с тем, которое я созерцал раньше вместе со своим сонмом душ, — только теперь всё начиналось гораздо раньше, с рождения самой Вселенной.

Мы увидели, как зародилась первичная материя, как она существовала в виде звёзд, которые жили и умирали, извергая из себя огромное число разнообразных элементов, из которых, в конце концов, и образовалась Земля.

Эти элементы, в свою очередь, объединялись в тогдашней окружающей среде во всё более сложные вещества — и вот, наконец, возникла органическая жизнь, которая тоже двинулась вперёд, ко всё большей организованности и знанию, как будто, следуя единому всеобщему плану.

Многоклеточные организмы развились в рыб, рыбы — в земноводных, те эволюционировали в пресмыкающихся и птиц, а далее — в млекопитающих.

Перед нами открылась чёткая картина послезиженного измерения, и я понял, что частица каждой из находящихся там душ, в действительности являющихся частью человечества, пережила весь этот долгий, медленный процесс эволюции.

Мы плавали, будучи рыбами, ползали по земле, как земноводные, боролись за выживание в качестве пресмыкающихся, птиц, млекопитающих — и так, шаг за шагом, пока, наконец, не обрели человеческий вид, и всё это — в соответствии с планом.

Мы знали, что волна за волной, поколение за поколением будем рождаться, приходить в физическое измерение, и, независимо от того, сколько времени на это потребуется, мы будем стремиться к пробуждению, объединению, развитию и, в конечном счёте, к установлению на Земле той же самой духовной культуры, которая существует в Афтерлайфе.

Конечно, этот путь будет труден и извилист. Впервые интуитивно ощутив потребность пробудиться, мы ощутим также Страх перед одиночеством, разделением.

Но всё же, мы больше не погрузимся в сон — мы будем бороться со Страхом, полагаясь на неясное интуитивное знание того, что мы не одни, что мы — духовные существа, находящиеся на планете с духовной целью.

И, подчиняясь стремлению к эволюции, мы все вместе придём к этапу более многочисленных, более сложных социальных группировок, образуем множество профессиональных групп, преодолеем потребность наносить поражения и завоёвывать друг друга и, в конечном итоге, осуществим демократический процесс, посредством которого, новые идеи будут распространяться от одного к другому всё шире, и, синтезируясь, развиваться, складываясь во всё более всеобъемлющие истины.

И постепенно мы ощутим духовную опору, дающую чувство уверенности и надёжности, внутри самих себя, пройдя от выражения Божественного в виде богов, царящих в природе, через его выражение в виде единого Бога Отца, находящегося вне нас, к конечному его выражению — Духу Святому внутри нас.

Будут сначала интуитивно восприняты, затем, записаны священные книги, содержащие символическое выражение наших отношений и нашего будущего с этим единым божеством.

Провидцы и Востока и Запада разъяснят, что этот Святой Дух присутствует всегда и везде, что он всегда открыт для каждого и ожидает лишь, когда мы обретём способность раскатыться, открыться, ликвидировать блоки, препятствующие полному общению.

Мы знали, что, через какое-то время, наше стремление к объединению и общению расширится до того, что мы ощутим некую особую общность, более глубокую связь с теми, кто проживает в определённом географическом регионе планеты, и в человеческом мире начнут крепнуть политические образования — национальные государства, каждое из которых будет иметь на всё свою особую точку зрения.

Вскоре после этого, произойдёт настоящий взрыв в развитии ремёсел и торговли. Возникнет и проложит себе дорогу научный метод, а открытия, которые явятся его плодом, положат начало периоду бурного развития экономики и светской экспансии, известной как

промышленная революция.

И, опутав весь земной шар сетью экономических отношений, мы тут же сделаем следующий шаг к дальнейшему пробуждению и к воспоминанию о нашей полной духовной природе.

Откровения постепенно проникнут в человеческое сознание, и мы будем развивать нашу экономику в сторону её совместимости с окружающим нас миром Земли, и однажды, наконец, переступив через последнюю поляризацию сил, порождённую страхом, устремимся к новому, духовному мировоззрению.

В этот момент я быстро обвёл взглядом всех моих товарищей. Выражение их лиц сказало мне, что они также видят эту панораму земной истории. Одним кратким озарением нам было дано увидеть прогресс человеческого сознания от начала времён до настоящего момента.

Внезапно, в фокусе голограммы оказалась поляризация, представшая перед нами во всех подробностях.

Все люди Земли разделились, как бы, на два конфликтующих лагеря: одни тяготели к пока ещё смутному, но становившемуся всё более ясным видению преобразования, тогда как другие сопротивлялись, чувствуя, что важные ценности старого мировоззрения уходят навсегда.

Мы увидели, что в Афтерлайфе известно: этот конфликт явится для нас труднейшим испытанием на пути одухотворения физического измерения — особенно если поляризация примет крайние формы.

В этом случае, обе стороны укрепятся в иррациональной проекции зла друг на друга или, что ещё хуже, поверив тем, кто буквально истолковывает пророчества о конце времён, начнут думать, что не в состоянии повлиять на ожидающее нас будущее, и тогда полностью сдадут свои позиции.

Мы видели, что в Афтерлайфе нашим стремлением было разобраться в глубинном смысле этих пророчеств, что должно было помочь нам обрести Видение мира и решить проблему поляризации.

Также как и всё Священное писание, видения Даниила и Откровение являлись божественными проявлениями интуиции, пришедшими из Афтерлайфа в физическое измерение, и, как таковые, их и следовало понимать, помня, что они облечены в форму символов, родившихся в мозгу свидетеля, подобно тому, как рождаются сны.

Пророчества говорили о конце человеческой истории, на Земле, однако, для верующих этот конец должен был явиться совсем иным, нежели для неверующих.

Для неверующих предусматривался такой конец истории, который должен был начаться великими катастрофами, стихийными бедствиями, разрушением экономики.

И тогда, среди этого ужаса и хаоса, должен был явиться сильный вождь — антихрист, предлагающий восстановить порядок, но только если люди согласятся отказаться от своих свобод и носить на теле «знак зверя», чтобы иметь доступ к участию в автоматизированной экономике.

В конце концов, этот новый вождь должен был объявить себя богом и силой захватывать любую страну, не желающую покориться его порядку; сначала он должен был раздавить ислам, затем развязать войну между иудеями и христианами, а напоследок — ввергнуть весь мир в страшный Армагеддон.

Для верующих же, пророки предсказывали совершенно иной — и гораздо более приятный — конец истории.

Сохраняя верность духу, они должны были обрести духовные тела и перенестись в иное измерение, называемое Новым Иерусалимом, однако, могли, при желании, возвращаться в земное измерение, а затем — назад.

В конце концов, в определённый момент, Бог должен был вновь снизойти на Землю,

положить конец войне и установить тысячелетний мир, в котором не было бы ни болезней, ни смерти, и всё изменилось бы — даже природа хищников, которые отказались бы от мяса. И волк должен был возлечь с агнцем, а лев — есть солому, подобно быку.

Майя и Кэртис перехватили мой взгляд, тут же подняла голову и Чарлин; мы все, словно бы, разом проникли в глубинное значение пророчеств.

Свидетелям конца времён была дарована интуиция, сказавшая им, что в наше время, перед людьми откроются два различных варианта будущего.

Мы будем выбирать: изнывать ли от Страх, что мир движется к автоматизации в стиле «большого брата», к социальному распаду и последующему разрушению... или, вступив на другую тропу, считать себя теми верующими, которые сумеют преодолеть этот нигилизм и открыться навстречу высшей вибрации любви, где мы избегнем апокалипсиса и сможем войти в новое измерение, в котором дух, через нас, построит ту самую утопию, о которой писали библейские пророки.

Теперь мы смогли понять, почему в Афтерлайфе считали наше истолкование этих пророчеств ключом к разрешению проблемы поляризации.

Если мы решим, что Писание предполагает неизбежное разрушение мира, записанное в Божием плане, как нечто неизменное, то следствием этого, как раз, и станет такой итог.

Было очевидно, что нам следует избрать тропу любви и веры. Как я уже понял раньше, поляризация вовсе не должна была носить столь серьёзного характера.

В Афтерлайфе было известно, что каждая сторона представляет одну из частей истины, которые могут объединиться и синтезироваться в новое, духовное мировоззрение.

Далее, я увидел, что этот синтез явится естественным продуктом самих Откровений, особенно Десятого, а также, особых групп, которые начнут образовываться по всему миру.

Внезапно голограмма, словно бы, рванулась вперёд, и я ощутил новое расширение сознания. Я знал, что мы сейчас движемся к следующему шагу в процессе: воспоминанию того, как мы планировали стать верующими и реализовать это предсказанное утопическое будущее.

Мы, наконец-то, вспоминали Видение мира!

Сначала мы увидели, как группы Десятого откровения образовались по всей планете и достигли критической массы энергии, а затем, как они научились проецировать свою энергию так, что обе стороны, участвовавшие в поляризации, немедленно начали приходить в разум и смягчаться, преодолевая Страх.

Особенно это воздействовало на тех, кто претендовал на контроль над технологией: вспомнив своё первоначальное предназначение, они сами отказались от последних усилий, направленных на захват в свои руки экономики, а следовательно, и власти.

Результатом проекции энергии стала беспрецедентная волна пробуждений, воспоминаний, сотрудничества, личной вовлечённости, а также, появление огромного числа людей, недавно сподобившихся вдохновения.

Все они должны были полностью вспомнить свои Видения рождения и собственной, единственно верной тропой прийти к единственно верным позициям внутри своей культуры.

Сцена изменилась: теперь мы видели вымирающие города внутри страны, забытые деревенские семьи. Видели мы и формирование нового консенсуса относительно вмешательства в цикл бедности.

Это вмешательство более не сводилось к правительственным программам, касающимся только образования и предоставления рабочих мест.

Новый подход был глубоко духовным, потому что образовательные структуры уже находились на своём месте; не хватало лишь способности освободиться от Страх и преодолеть адские побуждения, служащие защитой от тревоги, порождённой бедностью.

Тут я увидел внезапную волну личного внимания к каждой нуждающейся семье, к каждому несчастному ребёнку.

Люди входили с ними в личные отношения, начиная с тех, кто видел данную семью каждый день, — торговцы, учителя, полицейские, священники.

Эти контакты потом расширялись, с помощью других добровольцев, бравших на себя обязанности «старшего брата», «старшей сестры», опекуна.

Всех этих людей вело интуитивное желание помочь, воспоминание о намерении сделать мир лучше хотя бы для одной семьи, для одного ребёнка.

И все они несли в себе Откровения и главное послание: независимо от того, насколько сложна ситуация или насколько укоренилась привычка к постоянной самозащите, каждый из нас может пробудиться, чтобы вспомнить свою миссию, свою цель.

По мере того, как расширялось влияние Откровений, число серьёзных преступлений в мире начало таинственным образом сокращаться, ибо, как мы ясно видели, корнями насилия всегда являются разочарование, страсть, страх, дегуманизирующий жертву, а всё большее взаимодействие с носителями более высокого знания теперь начинало разрушать этот образ мышления.

Мы видели возникновение нового консенсуса в отношении к преступлению, вобравшего в себя, как традиционный подход, так и идеи человеческого потенциала.

В скором времени, должны были потребоваться новые тюрьмы и места предварительного заключения, поскольку была признана традиционная истина, что слишком рано возвращать нарушителей в общество или миловать их, тем самым, давая ещё один шанс, что означает ещё больше укрепить их в прежних пороках.

Но, вместе с тем, мы увидели проникновение Откровений в деятельность этих мест заключения: личное участие в жизни тех, кто там находится, изменение мотивов преступления и применение единственного, действительно эффективного способа реабилитации — внушение стремления вспомнить.

Одновременно, по мере того, как пробуждалось всё большее число людей, я видел, что миллионы их сознательно вмешиваются в конфликты на всех уровнях человеческой культуры, ибо, все мы начинали по-новому понимать, что ставится на карту в подобных случаях.

Всякий раз, когда разгоралась супружеская ссора и оба выплёскивали друг на друга накопившуюся злобу, или когда обстоятельства или отчаянная потребность в одобрении «своих» толкали молодого парня на убийство, или когда человек, чувствуя себя задавленным жизнью, отыгрывался на других, манипулируя ими, обманывая и обирая, — во всех этих ситуациях рядом всегда находился кто-то, кто мог предотвратить насилие, но бездействовал.

Вокруг этого человека, возможно, находились десятки друзей и знакомых, тоже в общем-то бездействовавших, потому что они не донесли до него ту информацию, те идеи, которые могли подвигнуть его на вмешательство в конфликт.

В прошлом, вероятно, существовали рациональные оправдания невмешательства, но только не теперь.

Теперь, когда в сознание проникало Десятое откровение, мы знали, что люди, встречающиеся на нашем пути, — возможно, души, которые мы долгое время знали в других жизнях и которые сейчас рассчитывают на нашу помощь.

Так что, мы вынуждены действовать, вынуждены проявлять смелость. Никто из нас не хочет иметь на своей совести отказ от действий или потом мучиться, созерцая в Обзоре жизни трагические последствия собственной робости.

Сцены сменялись, и мы видели расцвет понимания, мотивирующего активность по отношению также и к другим социальным проблемам.

Мы видели образы рек и океанов мира, и я снова смог наблюдать синтез старого и нового: с учётом не всегда предсказуемого поведения правительственной бюрократии в охране окружающей среды, всё большее участие принимали частные лица и организации.

Новая мудрость позволила понять, что так же, как в случае с проблемами бедности и насилия, в нанесении вреда окружающей среде принимают участие и вроде бы совсем сторонние люди — созерцатели.

Сами они сознательно никогда не загрязняют её, однако, сотрудничают с теми, кто это делает, или, зная, что тот или иной проект заведомо отрицательно скажется на состоянии биосферы, не предпринимают ничего, чтобы не дать ему ход.

Эти люди в прошлом молчали — либо из страха потерять работу, либо опасаясь не получить поддержки других.

Но теперь, пробудившись и поняв, что должны и могут действовать, они начали поднимать общественное мнение против тех, кто губит окружающую среду, по ночам сбрасывая промышленные отходы в океан, сливая остатки нефти из танкера в открытое море, тайно используя запрещённые инсектициды при выращивании овощей на продажу, забывая о чистоте в цехах завода от инспекции до инспекции или фальсифицируя результаты исследований относительно вредности нового химического продукта.

Теперь они становились сознательными свидетелями, которые, ощущая поддержку организаций, предлагающих вознаграждение за такую информацию, брались за видеокамеры и заявляли о совершаемом преступлении, в какой бы сфере оно ни происходило.

Мы смогли наблюдать отношение правительств к проблемам окружающей среды, их политику в сфере распоряжения общественными землями.

Должно было выясниться, что в течение многих лет правительственные агентства занимались продажей прав на добычу полезных ископаемых и лесозаготовку в некоторых из наиболее священных мест Земли, причём, по ценам ниже рыночных, и всё это являлось платой за прошлые или будущие политические услуги.

Величественные, как соборы, леса беспощадно грабились и вырубались подчистую, якобы в интересах правильного хозяйствования — как будто бы ряды насаженных сосен могли заменить утерянное разнообразие жизни и энергию старого леса, накопленную за века его существования.

И всё же, растущее духовное знание должно было когда-то положить конец этому позору. Мы видели, как складывалась новая коалиция, в которую входили и люди прежнего мировоззрения, испытывающие ностальгию по старине, и те, для кого эти места были священными вратами.

Эта коалиция должна была, в конце концов, забить тревогу, спасая, тем самым, немногие девственные леса, ещё сохранившиеся в Европе и Северной Америке, и начать принимать широкомасштабные меры для защиты основных массивов ливневых лесов в тропических регионах мира.

Все должны были понять, что каждый ещё сохранившийся островок красоты необходимо спасти ради блага грядущих поколений.

Волокна специально выращиваемых растений должны были заменить деревья в производстве бумаги из древесины, а оставшиеся общественные земли, защищённые от эксплуатации, — сохраниться исключительно в качестве мест для общения с нетронутой природой, посещать которые стремилось всё больше людей, жаждущих соприкоснуться с её энергией.

В то же самое время, высокоразвитые культуры должны были, наконец, повернуться лицом к исконным народам планеты, неся им своё новое уважение и стремление приобщиться к их мистическим воззрениям на устройство естественного мира.

Голограмма снова сдвинулась вперёд во времени, и я увидел, как духовность проникает во все аспекты культуры.

Как и предсказывала Чарлин, каждая профессиональная группа начинала сознательно стремиться в своей практике к более интуитивному, идеальному уровню, искать свою духовную роль, своё видение истинного служения.

Медицина, ведомая теми, кто сосредоточивал главное внимание на духовных или психологических корнях болезни, шла от механического лечения симптомов к их предотвращению.

Мы видели, как юриспруденция переходит от создания конфликтов себе на пользу и сокрытия правды, ради собственной выгоды, к своей истинной роли — разрешать конфликт наиболее благоприятным для сторон способом.

А бизнес, как и предвидел Кэртис, одна отрасль за другой, двигался к просвещённому капитализму, стремящемуся не только к прибылям, но и к удовлетворению развивающихся потребностей духовных существ и к предоставлению им своей продукции по возможно более низким ценам.

Эта новая этика бизнеса выливалась в снижение цен, кладя начало систематическому движению к полной автоматизации и, в конечном итоге, к бесплатному удовлетворению основных жизненных потребностей, таким образом освобождая людей и давая им возможность заниматься своей профессией на новом, духовном уровне, предполагаемом Девятым откровением.

А далее мы видели, что люди начинают вспоминать свою духовную миссию во всё более раннем возрасте.

Всё шло к тому, что человек, достигая совершеннолетия, будет помнить себя, как душу, родившуюся из одного измерения существования в другое.

И, хотя во время этого перехода память будет утеряна, возвращение этой дожизненной памяти станет одной из важнейших и самых ранних целей образования.

В детстве и отрочестве учителя будут побуждать нас распознавать свои интуитивные стремления к изучению того или иного предмета, к посещению тех или иных мест, стараясь всегда добиваться более осмысленных ответов, почему мы избираем именно эту тропу.

А полностью вспомнив Откровения, мы обнаружим, что связаны с определёнными группами, работаем над какими-то проектами, воплощающими в себе видение того, чем мы хотели заниматься.

И, в конце концов, мы вновь обретём изначальную цель своей жизни: мы узнаем, что явились сюда, чтобы поднять вибрационный уровень этой планеты, чтобы открывать и защищать места сосредоточения её красоты и энергии, чтобы обеспечивать всем людям доступ к этим местам для повышения своей энергии и чтобы, в конечном итоге, установить культуру Афтерлайфа здесь, в физическом измерении.

Такое мировоззрение особенно изменит наше отношение к другим людям. Мы больше не будем сосредоточиваться на расовой или национальной принадлежности человека в его конкретной нынешней жизни.

Мы будем видеть в других братьев и сестёр — родственные души, участвующие, как и мы, в процессе пробуждения и одухотворения планеты.

В один прекрасный день, мы узнаем, что помещение души в то или иное место планеты имеет свой огромный смысл.

В действительности, каждая нация является анклавом определённой духовной информации, разделяемой и создаваемой теми, кто к ней принадлежит, — информации, которую надлежит изучить и объединить с другой.

По мере того, как передо мной разворачивалось будущее, я видел, как столь многими предсказываемое политическое единство мира, наконец, становится реальностью — не путём принуждения всех наций к сосуществованию в рамках единого политического образования, но путём признания нашего духовного сходства и, вместе с тем, сохранения местных автономий и культурных различий.

Так же, как если бы речь шла об индивидуумах, взаимодействующих в рамках одной группы, за каждым членом семьи народов признавалась его культурная истина, которую он нёс миру.

На наших глазах политические схватки, столь часто сопряжённые с насилием, приобрели форму словесной войны.

По мере того, как процесс воспоминания распространялся по планете, все люди начинали понимать, что наша судьба — в обсуждении и сравнении перспектив различных религий и, при личном почитании лучшего из того или иного учения, в стремлении к тому, чтобы каждая из религий дополняла другие и сливалась вместе с ними в единый поток всепланетной духовности.

Мы ясно видели, что плодом этих диалогов станет восстановление великого храма в Иерусалиме, которым будут совместно пользоваться все крупнейшие религии — иудейская, христианская, исламская и восточная, и даже существующая де-факто религия светского идеализма, представленная теми экономическими анклавами в Китае и Европе, которые раньше мыслили понятиями пантеистической экономической утопии.

Там произойдёт окончательное обсуждение духовной перспективы. И в этой войне слов и энергии сначала выйдут вперёд исламская и иудейская перспективы, а затем, будет сравнена с ними и интегрирована в них христианская перспектива, наряду с внутренним видением восточных религий.

Мы видели, как знание человечества выходит на иной уровень, как коллективная человеческая культура прогрессирует от обмена экономической информацией к обмену духовными истинами.

Когда это случится, некоторые люди и группы начнут достигать уровней, приближающихся к уровню послеземного измерения, и исчезать для неизмеримо большего числа остающихся на Земле.

Эти избранные группы намеренно уйдут в другое измерение, но научатся и возвращаться — в точном соответствии, с предсказаниями Девятого откровения и библейских пророков.

Однако, когда это начнётся, остающиеся на Земле поймут, что происходит, и примут свою роль, зная, что и они скоро перейдут из физического измерения в Афтерлайф.

Настанет пора светским идеалистам провозглашать свои истины со ступеней храма. Сначала они энергично ринутся в Иерусалим из Европы, неся своё изначально светское видение мира; у них будет единый сильный вождь, провозглашающий духовную важность светских вопросов.

Эта перспектива будет встречена в штыки мусульманами и христианами, уделяющими огромное внимание «миру иному».

Но потом, этот конфликт энергий будет улажен, и внутренняя духовная сила восточной религии поможет им синтезироваться воедино.

К тому времени, последние попытки стремящихся к власти, которые, в своё время, составляли целый заговор с целью создания тиранического общества чипов, роботов и принудительного согласия, будут нейтрализованы процессом пробуждения.

И этот последний синтез откроет всех и каждого к заключительному восприятию Святого Духа.

Мы отчётливо видели, как, посредством этого диалога на Среднем Востоке — диалога об интеграции энергии — история исполнила библейские пророчества символически и словесно,

избегнув физического апокалипсиса, ожидавшегося сторонниками их буквального понимания.

Сразу же вслед за этим, мы перенеслись в послежизненное измерение и весьма отчётливо увидели, что нашим главным стремлением было создание не только Новой Земли, но и Новых Небес.

Мы наблюдали, как эффект окончательного воспоминания Видения мира преобразует не только физическое измерение, но также и Афтерлайф.

На Земле отдельные индивидуумы и группы переходили в него, но и из него сонмы душ также переходили в обратном направлении, завершая передачу энергии в расширенное физическое измерение.

И тут, нам стала в полной мере ясна суть исторического процесса.

С начала времён, энергия и знание систематически перетекали из Афтерлайфа в земное измерение. Вначале сонмы душ в Афтерлайфе несли полную ответственность за поддержание изначального намерения и прозрения будущего, посылая нам энергию и помогая вспоминать то, что мы хотели вспомнить.

Потом, поскольку сознание на Земле прогрессировало и население росло, баланс энергии и ответственности постепенно перемещался в сторону физического измерения, и вот, в определённой точке истории, когда, переместилось достаточно энергии и Видение мира, мало-помалу, вспоминалось, вся мощь, вся ответственность за веру в предначертанное будущее и за создание его, должны были перейти из Афтерлайфа к душам на Земле, ко вновь образующимся группам, к нам!

С этого момента, мы являемся носителями изначального намерения.

Вот почему, именно нам сейчас выпало разрешить проблему поляризации и помочь измениться некоторым людям — прямо здесь, в этой долине, — которые всё ещё пленники Страх и находят оправдание тому, что манипулируют экономикой в собственных интересах, пытаясь подчинить себе будущее.

Как раз в этот момент, все мы четверо посмотрели друг на друга в темноте. Голограмма все ещё окружала нас, слившиеся воедино сонмы душ позади нас ярко светились.

И тут я заметил огромного ястреба: он сел на ветку в футах десяти над нашими головами и воззрился на нас. Внизу, менее чем в пяти футах от нас, из травы выскочил кролик и остановился в трёх футах от моего правого локтя.

Через несколько секунд следом появился лесной кот и уселся рядом с кроликом. Что такое?

И вдруг я ощутил словно бы удар в солнечное сплетение — удар беззвучной вибрации. Они возобновили эксперимент!

— Смотрите туда! — воскликнул Кэртис.

В ярком свете луны мы отчётливо увидели в полусотне ярдов от нас узкую трещину, которая, заставляя креститься кусты и небольшие деревца, медленно ползла в нашу сторону.

Я взглянул на остальных.

— Сейчас всё зависит от нас! — крикнула Майя. — Мы увидели достаточно много; теперь мы можем остановить их!

Прежде чем мы успели сделать хоть что-нибудь, земля под нами содрогнулась, и трещина стала ещё быстрее приближаться к нам.

Одновременно с этим, подъехали и остановились неподалёку несколько машин; их фары просвечивали сквозь окутанные поднявшейся пылью ветви деревьев. Не испытывая страха, я поддерживал свой уровень энергии и опять сосредоточился на голограмме.

— Видение остановит их! — снова крикнула Майя. — Не дайте Видению уйти! Удержите его!

Мысленно вцепившись в видение будущего перед нами, я снова ощутил, как объединённая

энергия группы устремляется к Феймэну, словно ставя гигантскую стену на его пути. Я представил себе, как наша энергия отбрасывает его людей назад, заставляет бежать в ужасе.

Я полагал, что продвижение трещины скоро прекратится, но, взглянув на неё, увидел, что она приближается всё быстрее и быстрее. Повалилось ещё одно дерево. Потом ещё одно. Оно упало так близко от нас, что я потерял концентрацию и откатился в сторону, задыхаясь от пыли.

— Всё ещё не действует! — услышал я крик Кэртиса.

Мои нервы не выдержали.

— Сюда, бежим сюда! — крикнул я, силясь разглядеть хоть что-нибудь во внезапно наступившей темноте. На бегу я едва различил смутные силуэты остальных: они бежали в другую сторону — на восток.

Я карабкался по скалам, образующим левую стену каньона, пока не удалился ярдов на сто. Тут, опустившись на колени, я стал вглядываться в ночную тьму: нигде никакого движения.

Однако, я слышал, как люди Феймэна переговариваются у входа в каньон. Я тихо стал пробираться дальше и вскоре свернул в северо-западном направлении, продолжая высматривать своих.

В конце концов, найдя подходящий спуск, я снова оказался на дне каньона. Вокруг всё было по-прежнему тихо.

Я снова повернул на север — и вдруг кто-то схватил меня сзади.

— Что за!.. — вырвалось у меня.

— Чшш, — прошептал чей-то голос. — Успокойтесь. Я — Дэвид.

Удерживая видение

Я обернулся: да, это был Дэвид с его длинными волосами, с его шрамом, пересекающим левую часть лица.

— А где остальные? — шёпотом спросил он.

— Мы разминулись, — также шёпотом ответил я. — Вы видели, что произошло?

Он приблизил свое лицо к моему:

— Да, я наблюдал с холма. Как вы думаете, куда они направятся?

Я задумался на несколько секунд. — К водопадам! Точно — к водопадам.

Он дал мне знак следовать за ним, и мы двинулись в этом направлении. Несколько минут спустя, не останавливаясь, он заговорил:

— Когда вы сидели все вместе там, у входа в каньон, ваша энергия объединилась, а потом распространилась на всю долину. Чем вы там занимались?

Стараясь быть кратким, я рассказал ему всё: как я нашёл Уила и побывал в ином измерении, как увидел Уильямса, а затем встретил Джоэла и Майю, а особенно о встрече с Кэртисом и о том, как мы старались удержать Видение мира, чтобы нанести поражение Феймэну.

— Кэртис тоже был с вами там, у каньона? — спросил Дэвид.

— Да, и Майя и Чарлин, хотя, насколько я понимаю, нас должно было быть семеро...

Дэвид искоса глянул на меня и чуть слышно усмехнулся:

— Значит, вы тоже добрались до предков, верно?

Я прибавил шаг, чтобы идти вровень с ним.

— Вы побывали в ином измерении?

— Да. Я видел свой сонм душ и своё Видение рождения. И, как и вы, вспомнил то, что происходило раньше, и то, что мы все вернулись, чтобы принести сюда Видение мира.

А потом — я не знаю, каким образом, — когда я смотрел на всех вас, озарённых лунным светом, это было так, как будто я тоже нахожусь с вами и являюсь частью вашей группы. Видение мира окружало меня.

Он остановился в тени большого дерева, сквозь густую крону которого едва пробивались серебристые лучи; лицо его казалось суровым, словно вырезанным из камня. Я подошёл почти вплотную к нему:

— Дэвид, когда наша группа была в сборе и мы вызвали Видение мира, почему оно не остановило Феймэна?

Он шагнул в полосу света, и я тут же узнал в нём того сердитого вождя, который упрекал Майю. Потом его лицо смягчилось, и он рассмеялся:

— Главное в Видении мира — это не просто обрести его, хотя это достаточно трудно. Главное — как мы проецируем это Видение будущего, как удерживаем его для всего остального человечества.

В этом заключается истинная суть Десятого откровения. Вы не удержали Видение для Феймэна и остальных так, чтобы это помогло им пробудиться.

Секунду-другую он молча смотрел на меня, потом сказал:

— Пойдёмте, нам надо спешить.

Мы прошли с полмили, когда справа вдруг раздался крик какой-то птицы. Дэвид резко остановился.

— Что это? — спросил я.

Крик снова прорезал ночь, и Дэвид высоко вскинул голову.

— Это сипуха. Она дает знать остальным, что мы здесь. Я только моргнул, вспоминая, как

странно вели себя животные с тех пор, как я пришёл в долину.

— Кто-нибудь в группе разбирается в знаках, подаваемых животными? — спросил Дэвид.

— Не знаю. Может быть, Кэртис?

— Нет. Он мыслит слишком по-научному. И тут я вспомнил, что Майя упоминала о криках птиц, которые привели её к нам в пещеру.

— Может быть, Майя!

Он вопросительно взглянул на меня:

— Майя? Врач? Вы ещё сказали, что она в своей работе использует визуализацию.

— Да.

— Хорошо. Просто отлично. Давайте последуем её примеру и помолимся.

Я обернулся к нему, и в этот момент сипуха прокричала снова.

— Помолимся?

— Ну... постараемся визуализировать... что она помнит о даре, которым обладают животные.

— О каком ещё даре?

На его лице промелькнуло выражение гнева; несколько секунд он молчал, закрыв глаза, — видимо, стараясь сладить с раздражением.

— Разве вы не поняли, что, когда на нашем пути встречается какое-нибудь животное, это — совпадение высшего порядка?

Я рассказал ему о кролике, о стае ворон, о ястребе, которого видел вскоре после того, как вошёл в долину, потом о лесном котёнке, орле и молодом волке, появившихся позже.

— Некоторые из них явились, когда мы созерцали Видение мира, — закончил я.

Дэвид кивнул, ожидая продолжения.

— Я знал, что происходит нечто важное, — сказал я, — но не знал точно, что нужно делать, — разве что следовать за некоторыми из них. Так вы говорите, что все они несли послания для меня?

— Да, именно так.

— А, как узнать, в чём заключается послание?

— Это нетрудно. Всё зависит от того, какое животное вы привлекаете к себе, в тот или иной момент. Каждое животное, пересекающее нашу тропу, сообщает нам что-то о положении, в котором мы находимся, и о том, какая часть нас должна подключиться, чтобы справиться с данными обстоятельствами.

Я покачал головой:

— Даже после всего того, что случилось, в это трудно поверить. Биолог сказал бы, что животные — это, прежде всего роботы, управляемые слепым инстинктом.

— Только потому, что животные отражают наш собственный уровень сознания и ожидания. Если уровень нашей вибрации низок, животные просто будут с нами, выполняя свои обычные экологические функции.

Когда скептик-биолог сводит их поведение к бессмысленному инстинкту, он видит лишь то ограничение, которое сам и наложил на них.

Но когда уровень нашей вибрации повышается, действия приходящих к нам животных становятся всё более таинственными и поучительными.

Я только молча смотрел на него.

Дэвид прищурился:

— Кролик, которого вы видели, указывал вам направление — и в физическом, и в эмоциональном смысле.

Когда мы с вами разговаривали в городе, вы казались подавленным, испуганным, словно

начали терять веру в Откровения.

Если достаточно долго понаблюдать за диким кроликом, можно почувствовать, что он даёт нам модель того, как нужно справляться со страхом, чтобы впоследствии прийти к творчеству и изобилию.

Кролик живёт совсем рядом с животными, для которых является пищей, но он справляется со страхом и остаётся там, да к тому же, активно плодится и размножается, да и вообще чувствует себя неплохо.

Когда в нашей жизни появляется кролик, это сигнал, знак того, что и мы должны выработать в себе тот же настрой.

В этом заключалось послание, адресованное вам: присутствие кролика означало, что у вас есть возможность воспользоваться его примером — окинуть взглядом свой страх и пройти мимо него.

Это случилось в самом начале вашего похода и задало ему тон. Ведь, вам было страшно, но, в то же время, произошло столько всего, верно?

Я кивнул.

— Иногда это значит, что изобилие может быть и романтического свойства. Вы встретили кого-нибудь?

Я пожал плечами, вспомнив то новое, что ощутил при встрече с Чарлин.

— Пожалуй, да, некоторым образом. А что вы скажете о воронах, которых я видел, и о ястребе, за которым пошёл и — нашёл Уила?

— Вороны — хранители законов духа. Наблюдайте за ними и увидите, что они делают удивительные вещи, которые всегда обостряют наше восприятие духовной действительности.

Их послание заключалось в следующем: вы должны открыться, вспомнить духовные законы, которые предстают перед вами в этой долине. То, что вы видели ворон, должно было подготовить вас к тому, что вас ожидало.

— А ястреб?

— Ястребы всегда настороже, они наблюдательны, бдительны, всегда готовы воспринять следующую частицу информации, следующее послание.

Их присутствие означает, что настал момент собраться и быть наготове. А нередко ещё и то, что предстоит встреча с несущим послание.

— То есть, он предсказал мне встречу с Уилом?

— Да.

Дэвид объяснил мне и то, что касалось других животных, встретившихся на моём пути. Кошки, сказал он, просят нас вспомнить о том, что мы обладаем даром интуиции и самоисцеления.

Появление лесного котёнка, как раз, перед встречей с Майей, было знаком того, что возможность исцеления близка.

Точно, так же орёл, способный подниматься на большую высоту, символизирует возможность отважиться проникнуть в высшие царства духовного мира.

Заметив орла над хребтом, сказал Дэвид, я должен был подготовиться к тому, чтобы встретиться со своим сонмом душ и понять больше относительно собственной судьбы.

Наконец, молодой волк, сказал он, пришёл, чтобы зарядить меня энергией, пробудить во мне скрытую храбрость и способность учить других, что должно было помочь мне найти нужные слова и собрать вместе остальных членов группы.

— Значит, — проговорил я, — животные представляют какую-то часть нас самих — ту, которую мы должны подключить в определённый момент?

— Да, те стороны нашей натуры, которые мы развивали, будучи этими животными в ходе

эволюции, но которые утратили.

Я подумал о видении эволюции, которое наблюдал вместе с остальными у входа в каньон.

— Вы говорите о том, как жизнь прогрессировала от вида к виду?

— Мы были там, — кивнул Дэвид. — Наше сознание проходило через каждое животное, представлявшее конечную точку развития жизни, и затем переходило к следующему.

Мы испытали, как видит мир каждый из видов, а это является важным аспектом полного духовного сознания.

Когда около нас появляется то или иное животное, это означает, что мы готовы снова интегрировать его сознание в наше пробуждающееся знание.

И вот, что я вам скажу: есть виды, к уровню которых мы ещё даже и близко не подошли. Именно поэтому так важно сохранять любую форму жизни на этой Земле.

Мы хотим, чтобы они продолжали существовать не просто потому, что они являются частью сбалансированной экосферы, но — что ещё важнее — потому, что они представляют те аспекты нас самих, которые мы ещё только пытаемся вспомнить.

Он помолчал, устремив взгляд в ночную тьму.

— Это также верно в отношении огромного разнообразия человеческой мысли, представленного различными культурами Земли. Никто из нас не знает точно, где проживает истина, касающаяся человеческой эволюции.

Каждая из культур мира имеет своё, несколько отличное от других мировоззрение, своё особое знание, и требуется собрать вместе лучшее из всех культур, чтобы создать более идеальное целое.

Выражение грусти промелькнуло на его лице.

— Очень плохо, что должно было пройти четыре сотни лет, прежде чем смогла начаться действительная интеграция европейской и аборигенных культур. Подумайте о том, что произошло.

Западное мышление утратило связь с тайной, свело магию дремучих лесов к древесине, а тайну жизни дикой природы — к «симпатичным зверушкам».

Урбанизация изолировала большинство людей, так что теперь мы думаем о выходе в природу, как о прогулке по площадке для гольфа. Вы понимаете, как мало из нас соприкоснулись с тайнами дикой природы?

Наши национальные парки — это всё, что осталось от огромных лесов, богатых равнин и высокогорий, столь характерных в прошлом для этого континента.

На те кусочки дикой природы, которые ещё сохранились, приходится слишком много людей. Для посещения некоторых парков нужно записываться в очередь за год. А политики, похоже, норвят распродать и те общественные земли, которые ещё остаются таковыми.

Большинство из нас вынуждено ломать голову, гадая, что означает появление того или иного животного в нашей жизни, вместо того, чтобы погрузиться в мир настоящей дикой природы и там найти ответы на все вопросы.

Внезапно крик сипухи раздался так близко, что я невольно вздрогнул.

— Ну, что, мы уже можем начать молиться? — нетерпеливо спросил Дэвид.

— Послушайте, — сказал я, — я не знаю, что вы имеете в виду. Вы собираетесь молиться или визуализировать?

— Да, простите, — он старался, чтобы голос звучал спокойно. — Похоже, нетерпение — это у меня остаточная эмоция по отношению к вам. — Он перевел дыхание.

— Всё, что подразумевается в Десятом откровении — учиться верить интуиции, вспоминать своё изначальное намерение, удерживать Видение мира, — всё это касается понимания сути настоящей молитвы.

Почему все религиозные традиции включают в себя молитву? Если Бог един, всеведущ и всемогущ, почему нам приходится молить его о помощи или побуждать сделать что-то?

Почему бы ему просто не установить некую систему заповедей и судить нас соответственно ей, предпринимая активные действия тогда, когда это сочтёт нужным он сам, а не мы? Почему мы каждый раз должны просить его особого вмешательства?

Ответ заключается в том, что, молясь правильно, мы не просим Господа сделать то-то и то-то. Он вдохновляет нас на то, чтобы действовать вместо него, тем самым, исполняя его волю на Земле.

Мы являемся эмиссарами Божественного на этой планете.

Настоящая молитва — это метод, визуализация, применения которой он ожидает от нас и которая позволяет нам понять его волю, чтобы воплотить её в физическом измерении.

Да приидет Царствие Его, да будет воля Его на Земле, как она есть на Небесах.

В этом смысле, всякая мысль, всякое ожидание — всё то, что мы визуализируем, как происходящее в будущем, — являются молитвой и способствуют реализации этого будущего.

И никакая мысль, никакое желание, никакой Страх не могут быть сильнее, чем Видение, связанное с Божественным. Поэтому столь важно обрести Видение мира и удержать его: так мы будем знать, о чём молиться, какое будущее визуализировать.

— Понимаю, — сказал я. — А Как нам помочь Майе понять, что означает крик сипухи?

— Что она сказала вам, говоря об исцелении?

— Что нужно визуализировать, как пациент вспомнил, что он собирался совершить в жизни, но ещё не совершил. Она говорила, что истинное исцеление проистекает из вновь обретённого ощущения того, что человек намеревается делать, когда его здоровье восстановится.

Когда он вспомнит это, мы можем присоединиться к нему и помочь, удержать это более конкретное видение.

— Давайте сделаем то же самое, — предложил Дэвид. — Может, она и сама уже обратила внимание на эти крики.

Он закрыл глаза, и я последовал его примеру, стараясь представить себе Майю, вдруг понимающую, что ей надлежит делать.

Спустя несколько минут, я открыл глаза; Дэвид пристально смотрел на меня. Сипуха вновь прокричала прямо над нашими головами.

— Пошли, — скомандовал он.

Минут через двадцать мы стояли на холме выше водопадов. Сипуха следовала за нами, периодически издавая крики, а теперь расположилась где-то на дереве в полусотне футов справа от нас.

Прямо перед нами блестел в лунном свете водоём, над поверхностью которого плавали клочья тумана. Мы простояли десять-пятнадцать минут — молча, прислушиваясь.

— Посмотрите туда! — шепнул вдруг Дэвид, указывая рукой.

Среди скал справа от водоёма я различил несколько фигур. Одна из них подняла голову. Это была Чарлин. Она увидена нас; я помахал, и она узнала меня. Мы с Дэвидом спустились к ним по каменистому склону.

Кэртис чуть не подпрыгнул от радости, увидев своего друга. Он схватил Дэвида за руку:

— Теперь мы остановим их!

Несколько секунд они молча смотрели друг на друга, затем Кэртис представил Дэвида Майе и Чарлин, Я встретился глазами с Майей:

— Как вы нашли дорогу сюда? Были проблемы?

— Сперва мы сбились с пути, заблудились в темноте, но потом, я услышала крик сипухи и поняла, куда нужно идти.

— Сипуха — сова, — сказал Дэвид, — а присутствие совы означает, что нам даётся случай разглядеть истину сквозь любой возможный обман со стороны других, и если мы не поддадимся желанию причинить им вред, то сможем, подобно сове, найти во тьме путь к высшей истине.

Майя присмотрелась к Дэvidу;

— Кажется, я уже где-то видела вас. Кто вы?

Он недоумённо воззрился на неё:

— Вам же назвали моё имя — Дэвид.

Она мягко положила руку ему на плечо:

— Нет, я имею в виду, кто вы по отношению ко мне, ко всем нам?

— Мы с вами встречались тогда — во время войны, — ответил он, — но я был исполнен такой ненависти к белым, что не поддержал вас — даже не стал слушать.

— Сейчас мы делаем это иначе, — сказал я.

Дэвид сурово взглянул на меня, потом выражение его лица, как и прежде, смягчилось.

— Если говорить о той войне... я тогда испытывал к вам ещё меньше уважения, чем все остальные. Вы же не захотели рисковать. Вы просто сбежали.

— Меня прогнал страх, — сказал я.

— Я знаю.

Потом завязался общий разговор. Каждый рассказывал Дэvidу об эмоциях, которые испытывал, и обо всём, что мог припомнить о той трагедии во время войны с индейцами.

Дэвид же объяснил, что его сонм душ состоит из посредников и что на сей раз он явился, чтобы преодолеть свою враждебность по отношению к европейскому образу мышления, а потом действовать на благо духовного признания всех аборигенных культур и объединения всех людей.

Чарлин бросила взгляд на меня, затем повернулась к Дэvidу:

— Вы ведь, пятый член нашей группы, правда?

Прежде чем он успел ответить, мы ощутили, как земля задрожала под ногами; по поверхности водоёма пошли полосы ряби. Одновременно какой-то жуткий, но вместе с тем мелодичный звук, похожий на жалобный вой, заполнил всё вокруг. Боковым зрением я увидел, как на холме, футах в пятидесяти выше нас, замелькали огни ручных фонарей.

— Они там! — прошептал Кэртис.

Подняв голову, я увидел Феймэна: прямо над нами нависал каменный выступ, и он был там, прилаживая спутниковую антенну к устройству, напоминавшему портативный компьютер.

— Они собираются навести её на нас и подключить генератор, — сказал Кэртис. — Надо уходить отсюда.

Майя коснулась его руки:

— Нет, Кэртис, пожалуйста! Может быть, на этот раз мы справимся.

Дэвид шагнул к нему и тихо произнес:

— Мы можем справиться.

Пару секунд Кэртис пристально смотрел на него, потом кивнул в знак согласия, и мы начали снова наращивать свою энергию.

Как и при двух предыдущих попытках, я увидел на лице каждого его высшее выражение; затем появились наши сонмы душ и слились в единое окружающее нас кольцо, впервые включив в себя и сонм Дэвида.

Когда вернулась память о Видении мира, мы снова ощутили в полной мере стремление передавать энергию, знание и понимание в физическое измерение.

Как и раньше, мы увидели поляризацию Страха, происходящую в наше время, и панораму положительного будущего, которое должно было прийти ей на смену, как только группы, подобные нашей, сформируются в достаточном числе и научатся работать на это будущее,

удерживая Видение.

Внезапно земля снова сильно содрогнулась.

— Держите Видение! — услышал я крик Майи. — Держите образ того, каким может быть будущее!

Справа от меня земля треснула и раскололась, но я удерживал концентрацию.

Перед моим мысленным взором стояло Видение мира — источник энергии, которая, проходя через нас, распространилась во всех направлениях и отталкивала от нас Феймэна, подавляя энергию его Видения, порожденного Страхом.

Слева от меня громадное дерево, переломившись у основания, со всего размаху грянулось о землю.

— Всё ещё не действует! — крикнул Кэртис, вскакивая на ноги.

— Нет, подожди! — остановил его Дэвид.

Казалось, он был погружён в глубокое раздумье, но тут среагировал мгновенно, вцепившись в Кэртиса и силой заставив сесть рядом с собой.

— Разве ты не понимаешь, в чём загвоздка? Мы видим в Феймэне и его людях врагов, стараемся оттолкнуть их. Но это только придаёт им силы — у них есть то, с чем нужно бороться.

Вместо того чтобы пытаться сражаться с ними с помощью Видения, нам нужно включить и Феймэна и охранников в то; что мы визуализируем.

На самом деле они — не враги: все мы — пробуждающиеся души, души в процессе роста. Мы должны проецировать на них Видение мира, как будто они — то же, что и мы.

Я вдруг вспомнил, как созерцал Видение рождения Феймэна. Теперь всё сложилось в одно целое: то, что я видел в аду, одержимость людей, силящихся любыми средствами отделаться от Страх, кольцо душ, посылающих энергию, чтобы вызволить кого-нибудь, и наконец, изначальное намерение Феймэна.

— Он — один из нас! — крикнул я. — Я знаю, что он намеревался совершить!

На самом деле, он пришёл на Землю, чтобы освободиться от своей жажды власти; он хотел предотвратить разрушение, которое могли причинить генераторы и другая новая технология. Он видел, как встречается с нами в темноте. Он — шестой член нашей группы!

Майя подалась вперёд:

— Это всё точно так же, как в процессе исцеления! Мы должны представить себе, что он вспомнил, ради чего пришёл в этот мир. — Она взглянула на меня: — Это помогает разбить блок страха, на каком бы уровне он ни находился.

Мы начали сосредоточиваться, включая в видение Феймэна и его людей. Наша энергия мгновенно возросла. Ночь озарилась, и мы отчетливо увидели на холме Феймэна с двумя охранниками.

Сонмы душ теснее сдвинулись вокруг нас, стали видеться отчётливее и больше походить на людей, а мы засветились, как они. Ещё несколько сонмов душ приблизилось слева.

— Это сонм Феймэна! — прошептала Чарлин. — И сонмы тех двоих, что с ним!

Энергия всё росла; нас снова окружила гигантская голограмма Видения мира.

— Сосредоточьтесь на Феймэне и остальных так же, как мы сосредоточиваемся друг на друге, — распорядилась Майя, — Визуализируйте, что они вспомнили.

Я повернулся лицом к трем бывшим врагам. Феймэн все ещё яростно возился с компьютером, остальные двое смотрели на него.

Их также охватывала голограмма — особенно образ того, как каждый человек в этот исторический момент пробуждается, чтобы вспомнить своё истинное предназначение.

Пока мы наблюдали, лес словно бы окутался янтарным облаком клубящейся энергии, которая, казалось, насквозь пронизала Феймэна и обоих охранников.

Одновременно я увидел, что такие же завесы белого света, которые в своё время защитили меня, Кэртиса и Майю, колышутся над ними.

Потом этот белый свет стал разрастаться, шириться, распространяться во всех направлениях, пока, в конце концов, не рассеялся вдали.

Через несколько минут содрогания земли и странные звуки прекратились. Лёгкий ветерок сметал последнюю пыль в южном направлении.

Один из охранников перестал наблюдать за Феймэном и тихо исчез среди деревьев.

Феймэн ещё некоторое время продолжал нажимать кнопки клавиатуры, потом, по-видимому, махнув на всё рукой, глянул вниз, на нас, и, подняв компьютер, осторожно, как ребёнка, прижал к себе левой рукой.

Правой он вытащил откуда-то пистолет и двинулся к нам. Второй охранник, вооружённый автоматом, последовал за ним.

— Не отпускайте Видение, — предупредила Майя.

Не дойдя до нас футов двадцать, Феймэн опустил компьютер и снова начал нажимать какие-то кнопки, держа пистолет наготове. Несколько крупных камней, ранее сдвинувшихся с места, заколебались и рухнули в водоём.

— Вы же не для этого пришли сюда, — мягко проговорила Чарлин. Все остальные сосредоточились на лице Феймэна.

Охранник, продолжая держать нас на прицеле, подошёл к Феймэну:

— Мы ничего больше не сможем здесь сделать. Пойдёмте.

Феймэн отмахнулся от него и опять яростно забарабанил по клавишам.

— Ничего не работает! — рявкнул он через несколько секунд. — Что вы там делаете? — Он свирепо глянул на охранника: — Пристрели их! Слышишь? Пристрели их!

Секунду-другую тот холодно рассматривал нас, затем покачал головой, отступил назад и скрылся за скалами.

— Вы родились для того, чтобы не дать состояться этому разрушению, — сказал я.

Рука с пистолетом упала. Феймэн воззрился на меня. На какое-то мгновение его лицо просветлело и стало точно таким, каким я наблюдал его в Видении рождения.

Я мог бы поклясться, что Феймэн вспоминает что-то. Но, через две-три секунды выражение страха промелькнуло на его лице, тут же сменившись выражением гнева, перешедшим в гримасу. Феймэн прижал ладонь к желудку, отвернулся, и его вырвало на камни рядом с ним.

Вытирая рот, он снова поднял пистолет:

— Я не знаю, что вы там вытворяете, но этот номер у вас не пройдёт. — Он сделал несколько шагов вперед, но тут энергия словно бы покинула его. Пистолет упал на землю.

— Мне, знаете ли, наплевать. На свете есть другие леса. Вы не сможете быть и тут и там. Я заставлю этот генератор работать, понятно? Это вы у меня не отнимете! Он отступил на пару шагов, потом, повернувшись, бросился бежать в темноту.

Достигнув холма, расположенного выше бункера, мы все испытали огромное облегчение. После бегства Феймэна мы осторожно вернулись к месту эксперимента, не зная, с чем там придётся столкнуться.

Возле бункера было светло от огней множества машин. На большинстве из них виднелась эмблема Службы леса, некоторые принадлежали ФБР и местному шерифскому отделу.

Я осторожно подполз к гребню холма, и присмотрелся: может быть, в какой-нибудь из машин уже сидит кто-то в наручниках или даже идёт допрос.

Но все они, похоже, были пусты. Дверь бункера была распахнута; полицейские и рейнджеры ходили туда-сюда, как будто обследуя место преступления.

— Они все удрали, — сказал Кэртис, стоявший на коленях рядом со мной. Наклонившись

вперёд, он смотрел вниз из-за ствола большого дерева. — Мы остановили их.

Майя обернулась и села:

— Ну, по крайней мере, мы остановили их здесь. В эту долину они больше не сунутся.

— Однако Феймэн был прав, — заметил Дэвид, многозначительно глядя на нас. — Они могут забраться в какое-нибудь другое место, и никто об этом не узнает. — Он встал. — Я должен пойти туда. Я всё им расскажу.

— Ты с ума сошёл! — остановил его Кэртис. — Что, если в этом замешано правительство?

— Правительство тоже состоит из людей, — возразил Дэвид. — Не все же они в этом участвуют.

Кэртис шагнул к нему;

— Наверняка есть какой-то другой способ. Я не пущу тебя туда.

— Кто-нибудь из них да выслушает нас, — твёрдо сказал Дэвид. — Я уверен.

Кэртис промолчал.

Чарлин, сидевшая неподалеку, прислонившись к скале, проговорила:

— Он прав. Наверняка есть кто-то, кто захочет и сможет помочь.

Кэртис покачал головой, собираясь с мыслями.

— Может, это и правда, но с ними должен говорить человек, способный досконально описать технологию...

— Значит, тебе тоже нужно идти, — отозвался Дэвид.

Кэртису удалось улыбнуться в ответ:

— Ладно, я пойду. Но только потому, что у нас есть туз в рукаве.

— Какой туз? — не понял Дэвид.

— Парень, которого мы оставили связанным в пещере.

Дэвид положил руку ему на плечо:

— Хорошо, расскажешь по дороге. Посмотрим, что из этого выйдет.

Стараясь казаться спокойными, они попрощались с нами и двинулись вправо, чтобы подойти к бункеру с другой стороны.

Вдруг Майя громким шепотом окликнула их:

— Стойте! Я тоже пойду. Я врач, и здешние люди знают меня. Вам может понадобится ещё один свидетель.

Все трое посмотрели на нас с Чарлин, явно имея в виду, что мы тоже могли бы присоединиться к ним.

— Я — нет, — сказала Чарлин. — Думаю, я нужна в другом месте.

Я тоже отказался идти и попросил, чтобы о нас даже не упоминали. Они согласились и, кивнув на прощание, пошли на свет автомобильных фар.

Оставшись одни, мы с Чарлин взглянули друг другу в глаза. Я вспомнил то глубокое чувство, которое испытал к ней в ином измерении. Она уже шагнула ко мне, готовая сказать что-то, как вдруг мы оба одновременно заметили свет ручного фонарика футак в пятидесяти справа от нас.

Мы бесшумно отступили под деревья. Луч фонаря изменил направление, теперь он двигался прямо к нам. Мы пригнулись к земле, сдерживая дыхание. Свет приближался, и наконец я услышал голос, видимо разговаривавший сам с собой. Я узнал этот голос — он принадлежал Джоэлу.

Мы с Чарлин переглянулись.

— Я знаю, кто это, — шепнул я. — Думаю, нам стоит поговорить с ним.

Она кивнула.

Когда Джоэл был футак в двадцати от нас, я окликнул его по имени.

Он остановился, направил свет фонарика на нас, сразу же узнал меня и, подойдя, присел на корточки рядом с нами.

— Что вы тут делаете? — спросил я.

— Там почти ничего не осталось, — сказал он, жестом указывая в сторону бункера. — Там подземная лаборатория, но оттуда всё успели вынести. Мне пришло в голову, что стоит прогуляться до водопадов, но, оказавшись в темноте, я передумал.

— Я думал, вас уже нет здесь, — сказал я. — Вы были так скептически настроены.

— Да, знаю. Я и собирался уйти, но... в общем, мне приснился сон, который смутил меня. Я подумал, что, пожалуй, нужно остаться и попытаться помочь.

Ребята из Службы леса сочли меня ненормальным, но потом я встретил человека из шерифского отдела графства. Он получил сообщение от кого-то. Так что мы приехали сюда вместе. И нашли эту лабораторию.

Мы с Чарлин обменялись взглядом; потом я коротко рассказал Джоэлу о столкновении с Феймэном и о том, что из этого вышло.

— Значит, они действительно чуть не разнесли тут всё? — похоже, с трудом веря, покачал головой Джоэл. — Кто-нибудь пострадал?

— Да нет, нам повезло.

— Когда ваши друзья отправились туда?

— Несколько минут назад.

Он посмотрел по очереди на нас с Чарлин:

— А вы не пойдёте?

Я отрицательно мотнул головой:

— Я подумал, что лучше будет нам понаблюдать, что будут делать власти, а им знать о нас ни к чему.

Выражение лица Чарлин сказала мне, что она того же мнения.

— Хорошая мысль, — заметил Джоэл, оглядываясь в сторону бункера. — Я, пожалуй, пойду назад: пусть они знают, что прессе известно об этих трёх свидетелях. Как связаться с вами?

— Мы сами свяжемся с вами, — ответила Чарлин.

Он вручил мне визитную карточку, кивнул Чарлин и направился к бункеру.

Чарлин перехватила мой взгляд:

— Он — седьмой член нашей группы, да?

— Думаю, что да.

Некоторое время мы молчали, размышляя каждый о своём, потом Чарлин сказала:

— Пошли! Давай попробуем пробраться в город.

Мы шли уже около часа, когда вдруг справа от нас загремел целый хор певчих птиц. Начинало светать; выплывая из леса, над землёй тянулся прохладный туман.

— Что там? — спросила Чарлин.

— Посмотри-ка туда.

На севере, в просвете между деревьями, виднелся огромный старый тополь; его ствол имел, должно быть, не менее восьми футов в диаметре.

В полусвете раннего утра вокруг нижней части дерева виднелось какое-то сияние, как будто его чудом высветили лучи солнца, находившегося ещё за горизонтом. Меня охватило знакомое тёплое чувство.

— Что это? — повторила Чарлин.

— Это Уил! — воскликнул я. — Пойдём туда.

Когда до дерева оставалось футов десять, из-за него выглянул широко улыбающийся Уил. Он изменился, но в чём? Рассматривая его, я понял, что яркость его свечения не изменилась, но

теперь я видел его чётче, чем прежде, как бы, в фокусе.

Он обнял нас обоих.

— Ты видел, что произошло? — спросил я.

— Да, — кивнул он. — Я был там вместе с сонмами душ, так что видел всё.

— Я теперь вижу тебя чётче. Что ты с собой сделал?

— Я — ничего, — усмехнулся Уил. — Это благодаря тебе и всем остальным из группы, а особенно Чарлин.

— Что вы имеете в виду? — удивилась Чарлин.

— Когда вы впятером увеличили свою энергию и сознательно вспомнили Видение мира более подробно, тем самым вы значительно повысили уровень вибрации этой долины: он приблизился к уровню Афтерлайфа, а это значит, что теперь вы видите отчётливее, чем раньше, меня, а я — вас. Теперь, даже сонмы душ в долине будут лучше видны.

Я пристально взглянул на Уила:

— Всё, что мы видели здесь, в долине, всё, что случилось... Это ведь Десятое откровение, да?

Он кивнул:

— То же самое происходит с людьми по всей планете. После того как мы усвоили первые девять Откровений, каждый из нас остаётся на прежнем месте, стараясь следовать им день за днём перед лицом того, что кажется нарастающим пессимизмом и отчуждением вокруг нас.

Но, в то же самое время, мы обретаем всё большую перспективу и ясность относительно нашей духовной ситуации, того, кем мы являемся в действительности. Мы знаем, что пробуждаемся для реализации Гораздо более масштабного плана на планете Земля.

Десятое откровение учит нас не терять оптимизма и активности.

Мы учимся лучше распознавать проявления нашей интуиции, верить в них, зная, что эти мысленные образы являются мимолётными воспоминаниями о нашем изначальном намерении, о том, как мы хотели, чтобы развивалась наша жизнь.

Мы хотели следовать в ней по определённой тропе, чтобы, в конце концов, вспомнить ту истину, к восприятию которой нас готовит весь опыт нашей жизни, и принести это знание в мир.

Сейчас мы созерцаем наши жизни из более высокой перспективы Афтерлайфа. Мы знаем, что всё, что случается с нами, происходит в контексте долгой истории человеческого пробуждения.

Когда эта память есть, наши жизни имеют основу, вписываются в контекст; мы можем видеть тот длительный процесс, посредством которого мы одухотворяем физическое измерение, и то, что нам ещё предстоит сделать.

Уил перевел дух, подошёл ближе к нам:

— Теперь посмотрим, соберётся ли достаточно таких трупп, как ваша, чтобы вспомнить; посмотрим, достаточно ли число людей на Земле поймёт суть Десятого откровения. Мы же видели: теперь мы ответственны за то, чтобы поддерживать изначальное намерение, чтобы гарантировать будущее.

Поляризация Страхá всё ещё на подъёме, и если именно нам предстоит решить эту проблему и двинуться дальше, то каждый из нас, должен лично участвовать в этом.

Мы должны внимательно наблюдать за своими мыслями и ожиданиями и останавливать себя всякий раз, когда начнём относиться к другому человеческому существу, как к врагу.

Мы можем защищаться и ограничивать действия некоторых людей, но, дегуманизируя их, мы льём воду на мельницу Страхá.

Все мы являемся душами в процессе роста; у всех нас есть изначальное намерение, притом,

положительное; и все мы можем вспоминать.

Наша ответственность заключается в том, чтобы передавать эту идею каждому человеку, который встречается на нашем пути.

Вот истинная этика межличностных отношений, вот как мы растём над собой, вот как новое знание, новое понимание проникают на планету и охватывают её.

Либо мы страшимся, что человеческая культура разваливается, либо мы можем удерживать Видение нашего пробуждения.

В любом случае, наше ожидание является молитвой, которая становится силой, способной вызвать к существованию то, чего мы ожидаем. Каждый из нас должен сделать сознательный выбор между тем и другим будущим.

Сказав это, Уил, казалось, задумался. Тем временем, бросив взгляд на линию большого хребта к югу от нас, я заметил кольшущиеся пятна белого света.

— Тут столько всего произошло, что я так и не собрался спросить тебя насчёт этого движущегося белого света. Ты знаешь, что это такое?

Уил улыбнулся и, протянув руки, положил их нам на плечи.

— Это ангелы, — сказал он. — Они отвечают на нашу веру, на наши видения и творят чудеса. Похоже, они являются тайной даже в Афтерлайфе.

В этот момент перед моим мысленным взором возникло видение: множество людей, собравшихся в какой-то долине, очень похожей на эту. Там была и Чарлин, и другие, и было много детей.

— Думаю, следующий наш шаг — это понять ангелов, — продолжал Уил, глядя широко раскрытыми глазами на север, как будто созерцая своё собственное видение. — Да, я уверен в этом. Ну, вы идёте?

Я взглянул на Чарлин и понял, что она видела то же, что и я.

— Пожалуй, нет, — ответила она.

— Не сейчас, — добавил я.

Не говоря больше ни слова, Уил коротко обнял нас и, повернувшись, зашагал прочь.

В первый момент мне не захотелось отпускать его, но я промолчал. Что-то подсказывало мне, что до конца этой истории ещё далеко, и я знал, что скоро мы снова встретимся.

notes

Ярд — 0,91 метра.

2 Акр — 0,4 гектара.

3 Афтерлайф (англ.) — буквально: после жизни. (Примеч. переводчика)